

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Мажарина Юлия Николаевна

МЕМУАРНЫЕ ПОРТРЕТНЫЕ ОЧЕРКИ Б.К. ЗАЙЦЕВА:
ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ

Специальность 10.01.10 – журналистика

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук
профессор Кройчик Лев Ефремович

Воронеж – 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Мемуары как вид литературного творчества в отечественной словесности.....	
17	17
1.1. Мемуары – исторический контекст.....	17
1.2. Общая теория и практика мемуаристики.....	29
1.3. Природообразующие признаки мемуаров.....	39
1.4. Автор как субъект высказывания в мемуарах.....	48
1.5. Типология мемуаров Русского зарубежья первой волны.....	55
Глава II. Специфика портретных очерков в мемуаристике	
Б.К. Зайцева.....	75
2.1. Место публицистики и мемуаристики в творческой биографии Б.К. Зайцева.....	
75	75
2.2. Поэтика мемуарного портретного очерка.....	87
2.3. Образ автора и образ эпохи в мемуарных портретных очерках....	95
2.4. Структура мемуарных портретных очерков.....	101
2.5. Искусство повествования.....	114
2.6. Поэтика образа в мемуарной публицистике Б.К. Зайцева.....	133
Заключение.....	148
Список использованной литературы.....	156

ВВЕДЕНИЕ

«La passion du réel» или «страсть реального» – ключевая черта XX века, утверждает французский философ А. Бадью¹. В XXI веке страсть эта не ослабла, а вспыхнула с новой силой. Интерес ко всему документальному и «реалистичному» нарастает. Современная публицистика пробует разными способами поймать, описать и объяснить «настоящую жизнь». Мемуаристика как нельзя лучше подходит для решения этой задачи.

Интерес к мемуаристике закономерен. Именно из мемуаров сегодня массовая аудитория пытается узнать то, что ей не удаётся узнать из текстов средств массовой информации. Читатель сегодня требует «реальной жизни»: без художественных прикрас, редакционных стандартов, эстетической или идеологической цензуры.

Публицистика же зачастую рассказывает ему о реальности небылицы. Художественная литература либо изображает жизнь такой, какой её не хочется знать, либо бодро повествует об идеалах, которые пока, к сожалению, недостижимы. Лишь мемуаристика, как правило, реконструирует то, что больше всего запомнилось в былом. Именно запомнилось, а не придумалось.

Мемуары – возвращение к настоящей жизни, к подлинной реальности.

Основа произведений мемуарного жанра – реальные воспоминания реального человека. Сегодня они пользуются спросом не только в публицистике, но и в других областях культуры: кинематографе, литературе, театральном искусстве. Искусство XXI века активно повернулось в сторону документализма. Документализм как принцип зеркального отражения действительности является одним из ведущих приёмов исследования реальности.

Актуальность исследования определяют четыре фактора, свойственные современной публицистике:

¹ Бадью А. Манифест философии / А. Бадью. - Сост. и пер. с франц. В.Е. Лапицкий. – СПб.: Machina, 2012. – С. 84.

- «страсть реального» по характеристике А. Бадью²;
- возрастание интереса к личности конкретного человека;
- интерес к документально зафиксированным деяниям человека;
- интерес к автору как субъекту высказывания, чей взгляд на происходящее важен для понимания сути исторического процесса.

Ключевая черта современной публицистики – персонализация повествования. Ключевая единица мемуарного текста – человек и как объект, и как субъект высказывания. У него есть свой взгляд на мир. Его чувства и мысли важны ничуть не меньше, чем крупное историческое событие. Мемуары – множество индивидуальных судеб, которые в памяти автора воспоминаний оттачиваются, шлифуются. Итог – коллективный портрет поколения. Мемуары – форма изучения эпохи в лицах.

В современной культуре велик интерес к человеку бывалому. Героями произведений становятся успешные люди. А успешный человек, в свою очередь, это человек, имеющий опыт реальной деятельности, знаменитый чем-то, готовый поделиться своим опытом.

Определить своё место в прошлом и настоящем, осмыслить прожитую жизнь, зафиксировать её в письменной форме и передать свой опыт потомкам стремились и стремятся те, кто осознаёт себя личностью. Значение перевода увиденного, пережитого, прочувствованного в письменный текст велико. Слово, порой, более значимо, чем само событие, сам поступок. В текстах мемуарного жанра оно приобретает высокую степень изобразительной ответственности. «Я хотел было написать: «Это — человек сложный»... Сложный, так и не пиши», – замечает С.Д. Довлатов³.

Интерес к мемуаристике Русского зарубежья закономерен: воспоминания свидетелей давно ушедших событий возвращают к давно ушедшей эпохе, реконструируя навсегда утраченное. Мемуары русских эмигрантов – «прививка» от забвения.

² Бадью А. Манифест философии / А. Бадью. – Сост. и пер. с франц. В.Е. Лапицкий. – СПб.: Machina, 2012. – С. 84.

³ Довлатов С.Д. Ремесло / С.Д. Довлатов. – СПб.: Азбука-классика, 2009. – С. 148.

Новое XXI столетие требует наглядного объективного подведения итогов века ушедшего. То, что принято считать исторической наукой, сегодня мало чем отличается от фантастического романа на историческую тему... Многие мемуары в Русском зарубежье рождены стремлением авторов заполнить исторические лакуны, восстановить перекошенную историю XX века в подлинных пропорциях и своё место в ней.

Историческое самоосознание личности – одно из коренных, природообразующих составляющих мемуаристики. Оно проявляет себя и в иных формах духовного творчества, но именно в мемуаристике реализуется с наибольшей последовательностью и полнотой. В этом и состоит её социально-культурная функция.

Мемуары Русского зарубежья — материализованная часть памяти людей, оказавшихся на чужбине. Особый интерес представляют воспоминания эмигрантов первой волны, особого поколения людей, живших с ощущением того, что их обитель тех лет – Россия, воссозданная за пределами Отечества.

Они достаточно красноречиво свидетельствуют о самосознании эмигрантов, нравах, царивших в Русском зарубежье. Мемуаристы стремятся свидетельствовать не столько о том, **что** было, а скорее о том, **как** и **зачем** это было. Будучи наиболее личным, субъективным, документом эпохи, в своём многообразии мемуары создают объективный портрет былого, сохраняют атмосферу, образы, ключевые установки. Воссоздают, казалось бы, навсегда утраченное.

Возникнув в границах определённого социально-исторического контекста, мемуары русских эмигрантов, как и любой публицистический текст, опираются на реальные факты. Описываемые в мемуарах события, люди, явления - составная часть исторического процесса, в тоже время сами тексты мемуаристики являются документальными свидетельствами этого процесса.

Мемуары изначально включены в систему массового потребления. Повествование об интимной стороне жизни человека, о его индивидуальной, неповторимой судьбе, желание самовыразиться, самоотчитаться перед собой

сопрягается в мемуарах со стремлением, во что бы то ни стало, найти сочувственно настроенную аудиторию и дать ей повод для сопоставления, для размышления широкой читательской аудиторией.

Мемуаристы Русского зарубежья редко вспоминали «в стол», как и современные авторы. Они заранее представляли свою аудиторию и писали не просто воспоминания, а «воспоминания столетий».

Одним из таких людей был Борис Константинович Зайцев. Прозаик, переводчик, публицист. Покинув Россию в 1922 году, Б.К. Зайцев почти пятьдесят лет прожил в Париже, крупном европейском центре русского рассеяния. В России его имя и творческое наследие стало известно лишь в 1990-е годы.

Являясь штатным сотрудником многих изданий Русского зарубежья: «Современных записок», «Возрождения», «Русской мысли», «Русских записок», «Нового журнала», – с 1947 до 1972 года Б.К. Зайцев ещё и возглавляет Парижский союз писателей и журналистов.

Публицистическое и беллетристическое наследие Б.К. Зайцева периода эмиграции весьма обширно. За границей он издал без малого тридцать книг, свет увидели около шестисот его публицистических работ: заметки, статьи, рецензии, комментарии, обзоры, путевые и мемуарные портретные очерки. Такой зримый перевес в сторону публицистического творчества, свидетельствует о склонности Б.К. Зайцева к прямому, оперативному диалогу с аудиторией, о его желании высказываться публично. Впрочем, такое желание было свойственно и другим эмигрантам. Наряду с их текстами массив публицистических текстов Б.К. Зайцева во многом является индикатором основных тенденций общественной и культурной жизни Русского зарубежья.

Мемуары писателя помогают понять современной аудитории суть процессов, имевших колоссальное влияние на судьбу русского общества рубежа XIX-XX веков; уяснить масштабы трагического развития событий, имевших место в то время; выявить многие характерологические особенности художника, оказавшегося вне Отечества; глубже понять природу взаимоотношений людей,

оказавшихся вне Родины; наконец, выявить историческую достоверность термина «Русское зарубежье» (вариант «Русское рассеяние»), пользовавшегося популярностью в 20-30-е годы прошлого века.

Особое место в публицистике Б.К. Зайцева занимают мемуарные портретные очерки. Вспоминая на страницах эмигрантской периодики своих современников, представителей Серебряного века русской культуры, автор воспроизводит облик дореволюционной России. Страны, физически утерянной в пылу революционной борьбы. Страны, верность которой духовно эмиграция сохранила надолго. Ностальгия – лейтмотив жизни и творчества практически всех представителей первой волны Русского зарубежья.

Ещё при жизни Б.К. Зайцева многие мемуарные портретные, путевые очерки были им самим объединены и изданы в виде сборников: «Москва» (1939), «Далёкое» (1965), «Афон» (1928), «Валаам» (1936). Сегодня практически всё творческое наследие Б.К. Зайцева переиздано в России отдельными изданиями и в рамках 11-томного собрания сочинений⁴.

Цель данного исследования – выявить особенности поэтики мемуарных портретных очерков Б.К. Зайцева.

Для достижения поставленной цели были выдвинуты следующие **задачи**:

- выявить природообразующие признаки мемуаров;
- охарактеризовать формы авторского «Я» в мемуарах;
- проследить генезис русской мемуаристики, её движение от прамемуаристики к самостоятельному жанру;
- определить место публицистики и мемуаристики в творческой биографии Б.К. Зайцева;
- обозначить особенности портрета в мемуаристике Б.К. Зайцева: образные и структурно-композиционные.

Объектом исследования являются мемуарные портретные очерки, созданные Б.К. Зайцевым в 20-60-е годы XX века.

⁴ Зайцев Б.К. Собрание сочинений / Б.К. Зайцев // В 11 т. – М.: Русская книга, 1999-2001. – Т. 1-11.

Предмет исследования – образные и структурно-композиционные особенности мемуарных портретных очерков Б.К. Зайцева.

Эмпирическую базу работы составляют мемуарные портретные очерки «Ю.И. Айхенвальд», «Алданов», «Леонид Андреев», «О Леониде Андрееве», «Ахматова», «О любви (Балтрушайтис)», «Бальмонт», «Андрей Белый», «Александр Бенуа», «Бердяев», «Братья-писатели», «Молодость – Иван Бунин», «Юлий Бунин», «Надежда Бутова», «М.О. Гершензон», «Сергей Глаголь», «Максим Горький (К юбилею)», «О Горьком и о былом», «Гумилёв», «Вячеслав Иванов», «Наш Казанова», «Архимандрит Киприан», «Давнее. Луначарский. Каменев», «Памяти Мережковского. 100 лет», «Дух голубиный» (К.В. Мочульский), «П.П. Муратов», «Странники (Посвящается В.И. Немировичу-Данченко)», «Осоргин», «О Пастернаке», «Пастернак в революции», «Паустовский», «Побеждённый», «И.И. Тхоржевский», «Ушедшему», «Другие и Марина Цветаева», «М.О. Цетлин», «О Шмелёве», «С.С. Юшкевич (1869-1927)», «П.М. Ярцев» и другие.

Все тексты в разное время были опубликованы в периодических изданиях Русского зарубежья: «Современные записки» (Париж, 1920-1940), «Последние новости» (1920-1940), «Русские записки» (Париж, Шанхай, 1937-1939), «Русская мысль» (Париж, с 1947), «Новое русское слово» (Нью-Йорк, 1910-1940). А затем составили сборники «Братья-писатели», «Далёкое», «Мои современники», «Москва»⁵.

Положения, выносимые на защиту:

1. Под мемуарами понимается публицистический жанр, представляющий собой реконструкцию реальности (факты, лица, события, проблемы, явления, процессы), опирающуюся под индивидуально-неповторимым углом зрения автора на память субъекта воспоминаний.

Из данного определения следуют ключевые природообразующие признаки мемуаров: память, как исходная точка повествования, персонализация

⁵ Зайцев Б.К. Братья писатели / Б.К. Зайцев. – М., 1991. – 214 с. ; Зайцев Б.К. Далёкое / Б.К. Зайцев. – М.: Советский писатель, 1991. – 512 с. ; Зайцев Б.К. Мои современники / Б.К. Зайцев. – London: OPI, 1988. – 167 с. ; Зайцев Б. Москва / Б. Зайцев. – Мюнхен: Echo Press, 1973. – 160 с.

повествования, высокая степень отражения в тексте личности автора, свободная композиция, особый тип нарратива, сориентированный на доверительную интонацию.

2. Мемуарный портретный очерк – публицистический жанр, исследующий закономерности социально-нравственного бытия человека на основе мемориального воспроизведения судьбы конкретной личности глазами очевидца описываемых событий.

3. Мемуары – самопрезентация автора. Они фиксируют процесс самотворения личности. Демонстрация авторского самоосознания – своего рода индикатор мемуарности произведения. Автор предстаёт в мемуарах:

– как объект изображения (один из персонажей-участников воспоминаний) и как субъект высказывания (предлагающий аудитории свой взгляд на действительность);

– как личность со своим сугубо индивидуальным видением мира и как органическая часть той группы людей, о которой он пишет.

4. Специфика поэтики мемуаров заключается в особом типе хронотопа в них и в характере диалога автор-аудитория.

Время существует в воспоминаниях в двух временных пластах: времени события и времени рассказа о нём. Взгляд на происходящее (время мемуариста) дробится на многоаспектное время восприятия рассказа (время аудитории). Воспроизводящее и воспринимающее сознания вступают в сложную систему взаимоотношений. В итоге у аудитории появляется представление о событии, скорректированное ею. Благодаря этому появляется своеобразная глубина резкости – событие в рассказе и рассказ о событии (на что обратил в своё время внимание М.М. Бахтин⁶).

5. Мемуары Русского зарубежья первой волны – воспоминания о прошлом как о желаемом настоящем. Отсюда – миф «о потерянном рае». Мемуарный образ прошлого зачастую свят, идеален, иллюзорен. Ностальгия – одна из доминант мемуаристики Русского зарубежья. Опорные образы мемуаров – образы

⁶ Бахтин М.М. Автор и герой: (К философским основам гуманитарных наук) / М.М. Бахтин. – М., 2000. – 332с.

патриархальной России (церкви, берёзы, поля, народные гуляния и т.п.). Таким образом в мемуарах создаётся антитеза «Россия – Совдепия».

Есть основания различать следующие типы мемуаров Русского зарубежья первой волны:

- портретные очерки;
- документально-исторические хроники;
- историко-литературные обзоры;
- социально-бытовые записки.

6. Б.К. Зайцев соединил в своей мемуаристике два важных профессиональных качества: с одной стороны, он выступает как профессионал, реконструирующий былое, стремящийся при воспроизведении прошлого соединить точность реконструкции с естественной для художника творческой фантазией. А с другой – автор выступает как реставратор, как мастер, аккуратно восстанавливающий прошлое в его исторической и бытовой достоверности.

Теоретическая база исследования. В качестве теоретической основы работы использовано несколько различных групп источников.

Прежде всего, это труды, посвящённые общим вопросам поэтики и структуры художественного и публицистического текста Л.Я. Гинзбург, Л.Е. Кройчика, Ю.М. Лотмана, М.К. Мамардашвили, М.И. Стюфляевой, В.Б. Шкловского⁷.

При анализе природы жанрообразования мемуаров были рассмотрены работы исследователей теории жанров: Я. Ассмана, Ю.В. Булдаковой, Л.Я. Гаранина, Е.Л. Кирилловой, Н.Н. Козновой, Т.М. Колядич, М.Ю. Михеева, А.Г. Тартаковского, А.А. Тертычного, В.В. Учёновой, С.А. Шомовой⁸.

⁷ Гинзбург Л.Я. О психологической прозе / Л.Я. Гинзбург. – М., 1999. – 414 с. ; Основы творческой деятельности журналиста: Учебник для студентов вузов по специальности «Журналистика» / С.Г. Корконосенко. – СПб.: Знание, 2000. – 272 с. ; Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб, 2001. – 703 с. ; Мамардашвили М.К. Эстетика Мышления / М.К. Мамардашвили. – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – 410 с. ; Стюфляева М.И. Образные ресурсы публицистики / М.И. Стюфляева. – М.: Мысль, 1982. – 176 с. ; Стюфляева М.И. Человек в публицистике (Методы и приемы изображения и исследования) / М.И. Стюфляева. – Воронеж, 1989. – 145 с. ; Шкловский В.Б. О теории прозы / В.Б. Шкловский. — М.: Советский писатель, 1983. — 383 с.

⁸ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 363 с. ; Булдакова Ю.В. Дневник писателя как феномен литературы русского зарубежья 1920-1930-х гг.: типология и поэтика жанра: дис. ... кандидата филол. наук : 10.01.01 / Юлия Вячеславовна Булдакова. – Киров, 2010. – 189 с. ; Гаранин Л.Я. Мемуарный жанр советской

Существенную часть источников составили работы по литературе и публицистике Русского зарубежья В.В. Агеносова, Ю.А. Азарова, П.М. Бицилли, Т.П. Буслаковой, С.Н. Гладышевой, О.Н. Михайлова, А.В. Млечко, М.И. Раева, Г.П. Струве⁹.

В ещё одну группу источников входят труды, затрагивающие вопросы авторского «Я» и авторского самосознания (М.М. Бахтин, Д.С. Лихачёв, Ю.М. Лотман, И.В. Манн)¹⁰.

Постижению поэтики мемуарного портрета способствовали исследования В.С. Барахова, И.О. Велиева, Б.Е. Галанова¹¹.

Необычайно полезными оказались наблюдения и выводы исследователей по творчеству Б.К. Зайцева, содержащиеся в работах Р. Герра, О.А. Кашпур, А.М.

литературы. Историко-теоретический очерк / Л.Я. Гаранин. – Минск: Наука и техника, 1986. – 223 с. ; Кириллова Е.Л. Мемуаристика как метажанр и ее жанровые модификации (На материале мемуарной прозы русского зарубежья первой волны) : дис. ... кандидата филол. наук : 10.01.01 / Екатерина Леонидовна Кириллова. – Владивосток, 2004. – 221 с. ; Кознова Н.Н. Мемуары русских писателей-эмигрантов первой волны: концепции истории и типология форм повествования : автореф. дис. ... доктора филол. наук : 10.01.01 / Наталья Николаевна Кознова. – М., 2011. – 46 с. ; Колядич Т.М. Русская проза конца XX века / Т.И. Колядич. – М., 2005. – 420 с. ; Михеев М.Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX-XX) / М.Ю. Михеев. – М.: Водолей Publishers, 2007. – 264 с. ; Тартаковский А.Г. Россия и Российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках / А.Г. Тартаковский // Соч.: В 4 т. – М., 2003. – Т. 1-4. ; Тертычный А.А. Жанры периодической печати: Учебное пособие / А.А. Тертычный. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 312 с. ; Учёнова В.В., Шомова С.А. Полифония текстов в культуре / В.В. Учёнова, С.А. Шомова. – М., 2003. – 392 с.

⁹ Агеносов В.В. Литература русского зарубежья (1918-1996) / В.В. Агеносов. – М.: Терра. Спорт, 1998. – 543 с. ; Азаров Ю.А. Диалог поверх барьеров. Литературная жизнь русского зарубежья: центры эмиграции, периодические издания, взаимосвязи (1918-1940) / Ю.А. Азаров. – М.: Совпадение, 2005. – 235 с. ; Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования. Статьи. Рецензии / П.М. Бицилли. — М.: Русский путь, 2000. — 605 с. ; Буслакова Т.П. Литература русского зарубежья / Т.П. Буслакова. – М.: Высшая школа, 2003. – 365 с. ; Гладышева С.Н. Вторая мировая война в публицистике М. Осоргина / С.Н. Гладышева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2011. – № 2. – С. 163-167. ; Гладышева С.Н. Зарубежная Россия в «Дневнике политика» П.Б. Струве / С.Н. Гладышева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2012. – № 2. – С. 150-153. ; Гладышева С.Н. Мемуаристика в прессе русского зарубежья 1920-1940-х гг. / С.Н. Гладышева // Жанры СМИ: история, теория, практика: материалы IV и V Всероссийских научно-практических конференций г. Самара 15-16 марта 2012 г. – Самара: Изд-во ООО «Порто-принт», 2012. – С. 39-50. ; Михайлов О.Н. Литература русского зарубежья. 1920-1940 / О.Н. Михайлов. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 592 с. ; Млечко А.В. Мифосимволическая структура художественного дискурса журнала «Современные записки» (1920-1940) : автореф. дис. ... доктора филол. наук : 10.01.10 / Александр Владимирович Млечко. – Воронеж, 2009. – 40 с. ; Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919-1939: Пер. с англ. / Предисл. О. Казниной. – М.: Прогресс-Академия, 1994. – 296 с. ; Струве Г. Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы. – Париж-Москва, 1996. – 428 с.

¹⁰ Бахтин М.М. Автор и герой: (К философским основам гуманитарных наук) / М.М. Бахтин. – М., 2000. – 332с. ; Лихачёв Д.С. Человек в литературе Древней Руси / Д.С. Лихачёв. – М.: Наука, 2006. – 201 с. ; Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю.М. Лотман. – СПб., 2001. – 412 с. ; Манн Ю.В. Автор и повествование // Историческая поэтика: Литературные эпохи и типы художественного сознания. – М., 1994. – С. 431-480.

¹¹ Барахов В.С. Литературный портрет (истоки, поэтика, жанр) / В.С. Барахов. – Л.: Наука, 1985. – 312 с. ; Велиев И.О. Литературный портрет: его функция и типология / И.О. Велиев. – Баку: Элм, 1986. – 161 с. ; Галанов Б.Е. Живопись словом. Портрет. Пейзаж. Вещь / Б.Е. Галанов. – М.: Сов. писатель, 1974. – 343 с.

Любомудрова, Е.А. Михеичевой, Т.М. Степановой, А.С. Шиляевой, А.В. Ярковой¹².

Степень изученности темы работы нельзя считать удовлетворительной. Несмотря на широкое распространение мемуарных портретных очерков в публицистике Русского зарубежья, научных трудов, посвящённых поэтике мемуарных портретных очерков не так уж много.

Одной из первых к исследованию мемуаристики обращается Л.Я. Гинзбург. Называя мемуары «промежуточным жанром, ускользящим от канонов и правил», Л.Я. Гинзбург выделяет жанрообразующие признаки мемуаристики, уделяет внимание взаимоотношениям автора и героя в мемуарах, приёмам изображения «истории в человеке»¹³. По сути дела, Л.Я. Гинзбург закладывает магистральные линии для движения других исследователей мемуаристики.

Мемуаристика является сферой научных интересов Т.М. Колядич. Исследовательница рассматривает её как «самостоятельное образование в системе прозаических жанров»¹⁴. Г.Г. Елизаветина полагает, что мемуары «в большей степени рассказ об исторических событиях, а не повествование о собственном жизненном пути»¹⁵. К историческим документам относит мемуары и Е.Г. Местергази¹⁶.

Проблемы поэтики мемуарной прозы наиболее активно осваиваются исследователями на примере отечественной мемуаристики XVIII-XIX веков, считающихся «веком мемуаров». Таковы работы А.В. Антюхова, О.В. Мишукова,

¹² Герра Р. Они унесли с собой Россию... Русские эмигранты – писатели и художники во Франции (1920-1970) / Р. Герра. – СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2004. – 416 с. ; Кашпур О.А. Жанр литературного портрета в творчестве Бориса Зайцева : дис. ... кандидата филол. наук : 10.01.01 / Ольга Анатольевна Кашпур. – М., 1995. – 211 с. ; Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцева, И.С. Шмелева / А.М. Любомудров. – СПб, 2003. – 272 с. ; Михеичева Е.А. О литературном портрете Б. Зайцева / Е.А. Михеичева // В поисках гармонии. – Орел, 1998. – С. 53-55. ; Степанова Т.М. Художественный мир публицистики русского зарубежья. Борис Зайцев / Т.М. Степанова. – М.: Издательство МГОУ, 2004. – 328 с. ; Шиляева А.С. Жизненный и творческий путь Б.К. Зайцева / А.С. Шиляева // Записки русской академической группы в США. – 1970. – Т. 4. – С.136-147. ; Яркова А.В. Жанровое своеобразие творчества Б.К. Зайцева 1922-1972 годов. Литературно-критические и художественно-документальные жанры. Монография / А.В. Яркова. – СПб.: ЛГОУ им. А.С. Пушкина, 2002. – 211 с.

¹³ Гинзбург Л.Я. О психологической прозе / Л.Я. Гинзбург. – М., 1999. – 414 с.

¹⁴ Колядич Т.М. Русская проза конца XX века / Т.И. Колядич. – М., 2005. – 420 с.

¹⁵ Елизаветина Г.Г. Становление жанра автобиографии и мемуаров / Г.Г. Елизаветина // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. – М.: Наука, 1982. – С. 253.

¹⁶ Местергази Е.Г. Художественная словесность и реальность (документальное начало в отечественной литературе XX века) : дис. ... доктора филол. наук : 10.01.08 / Елена Георгиевна Местергази. – М., 2008. – 246 с.

С.В. Савинкова, А.Г. Тартаковского¹⁷. Роли мемуарных жанров в советской литературе посвящены теоретические труды Л.Я. Гаранина¹⁸.

В основу теоретических позиций, развёрнутых в вышеприведённых исследованиях, положены утверждения о том, что мемуары – жанр художественной литературы или же форма исторического документа. Никто из исследователей не пытался рассматривать мемуары как жанр публицистики, граничащий с художественной литературой и историческими документами.

В работах не нашли отражения важные природообразующие элементы мемуаров, на основе которых мы и причисляем их к публицистике. Речь идёт об изначальной ориентации мемуаров на диалог с широкой аудиторией, о прямом авторском высказывании в отношении современной социальной ситуации (той, которой сам был свидетелем или участником) через её сопоставление с прошлым жизненным опытом автора.

Среди теоретиков журналистики об «исповедальной журналистике» одним из первых заговорил А.А. Тертычный. Он вводит в научный обиход данное понятие и даёт его трактовку. В исповедальной журналистике, по мнению исследователя, «самоанализ (его элементы можно обнаружить в самых разных публикациях) перерастает из подсобного фактора в одну из главных целей публикации»¹⁹.

Исследования, посвящённые мемуаристике Русского зарубежья, появляются в постперестроечные годы. Собственно с появлением в России самих мемуаров русских эмигрантов.

В.М. Пискунов рассматривает мемуары писателей, общественных деятелей Русского зарубежья как площадку для поиска истины эмигрантами первой

¹⁷ Антюхов А.В. Русская мемуарно-автобиографическая литература XVIII века (Генезис. Жанрово-видовое многообразие. Поэтика) : автореф. дис. ... доктора филол. наук : 10.01.01 / Андрей Викторович Антюхов. – Брянск, 2001. – 451 с. ; Мишуков О.В. Русская мемуаристика первой половины XIX века: проблемы жанра и стиля / О.В. Мишуков. – Лодзь: Ibidem, 2007. – 247 с. ; Савинков С.В. Творчество А.И. Герцена: философия и поэтика (1830-1840 гг.) / С.В. Савинков. – Воронеж: ВГПУ, 2005. – 119 с. ; Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII-первой половины XIX в. От рукописи к книге / А.Г. Тартаковский. – М.: Наука, 1991. – 286 с. ; Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века / А.Г. Тартаковский. – М.: Археографический центр, 1997. – 357 с.

¹⁸ Гаранин Л.Я. Мемуарный жанр советской литературы. Историко-теоретический очерк / Л.Я. Гаранин. – Минск: Наука и техника, 1986. – 223 с.

¹⁹ Тертычный А.А. Жанры периодической печати / А.А. Тертычный. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 312 с.

волны²⁰. Центром исследования в работах А.Г. Тартаковского становится проблема изображения в мемуарах историй отдельных людей и общества в целом²¹. Свои жанровые типологии мемуаристики Русского зарубежья выстраивают Е.Л. Кириллова, Н.Н. Кознова²². Вклад в научное представление о мемуаристике Русского зарубежья вносит работа Ю.В. Булдаковой, в которой исследовательница рассматривает дневник как феномен литературы Русского зарубежья, черты и особенности данного жанра²³.

Ряд исследований посвящён мемуарному наследию ряда писателей Русского зарубежья (С.Н. Гладышева, А.А. Кузнецова, А.М. Новожилова, Т.Н. Стоянова)²⁴.

Упоминания о Б.К. Зайцеве можно обнаружить в историко-литературных работах общего, обзорного характера В.В. Агеносова, Т.П. Буслаковой, Р. Герра, О.Н. Михайлова, М.И. Раева²⁵.

Литературно-критические отзывы о Б.К. Зайцеве встречаются в трудах его современников (В.В. Вейдле, П.П. Муратов, М.А. Осоргин, Ф.А. Степун, А.С. Шиляева)²⁶.

²⁰ Пискунов В.М. Чистый ритм Мнемозины / В.М. Пискунов. – М.: Альфа-М, 2005. – 607 с.

²¹ Тартаковский А.Г. Россия и Российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках / А.Г. Тартаковский // Соч.: В 4 т. – М., 2003. – Т. 1-4.

²² Кириллова Е.Л. Мемуаристика как метажанр и ее жанровые модификации (На материале мемуарной прозы русского зарубежья первой волны) : дис. ... кандидата филол. наук : 10.01.01 / Екатерина Леонидовна Кириллова. – Владивосток, 2004. – 221 с. ; Кознова Н.Н. Мемуары русских писателей-эмигрантов первой волны: концепции истории и типология форм повествования : дис. ... доктора филол. наук : 10.01.01 / Наталья Николаевна Кознова. – М., 2011. – 492 с.

²³ Булдакова Ю.В. Дневник писателя как феномен литературы русского зарубежья 1920-1930-х гг.: типология и поэтика жанра : дис. ... кандидата филол. наук : 10.01.01 / Юлия Вячеславовна Булдакова. – Киров, 2010. – 189 с.

²⁴ Гладышева С.Н. Зарубежная Россия в «Дневнике политика» П.Б. Струве / С.Н. Гладышева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2012. – № 2. – С. 150-153. ; Кузнецова А.А. Идейное и художественное своеобразие мемуарной прозы второстепенных писателей русской литературной эмиграции (Н. Берберова, И. Одоевцева, В. Яновский) : дис. ... кандидата филол. наук : 10.01.01 / Анна Александровна Кузнецова. – М., 2005. – 241 с. ; Новожилова А.М. Петербургские дневники Зинаиды Гиппиус («Синяя книга», «Чёрные тетради», «Чёрная книжка», «Серый блокнот»): проблемы поэтики жанра : дис. ... кандидата филол. наук : 10.01.01 / Алина Михайловна Новожилова. – СПб., 2005. – 215 с. ; Стоянова Т.Н. Книга А.М. Ремизова «Взвихрённая Русь»: формирование поэтики : дис. ... кандидата филол. наук : 10.01.01 / Тинна Николаевна Стоянова. – СПб., 2003. – 180 с.

²⁵ Агеносов В.В. Литература русского зарубежья (1918-1996) / В.В. Агеносов. – М.: Терра. Спорт, 1998. – 543 с. ; Буслакова Т.П. Литература русского зарубежья / Т.П. Буслакова. – М.: Высшая школа, 2003. – 365 с. ; Герра Р. Они унесли с собой Россию... Русские эмигранты – писатели и художники во Франции (1920-1970) / Р. Герра. – СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2004. – 416 с. ; Михайлов О.Н. Литература русского зарубежья. 1920-1940 / О.Н. Михайлов. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 592 с. ; Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919-1939: Пер. с англ. / Предисл. О. Казниной. – М.: Прогресс-Академия, 1994. – 296 с.

²⁶ Вейдле В. Б. Зайцев (85-летие) / В. Вейдле // Возрождение. – 1966. – № 174. – С. 8-14. ; Муратов П. Б. Зайцев. Италия / П. Муратов // Современные записки. – 1923. – № 15. – С. 98-114. ; Осоргин М. О Борисе Зайцеве / М. Осоргин // ПН. – 1926. – 9 дек. ; Степун Ф. Встречи: Достоевский – Л. Толстой – Бунин – Зайцев – В. Иванов – Белый – Леонов / Ф. Степун. – Мюнхен: Творчество Зарубежных писателей, 1962. – 203 с. ; Шиляева А.С.

Публицистическое творчество Б.К. Зайцева становилось предметом исследований А.В. Громовой, О.А. Кашпур, Е.А. Михеичевой, Т.М. Степановой²⁷.

Однако, несмотря на внимание исследователей к изучению творчества Б.К. Зайцева, его публицистика до сих пор освоена недостаточно полно.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые рассматриваются особенности поэтики мемуарных портретных очерков Б.К. Зайцева, их образная структура, специфика повествования, принципы создания.

Методологическую базу исследования составляют методы системного и типологического анализа, позволяющие характеризовать мемуары как особую форму публицистики; анализ индивидуальной повествовательной манеры Б.К. Зайцева, воплощения образов автора и эпохи в тексте базируется на методе ценностной интерпретации и элементах культурологического анализа.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней на основе анализа портретных очерков, созданных в разные годы Б.К. Зайцевым, формулируются постулаты, выявляющие специфику мемуарного портретного очерка, как публицистического жанра; выявляются приёмы, с помощью которых публицист реконструирует личность субъекта изучения; выявляются особенности творческой манеры Б.К. Зайцева как мастера портретного очерка, его эволюция.

Практическая значимость исследования состоит в том, что материал диссертации может быть использован при чтении специальных курсов по публицистике и мемуаристике Русского зарубежья.

Апробация результатов исследования.

Основные теоретические положения, выводы и результаты диссертации докладывались и обсуждались на заседаниях кафедры истории журналистики и литературы факультета журналистики ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет», были представлены на международных и

Жизненный и творческий путь Б.К. Зайцева / А.С. Шилиева // Записки русской академической группы в США. – 1970. – Т. 4. – С.136-147.

²⁷ Громова А.В. Жанровая система творчества Б.К. Зайцева: литературно-критические и художественно-документальные произведения : дис. ... доктора филол. наук : 10.01.01 / Алла Витальевна Громова. – Орёл, 2009. – 522 с. ; Кашпур О.А. Жанр литературного портрета в творчестве Бориса Зайцева : дис. ... кандидата филол. наук : 10.01.01 / Ольга Анатольевна Кашпур. – М., 1995. – 211 с. ; Михеичева Е.А. О литературном портрете Б. Зайцева / Е.А. Михеичева // В поисках гармонии. – Орёл, 1998. – С. 53-55. ; Степанова Т.М. Художественный мир публицистики русского зарубежья. Борис Зайцев / Т.М. Степанова. – М.: Издательство МГОУ, 2004. – 328 с.

всероссийских научных и научно-практических конференциях: «Проблемы массовой коммуникации: новые подходы» (Воронеж, 2007, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013), «Проблемы массовой коммуникации» (Воронеж, 2007, 2008, 2013, 2014), «Трансформация систем СМИ в современном мире» (Москва, 2009), «Средства массовой информации в современном мире: молодые исследователи» (Санкт-Петербург, 2009, 2010, 2011, 2012, 2014), «Жанры СМИ: история, теория, практика» (Самара, 2013). Тезисы всех 17 конференций опубликованы в сборниках по их итогам. По теме диссертации также опубликовано ещё пять статей, три из них в изданиях, рекомендованных ВАК. Общий объём публикаций шесть печатных листов.

Цели и задачи исследования обусловили его **структуру**. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

Первая глава «Мемуары как вид литературного творчества в отечественной словесности» состоит из пяти параграфов, в первом из которых рассматривается исторический контекст мемуаристики, во втором – общая теория и практика мемуаристики, в третьем анализируются природообразующие признаки мемуаров, в четвёртом решается проблема автора как субъекта высказывания в мемуарах, в пятом даётся типология мемуаров Русского зарубежья первой волны.

Вторая глава «Специфика портретных очерков в мемуаристике Б.К. Зайцева» состоит из шести параграфов. В первом определяется место публицистики и мемуаристики в творческой биографии Б.К. Зайцева, во втором рассматривается поэтика портретного очерка, в третьем исследуются образы автора и эпохи, в четвёртом анализируется структура мемуарных портретных очерков, в пятом представлены аспекты искусства повествования, в шестом рассматривается поэтика образа.

В заключительной части диссертации содержатся выводы и обобщения. Список литературы насчитывает 233 источника.

ГЛАВА I. МЕМУАРЫ КАК ВИД ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ

1.1. Мемуары – исторический контекст

«Человеку по-настоящему интересен только другой человек», – заметил Б. Паскаль²⁸. Возможно, именно поэтому интерес к мемуарной литературе не угасает на протяжении нескольких столетий. Мемуарные волны с неухающей силой накатывают на полки современных книжных магазинов.

Жанр мемуаров стал востребован, едва только к человеку пришло понимание того, что он имеет право оставить о себе письменный след в истории. «Для того чтобы писать свои воспоминания, не надо быть ни великим мужем, ни знаменитым злодеем, ни известным артистом, ни государственным человеком, – для этого достаточно быть просто человеком...», – утверждает А.И. Герцен²⁹.

Определить своё место в прошлом и настоящем, осмыслить прожитую жизнь, зафиксировать её в письменной форме и передать свой опыт потомкам во все времена стремились те, кто осознавал себя как личность. Человеку всегда было присуще желание остановить, а точнее восстановить время и себя в нём. Меняющийся на глазах окружающий мир, уходящие в небытие с молниеносной скоростью и порой вопреки здравому смыслу привычные устои, нормы, ценности – все эти сдвиги пробуждали у человека потребность в самоидентификации. Мемуары позволяют максимально полно реализовать эту интенцию.

Жанровая специфика мемуаристики, её содержательно-формальные признаки, художественно-публицистические ресурсы, используемые авторами мемуарных текстов, на протяжении многих лет остаются предметом внимания литературоведов. Теория мемуаристики хранит немало лакун. Место мемуаров в ряду других жанров вызывает споры.

²⁸ Тарасов Б.Н. Паскаль / Б.Н. Тарасов. – М.: Молодая гвардия, 2006. – С. 257.

²⁹ Герцен А.И. Повести. Былое и думы. Статьи / А.И. Герцен. – М.: Олимп: АСТ, 1999. – С. 57.

Мемуары – публицистический жанр, представляющий собой реконструкцию реальности (факты, лица, события, проблемы, явления, процессы), опирающуюся под индивидуально-неповторимым углом зрения автора на память субъекта воспоминаний.

Об истории возникновения мемуаров в России идут споры до сих пор. Одни учёные датируют появление русских мемуаров XVI веком («Рукопись старицы игуменьи Марии», «Дневник литовских послов», «Воспоминания» Ф.М. Евлашовского, «Сказание...» А.М. Курбского, «Воспоминания» Я. Цедровского), другие – XVII и даже XVIII веком («Жизнь и приключения...» помещика А.Т. Болотова, «Записки» священнослужителя Г.И. Добрынина, «Жизнь...» канцеляриста Т.П. Калашникова, «Записки» купца П.И. Рычкова).

Так, А.Г. Тартаковский, считая определяющим признаком жанра мемуаров – личностное начало, пишет, что его усиление в русской литературе и публицистике начинается в XVII веке. «Мемуарное начало проникает в трафаретные церковные жанры и в повествования светского типа, особенно в произведения о бурных событиях «Смуты» начала века»³⁰. На рубеже XVII-XVIII веков, по мнению учёного, мемуаристика, как и духовная жизнь русского общества в целом, сохраняет ещё все особенности переходного времени. И только во второй половине XVIII века она складывается в самостоятельный жанр.

С этими положениями А.Г. Тартаковского следует согласиться, но лишь отчасти. Действительно, какой бы мемуарный текст мы ни взяли, будь то собственно мемуары, воспоминания, дневники, путевые записки, портретные очерки, его центральной категорией будет авторское «Я». Устойчивое представление мемуариста о самом себе, о своём физическом, психологическом, интеллектуальном, эмоциональном состоянии, о своих взаимоотношениях с героями, о своём месте в мире и в тексте воспоминаний.

Мемуары всегда автобиографичны.

Независимо от того, заявляет автор о себе прямо и даёт собственную оценку людям и событиям или стоит за ними, реконструируя общий исторический фон.

³⁰ Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII-первой половины XIX в. / А.Г. Тартаковский. – М., 1991. – С. 77.

Личностное начало проявляет себя в разные исторические эпохи по-разному. Существенное влияние на это оказывают внешние обстоятельства: нормы и правила художественного этикета, принятая в обществе система эстетических канонов, социально-политический строй.

В эпоху Древней Руси определяющими в жизнедеятельности и в мышлении человека были групповые отношения. Именно они, в известной мере, препятствовали обособлению личностно-мемуарного начала в текстах той эпохи. Человек осознавал себя лишь как представителя того или иного сословия. Осознание себя как индивидуальности только зарождается. Понятие личной свободы только вводится в обиход. Личностное начало в большинстве текстов древнерусской литературы или отсутствует вообще, или выражено в слабой степени.

Поэтому о мемуарах как самостоятельном публицистическом жанре, когда авторское «Я» выступает в тексте не формально, а в своей подлинной сущности, говорить ещё рано. Древнерусский автор, даже оказываясь вовлечён в описываемые события, предстаёт лишь как органическая часть той группы людей, о которых он пишет, чьи интересы и культурные традиции разделяет, но не как личность со своим сугубо индивидуальным видением мира, стремящаяся запечатлеть свой опыт, поделиться собственными впечатлениями и размышлениями.

Человек изображается в соответствии со строгим регламентом. Наделяется статичными, неизменными на протяжении всей жизни характеристиками. «Все действия героев соизмеряются только с тем, как они должны были бы поступить согласно своему официальному положению... Князь описывается как князь, боярин – только как боярин, монах – только как монах и т.д... За пределами своего положения у героя литературного произведения нет своего личного и неофициального отношения к действительности», – замечает в одной из книг, посвящённой художественному видению человека в древнерусской литературе, Д.С. Лихачёв³¹.

³¹ Лихачёв Д.С. Человек в литературе Древней Руси / Д.С. Лихачёв. – М.: Наука, 2006. – С. 57.

По сути, произведения писались по определённому трафарету. Какая-либо авторская инициатива исключалась. Писать о себе вообще считалось нескромным и даже кощунственным.

Однако в ряде произведений древнерусской литературы содержательно-формальные признаки мемуарного жанра всё-таки прослеживаются. Памятные записи, поучения, жития, хождения, как и мемуары, в определённой степени фактологичны, историчны, ретроспективны, презентативны, дидактичны. Эти жанры можно считать переходными на пути от «трафаретного» повествования церковного и светского типа к собственно мемуаристике. И ввести по отношению к ним термин прамемуаристика.

Прамемуаристика – это совокупность сложных синкретичных текстовых образований, в которых сплавлены и исторические факты, и христианские верования, и мифологические элементы, и отзвуки политических событий и житейских происшествий, современных автору.

Так, в своём «Поучении» к детям и ко всем, кто когда-либо прочтёт его, Владимир Мономах, на первый взгляд, предстаёт перед читателем, прежде всего, как князь. Автор мыслит о себе не личными, индивидуальными характеристиками, а социальными, политическими категориями, сопоставляет своё поведение с общепринятым идеалом. Двумя главными княжескими делами в то время считались военные походы и охота. Именно о подвигах на этих поприщах Владимир Мономах собирается рассказывать: «А се вы поведаю, дети моя, труд свой, оже ся есмь тружал, пути дея и ловы»³².

Но есть в «Поучении» и отступления от господствовавшей на тот момент литературной традиции. Индивидуальные качества автора – особенности характера и склонности, личные симпатии и антипатии не остаются, как это было принято, за границами повествования, а открыто демонстрируются читателю.

Образцом прамемуаристики можно считать «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. С жанром хождений по святым местам («Хождение Авраамия Суздальского», «Хождение Антония Новгородского в Царьград», «Хождение

³² Цит. по: Лихачёв Д.С. Человек в литературе Древней Руси / Д.С. Лихачёв. – М.: Наука, 2006. – С. 48.

игумена Даниила») текст Афанасия Никитина объединяют лишь внешние черты. По сути – это путевые записки о торговой поездке в Индию в 1466-1472 годах.

Нетипичное для традиционной литературы того периода автобиографическое начало делает путевые записки Афанасия Никитина предвестником мемуаристики и проявляется в тексте в виде лирических отступлений, нравоучительных сентенций, в субъективных оценках изображаемых фактов и событий, в описаниях душевных переживаний, настроений автора.

Черты мемуарной литературы можно встретить и в древнерусских летописях. Их авторы, повествуя о князьях, которым служили, о святых, которым поклонялись, об экономико-политических и социо-культурных событиях и явлениях, имевших место в русской истории на определённом этапе её развития, хоть и должны были, согласно литературным канонам, выражать общепринятую точку зрения, абсолютно уйти от субъективности не могли.

Так, Лаврентьевский и Ипатьевский летописные своды содержат отличающиеся друг от друга описания одного и того же похода князя Игоря Святославича на половцев в 1185 году. Автор Лаврентьевской летописи, зная о плачевном финале похода, прямо издевается над незадачливым князем в его похвальбе после первой победы: «А ноне поидемъ по них за Донъ и до конца изобъемъ ихъ: оже ны будет ту победа, идем по них и [в] луку моря, где же не ходили ни деди наши, а возмем до конца свою славу и честь <...> А о наших не бысть кто и вестъ принеса за наше согрешение; где бо бяше в нас радость – ноне же въздыханье и плачь распространися»³³. Автор Ипатьевской летописи не скрывает своей симпатии к новгород-северскому князю, описывая его поход более детально.

В образцах текстов прамемуаристики автобиографическое время не играет столь существенной роли в организации произведения. Прамемуаристов в большинстве своём интересуют не временные связи между жизненными явлениями, а сами эти явления (случаи, анекдоты, детали быта). Время как

³³ ПСРЛ // Соч.: В 135 т. – М., 2001. – Т. 1: Лаврентьевская летопись. – С. 397-398.

жанрообразующий признак выполняло чаще всего лишь свою хронологическую функцию. Однако прамемуаристы замечают не только своё окружение, но и далёкие объекты.

Ряд препятствий: система общественных отношений, религиозная идеология, литературный канон, неблагоприятные внешние условия, – продолжают стоять на пути свободного выражения авторского «Я» и в XVI-начале XVII века. И всё-таки человек в литературе постепенно всё чаще и громче заявляет о себе как об индивидуальности.

Усилению роли авторского начала в текстах способствовали социально-политические перемены. Процессы интенсивной централизации государственного управления и освоения новых земель при Иване Грозном сменяют события XVI века. Этим временем датированы «Дневник литовских послов», «Дневник Люблинского сейма 1569 года» (неизвестного автора), «Воспоминания» Ф.М. Евлашовского, «История о казанском царстве» (неизвестного автора), «Рукопись старицы игуменьи Марии».

Спустя столетие появляются «Записки о службе и награждениях» князя В.В. Голицына, «Автобиография» воеводы В.А. Даудова, «Дневниковые записки» святого Дмитрия, митрополита Московского, «Записки» дипломата И.А. Желябужского, «О России в царствование Алексея Михайловича» подьячего Г.К. Катошихина, «Краткое описание славных и достопамятных дел Петра Великого» дворянина П.Н. Крекшина, «Записки» государственного деятеля А.А. Матвеева, «Дневник» фельдмаршала Б.К. Миниха, «Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и литвы и о бывших потом в России мятежах» Авраамия Палицына, «Повесть о бывших в России после кончины царя Бориса Годунова до избрания государя Михаила Фёдоровича замешательствах и бедствиях...» Филарета.

В этих произведениях прамемуаристики сочетаются черты старой литературной традиции и нарождающегося жанра мемуаров: политическая злободневность, объективизм летописей, религиозная непреложность. За человеком утверждается право на самовыражение, на независимость от

авторитета церковной и светской власти. Поводом к написанию даже прамемуаров становится непреодолимое желание авторов рассказать о себе, разобраться в своём внутреннем мире. Центром произведений становится сам автор.

На стыке проповеднической и мемуарной литератур стоит и «Житие протопопа Аввакума». Начиная повествование о себе, Аввакум в первых же строках подчёркивает, что он простой человек: «Аз есмь ни ритор, ни философ, дидакалства и логофетства неискусен, простец человек и зело исполнен неведения»³⁴.

Далее Аввакум подробно, с большим количеством деталей рассказывает о лишениях и бедах, которые пришлось на его долю, долю его семьи. Они голодали, страдали от холода и самоуправства местных властей, чуть было не утонули в реке. «Барку от берега оторвало водою, – людские стоят, а мою ухватило, да понесло! Вода быстрая, переворачивает барку вверх боками и дном; а я на ней ползаю, а сам кричу: «владычице, помози! Упование, не утопи!» Иное ноги в воде, а иное выползу наверх. Несло с вёрсту и больши; да люди переняли. Все размыло до крохи!.. А Пашков меня же хочет опять бить: «ты-де над собою делаешь за посмех!»³⁵

«Открытие ценности человеческой личности самой по себе, – подчёркивает Д.С. Лихачёв, – касалось в литературе не только стиля изображения человека. Это было и открытием ценности авторской личности»³⁶. Вот почему в литературе и публицистике XVIII века мы видим абсолютно иной подход. Появляется ряд произведений, в которых личность автора, его цели, намерения, интенции имеют не только высокую степень отражения, но и выступают определяющим компонентом жанровой структуры. Именно теперь можно говорить о полном выходе мемуаров из прамемуаристики, о рождении самостоятельного жанра.

Происходит это не случайно, не изолировано от национальной основы, а как результат существенных исторических, социальных, мировоззренческих

³⁴ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. – М., 1997. – С. 53.

³⁵ Там же. – С. 73.

³⁶ Лихачёв Д.С. Человек в литературе Древней Руси / Д.С. Лихачёв. – М. Наука, 2006. – С. 146.

преобразований. Петровские реформы привели к подъёму экономики и культуры, развитию свободомыслия и религиозной терпимости.

XVIII век – эпоха пробуждения национального и личного самосознания. Человек задаётся вопросами: где я, собственно, и что такое я? Такие изменения в сознании индивидуума М.К. Мамардашвили обозначает как акт самопознания – рассмотрение себя в живой связи со всем миром, – и отличает от простого самонаблюдения³⁷. Мемуары стали знаком этого пробуждения, формой ответа на эти вопросы.

«Чем выше поднимаемся мы по лестнице развития... – пишет М.С. Каган, – тем выше значение индивидуального как проявления и преломления общего в единичном»³⁸.

Во второй половине XVIII века «стихийно-живая потребность запечатлеть свой жизненный путь»³⁹ пока ещё не выходит за пределы внутрисемейных автобиографических записок, не переходит из сферы бытовой письменности в область общественно-политических публикаций, целенаправленно или интуитивно ориентированных на отклик аудитории. Хотя мемуарист уже рассчитывает на то, что его, в общем-то, субъективные, личные воспоминания могут определённым образом воздействовать на читателя, давая ему понимание не только прошлого, но и настоящего, и в определённой степени – будущего.

Мемуары XVIII века – это жизнеописания, широкие по временному охвату, со множеством бытовых и исторических подробностей.

К воспоминаниям помещика средней руки А.Т. Болотова вполне применимо определение «энциклопедия частной жизни», которое им давали многие исследователи этого произведения. Именно на частной стороне бытия сосредоточен интерес повествователя.

В болотовских воспоминаниях мы видим, как событие превращается в событие. Это один из жанрообразующих признаков мемуаристики. В произведениях

³⁷ Мамардашвили М.К. Эстетика Мышления / М.К. Мамардашвили. – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – С. 348-358.

³⁸ Каган М.С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа) / М.С. Каган. – М.: Политиздат, 1974. – С. 241.

³⁹ Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII-первой половины XIX в. / А.Г. Тартаковский. – М., 1991. – С. 77.

подобного толка исторические события, само время всегда показываются через личные судьбы: самого автора или тех, о ком он вспоминает.

Мемуары становятся популярным жанром со второй половины XVIII века. Образцы мемуарной литературы этого периода оставили представители различных сословий: генералы А.И. Бибиков и Н.В. Репнин, майор артиллерии М.В. Данилов, княгини Е.Р. Дашкова и Н.Б. Долгорукая, императрица Екатерина II, астраханский генерал-губернатор П.Н. Кречетников, барон Н.А. Корф, действительный тайный советник И.В. Лопухин, помещик Д.Б. Мертваго, дипломаты И-Э. Миних и И.И. Неплюев, подпоручик В.А. Нащокин, сенаторы П.С. Рунич и А.В. Храповицкий, литератор Д.И. Фонвизин, граф Г.П. Чернышев, князь Я.П. Шаховской.

На рубеже XVIII-XIX веков отдельным изданием вышли «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина (1797-1801), комбинирующие публицистический, художественный и мемуарный типы повествования. В основу своих путевых записок (жанра популярного у писателей-сентименталистов) Н.М. Карамзин положил факты, события, явления реального путешествия, совершённого им в ряд стран Западной Европы (Германия, Швейцария, Франция, Англия). Новизна «Писем», по словам Ю.М. Лотмана, заключается в «принципиальном слиянии литературы и поведения, жизни писателя: жизнь просматривается сквозь призму литературы, а литература – сквозь призму быта»⁴⁰.

Развитие мемуаристики этого периода можно рассматривать в контексте развития публицистики, так как это взаимопересекающиеся виды литературной деятельности. Хотя общественный интерес к текстам мемуарного жанра возникает в России лишь в XIX веке. Автобиографии, воспоминания, путевые записки начинают публиковать многие газеты и журналы той поры: «Русская старина», «Русский архив», «Колокол», «Полярная звезда», «Исторические

⁴⁰ Лотман Ю.М. Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры / Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский // Письма русского путешественника. – Л.: Наука, 1984. – С. 527.

сборники». На это есть ряд исторических, социальных и сугубо литературных причин.

Отечественная война, восстание декабристов, кризис самодержавия и крепостничества приводят в движение все слои русского общества и выводят мемуары на видное место среди других публицистических жанров.

Человек начинает играть активную роль в социо-культурной жизни общества. Ломаются не только система крепостного права, но и литературные каноны. Публицисты активно ищут новые темы и новые средства художественного выражения. Творческий процесс протекает под знаком ретроспективной фактологичности, всеобщей откровенности. Меняются принципы организации материала, внутренняя структура текста, его форма. Расширяется палитра форм мемуарной литературы, тем и проблем, которые она поднимает.

Из «частного» рода творчества мемуары переходят в разряд общественно значимых текстов. Если сравнивать их с произведениями подобного типа, созданными в XVIII веке, то можно отметить сокращение временного промежутка, который стремится охватить своим повествованием мемуарист, снижение детализации. Мемуаристы XIX века тяготеют к тематическому принципу организации материала, вспоминают не все подряд, а лишь какие-то особые случаи и события из своей жизни и жизни страны.

Примечательны в этом отношении «13 лет в Шлиссельбургской крепости» Л.А. Волкштейна; «У подножия виселицы» Ф.Я. Кона; «В народ!» А.О. Лукашевича; «Воспоминания ссыльно-каторжного» С. Майера; «Мой процесс» И.Л. Мансурова; «Как и за что я попал в Шлиссельбург» М.В. Новорусского; «Каракозовский процесс» Л.В. Стасова; «Памяти народовольцев» В.И. Фигнер; «Из университета в острог» И.Е. Цветкова; «Н.Г. Чернышевский на каторге и в ссылке» В.Н. Шаганова; «Белый террор, или выстрел 4 апреля 1865 г.», «Впечатления военного врача», «Записки шпиона», «Из воспоминаний сестры милосердия», «Отрывки из дневника повстанца» (неизвестных авторов).

В начале XX века свет увидели «Осада Порт-Артура» Д. Джемса, «11 дней на броненосце «Князь Потёмкин-Таврический» А.М. Коваленко, «Женщины в пересыльной тюрьме» О.В. Кубе, «Воспоминания студента-солдата» Л., «Правда о Гапоне и 9-м января» Н.В. Насакина-Симбирского, «После одиночки» М.С. Ольминского, «Дело Гапона» П.М. Рутенберга, «Из истории социал-демократического движения в Петербурге (личные воспоминания)» С.И. Сомова, «Как я бежал из Якутки» Ю.М. Стеклова, «Семь лет в Шлиссельбурге» Б. Шварце, «Дневник шпиона», «В каменном мешке» (неизвестных авторов).

Всплеск интереса к мемуарам обусловлен теми кардинальными переменами, которые происходят в истории страны и в судьбах людей. Частная жизнь становится частью исторического процесса. В.Б. Шкловский справедливо объясняет этот процесс ещё и внутрилитературными причинами, связывая появление новых явлений в прозе с влиянием В.В. Розанова, считая его «Уединённое» и «Опавшие листья» и декларацией, и осуществлением новых принципов. «Новая форма в русской прозе может быть охарактеризована отрицательно – отсутствием сюжета, а положительно – конкретностью темы, интимностью содержания. Генезис этой формы – письма и дневник»⁴¹.

Мемуаристика Русского зарубежья – это преимущественно интеллигентская мемуаристика. Среди авторов литераторы, музыканты, художники – люди искусства. Высокий образовательный и культурный уровень мемуаристов очевиден из самих текстов (Г.В. Адамович «Одиночество и свобода»; Ю.И. Айхенвальд «Силуэты русских писателей»; Ю.П. Анненков «Дневник моих встреч»; Н.Н. Берберова «Курсив мой»; Р.Б. Гуль «Я унёс Россию»; Б.К. Зайцев «Мои современники», «Москва», «Далёкое»; И.В. Одоевцева «На берегах Невы», «На берегах Сены»; В.Ф. Ходасевич «Некрополь»).

Интерес к мемуарному жанру закономерен. Представители и «красных», и «белых» сил пытались осмыслить революционные события, сохранить старое или насадить новое мироощущение, сберечь или наоборот разрушить идеалы. Как

⁴¹ Шкловский В.Б. Гамбургский счёт: статьи-воспоминания-эссе (1914-1933) / В.Б. Шкловский. – М.: Советский писатель, 1990. – С. 205.

нельзя лучше переосмыслить прошлое позволяли различные формы мемуаристики: дневники, очерки, воспоминания. Мемуары этой поры отличаются политической остротой, прямолинейностью суждений, насыщенным личностным восприятием, острым ощущением исторического времени. События фиксируются не только по неделям и дням, а даже по часам. Определяющим оказывается хронологический принцип организации материала.

Такой характер носят дневниковые записи З.Н. Гиппиус за 1914-1919 гг. В период с 27 февраля по 1 марта 1917 года (по старому стилю) записи ведутся час за часом. Такая регулярность вызвана не столько внутренними стимулами автора, сколько экстраординарностью внешних жизненных обстоятельств.

27 февраля 1917 года – дата начала Февральской буржуазно-демократической революции, с которой многие представители российской просвещённой интеллигенции связывали надежды на положительные перемены. Надежды, которым, увы, не суждено было осуществиться. В марте того же года монархическому правлению в России де-факто был положен конец, страна вступила в период двоевластия, завершившийся Октябрьской революцией, установлением советской власти, по сути, изгнавшей из страны весь цвет русской интеллигенции: мыслителей, писателей, художников, военачальников.

Послеоктябрьские дневниковые записи З.Н. Гиппиус носят сплошной, хронологически мало структурированный характер. Это не удивительно: З.Н. Гиппиус вела записи в трудных бытовых условиях, подчас урывками, в различных тетрадах.

Можно сделать вывод, что в дневниковых записях З.Н. Гиппиус свободно сочетаются фактографическая и эмоционально-экспрессивная составляющие, а побудительная интенция обращена преимущественно на саму себя.

Судьба З.Н. Гиппиус отражает судьбы многих эмигрантов, в изгнании видевших свою миссию в том, чтобы сохранять и передавать потомкам национальные культурные традиции. «Мы не в изгнании, мы в послании»⁴² –

⁴² Гуль Р. Я унёс Россию. Апология эмиграции / Р. Гуль // Соч.: В 3 т. – М., 2001. – Т. 1: Россия в Германии. – С. 163.

фраза на долгие десятилетия определившая внутренний настрой, жизненный уклад эмигрантов первой волны.

1.2. Общая теория и практика мемуаристики

Мемуары – самостоятельный жанр, имеющий свои жанрообразующие признаки. Жанр, прочно сплетённый с жанрами публицистики, совмещающий в себе два метода повествования: объективно-познавательный и личностно-исповедальный.

Сам термин «мемуары» не поддаётся однозначному определению. «Какой-то непроявленный жанр – мемуары», – заметила А.А. Ахматова⁴³. То есть ускользающий, не имеющий твёрдой трактовки, границ и правил... Жанр, стоящий на грани документальной прозы, исторических исследований и публицистики. Такая трёхуровневая форма существования мемуаров позволяет исследователям по-своему толковать природу мемуарного жанра, выдвигать всё новые, хотя и близкие по сути, определения.

С точки зрения этимологии, мемуары двухосновны: франц. *memoires* – воспоминания и лат. *memoria* – память. И оба этих значения акцентируют наше внимание на личности автора. Вспоминать и помнить может лишь человек, обладающий личным жизненным опытом. Он то и осмысляется в мемуарах «в соответствии с их индивидуальностью и общественно-политическими взглядами времени написания»⁴⁴.

Время написания – очень важный аспект, который необходимо учитывать при анализе мемуаристики. Он позволяет ответить на вопрос «Что меня сегодняшнего побуждает писать обо мне прошлом и о прошлом во мне?». А данный ответ, в свою очередь, важен для обоснования принадлежности мемуаров к публицистике.

⁴³ Бражнин И. Обаяние таланта / И. Бражнин // Новый мир. – 1976. – № 12. – С. 240.

⁴⁴ Мемуары // БСЭ. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2001. – С. 432.

Л.А. Левицкий трактует мемуары, как «литературное произведение, повествующее в форме записок от лица автора о реальных событиях прошлого, участником или очевидцем которых он был»⁴⁵. Похожее определение предложил и А.Г. Тартаковский: «Мемуары – это повествование о прошлом, основанное на личном опыте и собственной памяти автора»⁴⁶. «Мемуары – значительные произведения, охватывающие, как правило, большой период времени, важные исторические события», – так широко трактует понятие этого жанра В.С. Голубцов⁴⁷. Приведённые выше высказывания о сущности понятия «мемуары» практически совпадают с определениями этого жанра, содержащимися в толковых словарях.

Согласно словарю С.И. Ожегова, мемуары – это «записки о прошлых событиях, сделанные современником или участником этих событий»⁴⁸. Более широкое, толкование мемуаров даёт Л.Я. Гинзбург: «Мемуары – это действительность в её конкретных, единичных проявлениях, символически расширяющихся до выражения общих закономерностей жизни»⁴⁹. В своих исследованиях автор также приходит к выводу о неизбежном синтезе в мемуарах памяти и воображения.

Считая память и субъективность ключевыми жанрообразующими признаками мемуаров, Е.Л. Кириллова трактует их как метажанр с различными жанровыми модификациями⁵⁰. На сложную структуру мемуаров обращает внимание и Т.М. Колядич. По мнению исследовательницы, мемуары соединяют воедино «элементы лирической повести, биографического повествования, литературного портрета или некоторые другие»⁵¹. Г.Г. Елизаветина полагает, что мемуары «в большей степени рассказ об исторических событиях, а не

⁴⁵ Мемуары // Литературный энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 216.

⁴⁶ Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика / А.Г. Тартаковский. – М.: Наука, 1980. – С. 22-23.

⁴⁷ Голубцов В.С. Мемуары как источник по истории советского общества / В.С. Голубцов. – М., 1970. – С. 65-89.

⁴⁸ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 65 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов. – М.: ООО «Издательство Оникс», ООО «Издательство «Мир и Образование», 2008. – С. 416.

⁴⁹ Гинзбург Л.Я. О психологической прозе / Л.Я. Гинзбург. – М., 1999. – С.247.

⁵⁰ Кириллова Е.Л. Мемуаристика как метажанр и её жанровые модификации (На материале мемуарной прозы русского зарубежья первой волны) : дис. ... кандидата филол. наук : 10.01.01 / Екатерина Леонидовна Кириллова. – Владивосток, 2004. – 221 с.

⁵¹ Колядич Т.М. Воспоминания писателей: Проблемы поэтики жанра / Т.М. Колядич. – М.: Мегатрон, 1998. – С. 8-9.

повествование о собственном жизненном пути»⁵². К историческим документам относит мемуары и Е.Г. Местергази⁵³.

Данные определения, не вызывая принципиальных возражений, всё-таки не выводят читателя из круга общих дефиниций, не включают в себя важного природообразующего элемента мемуаров, на основе которого мы и делаем вывод о них, как о публицистическом жанре. Речь идёт о публичности высказываний, об их ориентации на оперативный диалог с широкой аудиторией.

Изначальная авторская установка на дальнейшую публикацию мемуаров переводит их из разряда частных текстов в самостоятельный жанр публицистики. Будучи опубликованными, они становятся достоянием не одного лица, а массовой аудитории. К тому же, в содержании многих мемуаров, исповедей, собственно воспоминаний лежат идеи, значимые для общества в целом.

По мнению А.А. Тертычного, это условие, на основании которого исповедь (одна из форм мемуаристики) является самостоятельным жанром. Учёный вводит в научный обиход понятие «исповедальная журналистика»⁵⁴ и относит исповедь к числу аналитических жанров. Утверждение не бесспорное: исповедальность – особое качество публицистического высказывания, сориентированное на раскрытие внутреннего мира субъекта высказывания, в качестве которого может выступать как биографический автор, так и действующее лицо публицистического произведения.

Тесно контактируя с такой разновидностью эпистолярного творчества, как письмо, мемуары изначально включены в систему массового потребления. С греческого «epistola» – это «послание». И мемуары выполняют этот функциональный посыл. Повествование об интимной стороне жизни человека, о его индивидуальной, неповторимой судьбе, желание самовыразиться, самоотчитаться перед собой сопрягается в мемуарах со стремлением, во что бы то

⁵² Елизаветина Г.Г. Становление жанра автобиографии и мемуаров / Г.Г. Елизаветина // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. – М.: Наука, 1982. – С. 253.

⁵³ Местергази Е.Г. Художественная словесность и реальность (документальное начало в отечественной литературе XX века) : дис. ... доктора филол. наук : 10.01.08 / Елена Георгиевна Местергази. – М., 2008. – 246 с.

⁵⁴ Тертычный А.А. Жанры периодической печати / А.А. Тертычный. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С. 220.

ни стало, найти сочувственно настроенную аудиторию и дать ей повод для сопоставления, для размышления широкой читательской аудиторией.

В авторском предисловии к своим воспоминаниям Ю.М. Нагибин задаётся вопросом: «Кому нужны мои записки с их отдалённостью от столбовой дороги нашей сияющей жизни? С их нытьём, слезами, злостью, иногда радостью, с их удивлением перед бытием, с их самокопанием?»⁵⁵ И тут же сам на него отвечает: «За пятьдесят пять лет профессиональной писательской работы я приобрёл читателей, оставшихся мне верными и в наше неблагоприятное для литературы время. Значит, этим читателям я нужен, и вполне естественно, что им захочется увидеть подлинное лицо автора, остающееся в тени беллетристических ухищрений. Появились у меня и новые читатели, им тем паче интересен будет незнакомый автор. Можно не сомневаться, что «Дневник» найдёт спрос на книжном рынке»⁵⁶.

Мемуары – это не просто подведение итогов наедине с собой и оглашение результатов окружающим, это актуальный диалог с широкой аудиторией. Возникая всегда ко времени, в границах определённого социально-исторического контекста, мемуары, как и любой публицистический текст, опираются на реальные факты.

Документализм для мемуариста – неизменное требование. Опора на факт – существенная особенность мемуаров, позволяющая вывести их за границы художественной литературы и ввести в пределы публицистики.

В любом художественном тексте автор – демиург, творец мира, созданного его воображением. Для создания виртуального мира он пользуется своей беспредельной фантазией и широким спектром эстетических приёмов, позволяющих преобразовать эту фантазию в произведение. Рождённые при этом образы, в конечном счете, начинают жить автономно, подчиняясь логике художественного сюжетостроения.

⁵⁵ Нагибин Ю.М. Дневник / Ю.М. Нагибин. – М.: Книжный сад, 1996. – С. 8.

⁵⁶ Там же.

Ю.Н. Тынянов, создатель исторических романов, воскликнул: «Там, где кончается документ, я начинаю!»⁵⁷ Мемуарист себе подобной фразы позволить не может.

Даже избирая асинхронную структуру повествования, наполняя свой текст наряду с фактами реальной действительности элементами художественного письма: прогнозами, предположениями, домыслами, – мемуарист не позволяет себе выходить за границы своей судьбы. Логика сюжетостроения в мемуарах ограничена пределами и масштабами тех событий, которые являются частью биографии автора. Он либо принимал в них непосредственное участие, либо лично наблюдал. Являясь публицистическим произведением, мемуары представляют аудитории биографического автора, то есть реального субъекта высказывания, а не рождённого фантазией творца повествователя.

Именно поэтому мы говорим о том, что документальную основу мемуаров составляет опора на факт. Мемуарам дозволена беллетризация факта. Являясь воспоминаниями по своей повествовательной сути, они освобождены от жёсткой достоверности при реконструкции некогда происходивших событий. Реплики участников, отдельные детали и подробности воспроизводятся автором по памяти («Я так помню» как бы говорит автор аудитории), его высказывания эмоционально окрашены, то есть субъективные оценки здесь выглядят вполне уместными.

Достоверность факта в мемуарах достигается за счёт убедительности высказываемых суждений в глазах аудитории («Я вам верю», – откликается аудитория, знакомясь с мемуарами. Хотя понятно, что уровень доверия в значительной степени зависит от интеллектуальной подготовленности аудитории к восприятию передаваемой информации).

Всё это позволяет говорить о том, что мемуары относятся к исследовательско-образным жанрам (очерку, фельетону, эссе), а не к жанрам исследовательским (статья, рецензия, обозрение).

⁵⁷ Тынянов Ю. Как мы пишем / Ю. Тынянов // Как мы пишем. URL: <http://readr.ru/yuriy-tinyanov-kak-mi-pishem.html> (дата обращения: 11.11.2013).

В этом отношении мемуары как жанр публицистики граничат с такими жанрами литературы как рассказ, повесть, роман.

Мемуары – это тексты обыденного сознания. Они отражают « всю совокупность представлений людей, формирующихся в процессе их повседневной обыденной жизни и практики»⁵⁸. Разумеется, степень отражения черт обыденного сознания весьма неодинакова в различных формах мемуаристики. Она зависит от индивидуальных черт и общей образованности автора, от его культурного кругозора, профессии, задач, которые он ставит перед собой, приступая к работе в мемуарном жанре.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что мемуары – публицистический жанр, представляющий собой реконструкцию реальности (факты, лица, события, проблемы, явления, процессы), опирающуюся под индивидуально-неповторимым углом зрения автора на память субъекта воспоминаний.

Понятно, что далеко не каждый желающий поделиться сокровенным обладает мастерством документалиста-литератора. Поэтому нередко рядом с такими авторами мемуаров стоят профессиональные журналисты-записчики. Впрочем, это не отменяет интереса к подобного рода текстам. Базовая информация и базовая интонация в таких мемуарах остаётся неизменной, поскольку она исходит от реального носителя воспоминаний.

Тут, правда, возникает определённый информационный «люфт». Реальный автор вспоминает то, о чём считает нужным поведать аудитории. Записчик об утаённых фактах может не знать. Естественно, в таком случае утрачивается документальная точность воспоминаний.

У читателя мемуаров в таком случае выбора нет – остаётся верить на слово мемуаристу.

Мемуары востребованы. Интерес к этому жанру велик со стороны читателей. Во-первых, аудитория полагает, что мемуарам доверяются даже самые

⁵⁸ Пукшанский Б.Я. Обыденное знание. Опыт философского осмысления / Б.Я. Пукшанский. – Л., 1987. – С. 19.

сокровенные помыслы. Эта психологическая установка закреплена в сознании человека априори.

В мемуарах автор может выразить любые оттенки своих чувств, продемонстрировать, так сказать, свою «душевную наготу». Такая авторская позиция также способствует сближению с читателем.

Мемуары – это исповедь человека, жившего и творившего в определённую эпоху, и стремящегося поделиться личным опытом с идущим ему навстречу новым поколением. Говоря образно, мемуары – это всегда встреча в пути и своеобразная «проверка на дорогах». Отсюда – познавательная, учительская роль мемуаров.

«Вся моя жизнь, – отмечал в своих дневниковых записях Э.Г. Казакевич, – казалась мне грёзой, вся она проходила в некоем тумане... Я ощущал всё окружающее, как жгуче-любопытную, вязкую, не совсем реальную среду, в которой временно действую и мыслю... Мне казалось... что вскоре я прорву эту родильную плевру, и всё станет подлинным. Что вся прожитая жизнь – черновик, набросок к чему-то высокому, совершенному и уже взаправдашнему. Теперь же, когда выяснилось, что – черновик это уже не черновик, – но это и есть всё, ты начинаешь с пристальным интересом изучать это всё – не потому, что ты оцениваешь, смиряясь, свою жизнь выше, чем раньше, а потому, что она – единственная.

В этом цель этих записок – изучение, осмысление собственной, плохо изученной ранее, жизни»⁵⁹.

Замечание существенное. Приостановить бег времени, ещё раз пережить самые яркие события в своей жизни, рассказать о них и о себе современникам и потомкам – вот кредо автора, приступающего к написанию мемуаров, воспоминаний, портретов.

⁵⁹ Цит. по: Гаранин Л.Я. Мемуарный жанр советской литературы / Л.Я. Гаранин. – Минск: Наука и техника, 1986. – С. 184.

Так возникает в мемуарах своеобразная «глубина резкости» – прошлое (а шире – любое событие) рассматривается с двух временных отрезков: времени события и времени рассказа о нём.

В результате единоличный взгляд на происходящее (время мемуариста) дробится на многоаспектное время восприятия рассказа (время аудитории). Воспроизводящее и воспринимающее сознания вступают в сложную систему взаимоотношений. Точка зрения мемуариста на события корректируется не только им самим (естественное уточнение деталей, подробностей и самой сути описываемого), но и осмысливается аудиторией. В ходе такого восприятия произведения неминуемо рождается обновлённое сознанием аудитории, скорректированное ею иное представление о действительности.

Идёт процесс со-творчества, в котором участвуют равноправно обе стороны – автор и аудитория.

Мемуары вызываются к жизни не столько внешними, прагматичными целями, сколько потребностью разобраться в самом себе через высказанное слово. Вот почему именно в мемуарах наиболее отчётливо воплощается «изображение души».

Осознание писателем ценности любой человеческой жизни, превращение её в некий объект познания – вот тот мотив, который толкает многих людей к написанию мемуаров.

Употребляя ёмкую формулу Б.М. Эйхенбаума, можно сказать, что работа над мемуарами во всех их проявлениях – это «осознание себя в потоке истории»⁶⁰. А историческое самосознание личности – один из коренных, жанрообразующих признаков мемуаристики. Разумеется, оно проявляет себя и в иных формах духовного творчества, но именно в мемуаристике реализуется с наибольшей последовательностью и полнотой. В этом и состоит её социальная функция.

Авторы пишут воспоминания, заранее рассчитывая на публичное прочтение, и таким образом хотят убедиться в правильности высказанного слова. Человеку свойственно жить с оглядкой на других. Осознавая свою причастность к

⁶⁰ Эйхенбаум Б. О прозе / Б. Эйхенбаум. — Л.: Художественная литература, 1969. — С. 304.

историческим событиям или своё знакомство с выдающимися современниками, мемуаристы запечатлевают для истории и их, и свой взгляд на происходившее. Второе важно не менее, чем первое. Интерес для исследователя представляют не только сведения из собственной жизни автора, но и понимание того, почему автор считает достойным запечатлеть и опубликовать именно эти факты.

Мемуары сильны интересом к отдельному человеку, который осознается, прежде всего, как самоценная личность, у которой есть свой взгляд на мир, чувства и мысли которой важны ничуть не меньше, чем крупное историческое событие. Мемуары – это история, отражённая в конкретном человеке, в его жизни, быте, слове. По словам Ю.М. Лотмана, такая история «изоморфна истории человечества. Они отражаются друг в друге и познаются друг через друга»⁶¹.

Мемуары возникают в тот момент, когда впечатления и чувства от наших встреч, дружбы, творчества, труда, надежд, безнадёжности и расставаний мы закрепляем на бумаге в самых разнообразных формах: собственно мемуары, автобиографии, путевые заметки, воспоминания, дневники, исповеди, портреты...

Мемуары – это осознанное воссоздание прошлого. Факты, события, явления, люди из прошлого мемуариста всплывают в его памяти целенаправленно. Цепочка образных ассоциаций трансформируется в логическую систему, служит для реализации какой-то определённой мысли, достижения определённой цели. Прошлое предстаёт перед читателями как реальность, осмысленная с определённых позиций.

Специфическая черта произведений мемуарного жанра заключается в том, что они «представляют собой результат взаимодействия двух путей смысловой концентрации жизненного материала: естественного, определяемого временем, его движением, сменой точек зрения на окружающее, и литературного, определяемого художественной позицией автора, его творческими возможностями, отношением к людям, к истории, к духовным ценностям»⁶². Мемуарный жанр возникает именно на пересечении этих двух путей.

⁶¹ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю.М. Лотман. – СПб., 2001. – С. 389.

⁶² Гаранин Л.Я. Мемуарный жанр советской литературы / Л.Я. Гаранин. – Минск: Наука и техника, 1986. – С. 151.

Мемуары по своей природе ретроспективны. Однако в своих воспоминаниях мемуарист старается не выходить за пределы собственной жизни. Между готовым мемуарным произведением и воссоздаваемыми в нём событиями всегда лежит временной промежуток. Он может быть незначительным в дневниках, путевых заметках, а может достигать нескольких десятилетий в собственно мемуарах, автобиографиях, мемуарных портретах, очерках, воспоминаниях.

Если временной аспект положить в основу классификации, то весь массив текстов мемуарной публицистики можно разделить на две группы: «непосредственные» (путевые записки, дневники) и «опосредованные» (воспоминания, автобиографии, исповеди, портреты современников).

«Непосредственные» мемуары создаются на основе первых впечатлений, воспроизводят стихийное течение событий.

В письме к И.А. Бунину от 9 октября 1914 года Б.К. Зайцев, объясняя долгое со своей стороны отсутствие вестей, пишет: «Это потому происходит, что я живу так: читаю мало, много сплю»⁶³. Но буквально в следующем абзаце этого же письма он сообщает: «Читаю, к сожалению, много газет, ничего не поделаешь, это яд какой-то, нельзя оторваться»⁶⁴.

Важную роль в «непосредственных» мемуарах подчас играют такие мелочи, которые спустя время могут показаться автору неважными, несущественными. В дальнейших редакциях своих воспоминаний мемуарист может их даже опустить. Но именно из этих мелочей складывается подлинный образ времени. Тот же Б.К. Зайцев писал: «Перечитывая некоторые свои письма, нахожу в них много лишних слов, надо бы перебелить, тогда выйдет прочнее»⁶⁵.

Часто «непосредственные» мемуары служат исходным материалом при дальнейшей работе над опосредованными текстами мемуарной литературы.

⁶³ Зайцев Б. Странное путешествие. Рассказы. Очерки. Письма / Б. Зайцев // Наше наследие. – 1990. – № 3. – С. 94.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Зайцев Б.К. Собрание сочинений / Б.К. Зайцев // В 11 т. – М.: Русская книга, 2001. – Т. 11: Письма, 1923-1971 гг.: Письма. Статьи. Воспоминания современников. – С. 307.

«Опосредованные мемуары» осмысливают прошлое с позиций новой эпохи («Воспоминания» В.В. Вересаева, «Воспоминания и размышления» Г.К. Жукова, «Далёкое» Б.К. Зайцева и т.п.). Подобные тексты, как правило, связны, сюжетно и композиционно выстроены, литературно обработаны, отредактированы, продуманы, но непосредственность и острота восприятия в них не снижается. Поскольку воссоздают они мысли и настроения не только того, «прежнего» мира, о котором идет речь в тексте, а «обновлённого» автора, глядящего на историю с высот нынешнего времени.

1.3. Природообразующие признаки мемуаров

Исходной точкой всех произведений мемуарной литературы является память – свойство личностного сознания, фактор ретроспективного времени. В книге И.В. Одоевцевой «На берегах Невы» читаем: «Я пишу не о себе и не для себя, а о тех, кого мне было дано узнать «на берегах Невы»... Я только глаза, видевшие их, только уши, слышавшие их ... я только живая память о них»⁶⁶.

Проблемой функционирования памяти в литературном произведении занимались многие российские и зарубежные исследователи. Так, Ю.М. Лотман, исследуя психологическую основу мемуаров, говорит о трансформации памяти, семиозисе, характеризуя её как психологическую потребность переделать прошлое, внести в него исправления, а затем пережить этот скорректированный процесс как истинную реальность. Если, согласно Ю.М. Лотману, интеллектуальная история человечества – это борьба за память⁶⁷, то мемуарный дискурс тогда можно считать – одним из средств противостояния «стиранию» памяти.

Позиции Ю.М. Лотмана близки размышления П. Рикера. Французский философ различает два модуса памяти: воспоминание, рождающееся пассивно (*mneme* – воспоминание-чувство) и воспоминание как объект поиска,

⁶⁶ Одоевцева И. На берегах Невы... / И. Одоевцева. – М.: Художественная литература, 1989. – С. 12.

⁶⁷ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров / Ю.М. Лотман // Семиосфера. – СПб., 2001. – С. 111.

открывающее путь к рефлексивной памяти (anamnesis – воспоминание, припоминание)⁶⁸. Введённое П. Рикером разграничение можно применять и при анализе мемуарной памяти.

Я. Ассман в своём исследовании говорит о наличии сохраняющей, идентифицирующей и дифференцирующей функций памяти⁶⁹. О.Н. Фенчук разграничивает такие механизмы процесса памяти, как воспоминание, припоминание, забывание⁷⁰.

На наш взгляд, мемуарная память являет собой симбиоз этих трёх механизмов. Вспоминая, не всегда можно точно восстановить детали прошедших событий, но память, высвобождая недостающие компоненты, хранящиеся в нашем сознании, восстанавливает целостную картину во всех подробностях. События внешнего мира, внутренние чувства и эмоции, откладывающиеся в нашей памяти, переживаются как сиюминутные, а в воспоминании как длящиеся.

Собственно, здесь и проходит тонкая грань между памятью и воспоминанием. Воспоминание как процесс отличается от памяти-структуры возможностью интерпретации одного и того же события, даже одним и тем же человеком, в зависимости от его возраста в момент воспоминания, временной удалённости от воспоминаемого факта, условий воспоминания и других факторов, вступающих в силу в процессе извлечения содержимого памяти.

И хотя в ходе воспоминания всегда есть место недостоверности, фактической неточности, а иногда и умышленному приукрашиванию или умолчанию, память мемуариста опирается на реальные события прошлого. В процессе работы над мемуарами авторы апеллируют к различным видам памяти: генетической, исторической, образной, эмоциональной, зрительной, слуховой, ассоциативной. И если из древних гербовников потомки могут почерпнуть лишь несколько скудных строк о представителях своего рода, то мемуары способны

⁶⁸ Рикер П. Память, история, забвение / П. Рикер. – М.: Изд. Гуманитарной литературы, 2004. – С. 22.

⁶⁹ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 363 с.

⁷⁰ Фенчук О.Н. Структура и функции памяти в поэзии И.А. Бунина : автореф. дис. ... кандидата филол. наук : 10.01.01 / Олег Николаевич Фенчук. – Воронеж, 2012. – 24 с.

воссоздать светлые и тёмные стороны жизни ушедших поколений, живших на памяти мемуариста.

Направляя свой взгляд в далёкое или близкое прошлое, мемуаристы стремятся воссоздать картины минувшего, раскрыть дух, постичь ключевые моменты описываемой эпохи. Ретроспективный угол зрения фильтрует информацию, освещает в новом ракурсе уже известные факты или воскрешает ранее вообще неведомые обстоятельства прошлого. И чем больше временной разрыв между событиями, отраженными в мемуарах, и временем их написания, тем больше «привлекательной субъективности» может быть в тексте. Важную роль тут играет личность мемуариста.

Вот как свидетели выступления С.А. Есенина в имении И.Е. Репина по-разному описывают тот вечер. Не получивший в дальнейшем широкой известности ученик художника А. Комашка вспоминает: «Однажды, в среду, писатель Иероним Ясинский приехал в Пенаты с одним юношей. <...> Элегантно одетый в серый костюм Есенин поднялся и, устремив светлый взор вдаль, начал декламировать. <...> Репин аплодировал, благодарил поэта. Все присутствовавшие выражали своё восхищение»⁷¹.

Ю.П. Анненков в книге «Дневник моих встреч» пишет: «Есенина привёз к Репину Корней Чуковский. <...> На нём была несколько театральная, балетная крестьянская косоворотка, с частым пастушьим гребнем на кушаке, бархатные шаровары при тонких шевровых сапожках. Сходство Есенина с кустарной игрушкой произвело на присутствующих неуместно-маскарадное впечатление, и после чтения стихов, аплодисментов не последовало. <...> Гости Репина в большинстве остались холодны, и сам хозяин дома не выразил большого удовольствия:

– Бог его знает, – сказал Репин сухо, – может быть и хорошо, но я чего-то не усвоил: сложно, молодой человек!»⁷²

⁷¹ Комашка А.М. Три года с Репиным / А.М. Комашка // Репин. Художественное наследие // Соч.: В 2 т. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. – Т. 2. – С. 297-298.

⁷² Анненков Ю. Дневник моих встреч / Ю. Анненков. – М., 1993. – С. 154-156.

Как же могли возникнуть два столь непохожих воспоминания об одном и том же событии?

Причина – в личности авторов.

К гостям знаменитых «репинских сред», в число которых входили А.Э. Беленсон, А.Е. Кручёных, Н.И. Кульбин, В.В. Маяковский, В.Э. Мейерхольд, И.А. Пуни, В.В. Стасов, В. Хлебников, К.И. Чуковский, В.Б. Шкловский относился и Ю.П. Анненков. А в описываемый вечер на этой «среде» был и А. Комашка. 18-летний украинский парень А. Комашка только начинал свой путь в роли живописца. Сын бывшего члена организации «Народная воля» 26-летний Ю.П. Анненков вырос в творческой среде, на тот момент уже прошёл обучение в мастерских М. Дени и Ф. Валлотона в Париже (1911), там же успешно дебютировал на выставке Салона Независимых (1913) после чего и получил признание в кругу художников.

Непохожие друг на друга отношения связывали воспоминателей с хозяином вечера – И.Е. Репиным. А. Комашка зависел от художника, видел в нём наставника и всячески стремился подражать его письменной манере. Для Ю.П. Анненкова со времён детства И.Е. Репин был близким другом (в финской деревушке Куоккале их дачи располагались по соседству), но в своих творческих исканиях Ю.П. Анненков был самостоятелен и придерживался абсолютно другого живописного направления. Он выработал собственную экспрессионистическую манеру близкую кубофутуризму. Особенно остро она проявилась в портретах. Сам художник называл этот стиль «новым синтетизмом» или «неореализмом»⁷³.

Разное положение, которое А. Комашка и Ю.П. Анненков занимали в культурной среде той поры, разные эстетические установки естественным образом повлияли на угол зрения, под которым создавались воспоминания. В мемуарной литературе «угол зрения автора» – ключевая категория, определяющая отношение носителя воспоминаний к героям, задающая тональность и придающая окраску всему повествованию.

⁷³ Лейкинд О.Л. Художники русского зарубежья. 1917-1939. Биографический словарь / О.Л. Лейкинд. – СПб., 1999. – С. 57.

В тексте, написанном учеником И.Е. Репина, понятия «автор» – «герой» находятся на разных «широтах». А. Комашка взирал на С.А. Есенина снизу вверх, а потому, даже по прошествии времени, дал оценку его выступлению в восторженных тонах. Эстет Ю.П. Анненков воспринял появление новичка-поэта холодно и равнодушно. Хотя впоследствии они станут друзьями.

В данном случае неуместно размышлять, какое из воспоминаний точнее. Оба они, скорее всего, написаны искренне и честно. Просто у каждого мемуариста своё представление о том, что было. Именно поэтому, А. Комашка пишет об «элегантно одетом в серый костюм» С.А. Есенине, о его светлом взоре, о восхищении, которое вызвали у слушателей написанные им стихи. А Ю.П. Анненков иронично сообщает о «несколько театральной, балетной крестьянской косоворотке, с частым пастушьим гребнем на кушаке, бархатных шароварах при тонких шевровых сапожках» и делает вывод о схожести С.А. Есенина с «кустарной игрушкой».

Мемуары – это реконструкция реальности. А реконструкция, будучи воссозданием того, что было, на основе фактов действительности, всегда носит субъективный характер. Субъективность – неотъемлемая черта мемуарного жанра.

Механизм её реализации укрепляется тем, что все тексты подобного рода строятся на основе индивидуального восприятия. Любые мемуары – это, прежде всего, отношение автора к описываемым людям, событиям, эпохе. Мемуарист не просто отражает действительность, а обязательно что-то в ней уясняет, что-то переосмысливает и переоценивает.

Предметом мемуаристики являются отдельные фрагменты далёкого или близкого прошлого. Воспоминания максимально ориентированы на воссоздание исторически конкретной, реально бывшей действительности, проступающей в тексте через определённый набор лиц, событий, явлений.

Мемуары субъективны прежде всего потому, что в центре внимания аудитории оказывается не просто описание событий, а рассказ о судьбе человека.

Рассказ этот ведётся от первого лица, что усиливает психологическое начало такого рода повествования.

Русской психологической прозе XIX века («Капитанской дочке» А.С. Пушкина, «Герою нашего времени» М.Ю. Лермонтова, «Обломову» И.А. Гончарова, «Идиоту» Ф.М. Достоевского, «Анне Карениной» Л.Н. Толстого, «Дому с мезонином» А.П. Чехова) предшествовали «Письма русского офицера» Ф.Н. Глинки, «Записки кавалер-девицы» Н.А. Дуровой и другие произведения.

Переживание биографического автора как реального субъекта истории подготовили формирование и развитие отечественной психологической прозы.

Художественная литература – жизнеподобна, мемуары – достоверны.

Субъективность достоверности не противоречит. Ибо достоверен сам факт существования мемуариста, воспоминания являются документом времени при очевидной субъективности воспроизведения реальности.

Сюжетообразующей силой мемуаров являются запечатлённые авторской памятью факты реальной действительности. А. Белый в предисловии к своим мемуарам писал: «Показ мой – показ того, что было; факты разговоров, шуток, нелепостей – ф-а-к-т-ы, к которым я не могу ничего прибавить и от которых не могу ничего убрать без искажения действительности, ибо показанное есть то, чего теперь нет; и то, что – было»⁷⁴.

Мемуары – это единство документальности и художественности. Стремление мемуаристов к объективному и в то же время эмоциональному, взволнованному рассказу о своем времени делает мемуарный жанр площадкой, на которой сливаются воедино элементы подлинной действительности и творческой фантазии.

Некоторая доля условности, присущая любым мемуарам, будь то воспоминания, дневники, путевые записки, портреты, активизируя восприятие текста, способствует обнаружению его подлинного содержания, позволяет мемуаристу представить индивидуальную судьбу как некую закономерность, хотя

⁷⁴ Белый А. «На рубеже двух столетий», «Начало века», «Между двух революций» Воспоминания / А. Белый // Соч.: В 3 кн. – М., 1990. – Т. 2. – С. 19.

соотношение достоверных фактов и элементов творческого вымысла в тексте воспоминаний, как правило, неравновелики.

Фактологичность – неотъемлемая черта мемуарного жанра.

Факты довлеют над вымыслом, который, проявляясь в различной степени обобщениях, типизации, психологическом проникновении в душевный мир героев, невольных умолчаниях, домысливании отдельных эпизодов, не является осознанной авторской установкой. Иначе надо было бы говорить не о мемуаристике, а о таких видах литературы как историческая беллетристика или автобиографическая проза.

Хотя нельзя не согласиться, что в мемуарах неизбежна беллетризация факта.

Работая с фактическим материалом, мемуаристы выступают в роли историков-реконструкторов. Из разрозненного набора дат, лиц, событий, встреч, хранящихся в памяти, они выстраивают целостную, хотя и субъективную картину прошлого.

Мемуары – это всегда срез эпохи под определённым углом зрения.

Автор рецензии на «Воспоминания» Н.Я. Мандельштам справедливо отмечает: «Получился коллективный портрет российской интеллигенции в годину погрома. Портрет неполный и субъективный. Очень субъективный. Но кто и когда писал объективные мемуары? На это способен разве что компьютер»⁷⁵.

Историчность – одно из существенных свойств мемуаристики.

Однако, историчность особенная, персонифицированная. Ход времени в мемуарах отражается через жизненные истории конкретных людей. Для воспоминателей человек – не просто точка на исторической системе координат, а целый мир, который с ним рождается и с ним умирает. «Под всякой могильной плитой лежит всемирная история», – утверждал Г. Гейне⁷⁶.

Интерес, проявляемый авторами мемуаров к другим участникам воспроизводимых событий, – закономерен. Отражаясь в судьбе каждого человека,

⁷⁵ Мень А. Рецензия на «Воспоминания» Н.Я. Мандельштам / А. Мень // Литературное обозрение. – 1999. – № 5. – С. 7.

⁷⁶ Цит. по: Еремишин О. Афоризмы. Золотой фонд мудрости / О. Еремишин. – М.: Просвещение, 2006. – С. 123.

история, собственно, из этих судеб и складывается. Носителем определённого, исторически обусловленного начала, выступает и сам автор мемуаров.

Обилие портретных характеристик и углубленный психологический анализ позволяют мемуаристам создать в пределах текста максимально широкую панораму описываемого времени.

Тщательный отбор жизненного материала приводит к концентрации в мемуаристике таких фактов, лиц, событий, идей, которые составляют квинтэссенцию описываемого времени, то есть несут сущностный потенциал. В итоге за образами возникает коллективный портрет, за деталями — целое, за намеками — тенденция.

Мемуары – свидетельства людей о себе и своём времени, голос самой, обозримой в масштабах одной человеческой жизни или жизни людей целого поколения, исторической реальности. Это способ самопознания не только человека, но и целого поколения, эпохи.

Мемуары – произведение многоуровневое.

Та или иная степень организации материала свойственна любому публицистическому жанру. Мемуары не исключение. Дневники, путевые записки, письма, воспоминания, мемуарные портреты всегда имеют свою структуру, свой хронотоп. События в мемуарах выстраиваются таким образом, каким они виделись, запомнились, переживались автором тогда. Хронотоп воспоминаний по-своему индивидуален, неповторим, так как всегда связан с фактами авторской биографии, которыми он оперирует.

В мемуарах автобиографическое время соотносится с событийным, историческим временем. Мемуары, несмотря на присущую им фрагментарность, непоследовательность изложения, едины по историческому содержанию, компактны и органичны по своей форме.

В поле зрения мемуариста попадают самые разные фрагменты действительности, и в ткань воспоминаний свободно вводится всё, что может стать интересным для современников или потомков. Для мемуариста в принципе нет запретных тем, незначимых объектов описания.

События в мемуарах (как их вспоминает автор и как они воспринимаются читателями) распадаются на события объективного и субъективного порядка, на существенные и несущественные с позиций разных людей, имеющие сугубо личный или, наоборот, общественный характер.

Любые воспоминания дают как минимум три круга знаний и представлений.

Во-первых, интерпретируя авторскую интонацию, факты, детали и в целом композицию текста, аудитория воссоздаёт ментальные силуэты реально действовавших людей и реконструирует социальный, политический, культурный фон описываемой эпохи, с ее житейскими ситуациями, полемикой, злобой дня.

Во-вторых, в некоторых воспроизводимых мемуаристом ситуациях и образах аудитория узнаёт современную действительность и саму себя. Кто же он адресат мемуарной литературы? В этом качестве может выступать современник, которому мемуарист не просто повествует о встречах и расставаниях, друзьях и недругах, но и ждёт от него подтверждения своим мыслям, чувствам, взглядам, рассчитывает на некий отклик. Адресатом воспоминаний становятся и потомки. Поверяя им воспоминания об ушедшей эпохе, автор надеется на то, что они сохранят эту пусть и субъективную картину прошлого, извлекут из неё верный смысл и не допустят в будущем ошибок, совершённых предыдущими поколениями.

Наконец, воспоминания являются отражением личности мемуариста. Они дают нам представление о его интересах, пристрастиях, политических взглядах, эмоциональной направленности, мировоззренческих ориентирах, об особенностях его подсознания, в общем, о типе его менталитета.

Мемуары – имиджевый текст.

Работая над той или иной формой воспоминаний, автор прямо или косвенно презентует себя аудитории. Выступая своеобразным центром произведения, он фокусирует события вокруг себя, выражает свою точку зрения на происходящее. И – самое главное – раскрывает себя, как личность, осознающую ход исторического процесса, своё место в нём, раскрывающую подлинное значение фиксируемых фактов и событий, воссоздаваемых образов исторических лиц и

времени. Высокая степень отражения в тексте личности автора, его целей, намерений, интенций – основополагающая черта мемуарной литературы.

Мемуарист, будучи главным действующим лицом повествования, превращает событие в со-бытие. Он всегда движется внутрь самого себя. Антропоцентризм в мемуарах носит подчёркнуто демонстративный характер, перерастая в метаантропоцентризм. Важно не само событие, а роль мемуариста в нём. Действительность в мемуарах соотносится с личным авторским восприятием. Мемуарист рассказывает не только о том, что он видел, чему был свидетелем, но и о том, что он чувствовал в тот или иной момент своей жизни.

Работая с автобиографическими данными, мемуарист личные встречи, индивидуальные чувства переводит в разряд всеобщих. Фигура повествователя подчиняет себе весь фактический материал. Авторское «Я» в произведениях подобного типа стоит не над событием или за его рамками, а как действующее, участвующее в событиях лицо. От его имени ведётся повествование. Мемуары – это единство субъективного и объективного, личного и общественного, случайного и закономерного.

1.4. Автор как субъект высказывания в мемуарах

Личность автора мемуаров интересна во всём многообразии её проявлений. С точки зрения структуры произведения мемуарист предстаёт перед читателем в двух ипостасях: как объект изображения, один из героев воспоминаний и – одновременно – как субъект высказывания, предлагающий читателю смотреть на происходящее его глазами. При этом субъективация повествования не подрывает достоверности, правдивости воспоминаний.

Мемуары – всегда демонстрация авторского самосознания и авторского самотворения.

Центральная категория любого мемуарного текста – авторское «Я». Устойчивое представление мемуариста о самом себе, о своём физическом,

психологическом, интеллектуальном, эмоциональном состоянии, о своих взаимоотношениях с героями, о своём месте в мире и в тексте воспоминаний.

Степень стремления автора к самовыражению, к самопознанию, к самоосознанию – ключевой жанрообразующий признак мемуаристики. Любое отступление от этого принципа, отклонение в ту или иную сторону ведёт к размыванию жанровых границ, к смыканию мемуаров с другими художественно-публицистическими жанрами, к переходу в иные литературные формы.

Величина авторского «Я» – своего рода индикатор мемуарности произведения. На этапе прамемуаристики личное и общенародное сливались воедино. Впоследствии право на историческую память, считавшееся поначалу привилегией избранных лиц, стало осознаваться как всеобщее право, как право каждого человека.

Таким образом, в истории развития отечественной мемуаристики величина авторского «Я» эволюционировала от исторического объективизма к тому, что фигура повествователя стала действующим лицом.

В зависимости от степени вовлечённости автора в описываемые события в мемуаристике можно выделить следующие формы выражения авторского «Я»: автор-наблюдатель, автор-активный участник событий и автор-активный комментатор происходящего⁷⁷.

Представая в мемуарном тексте в роли наблюдателя, автор повествует о ситуациях, явлениях, событиях, которые он непосредственно видел, но не участвовал в них сам. На первый план в произведениях подобного рода выходит образ героя. Мемуарист старается остаться «за кадром», но не исчезает вовсе. Всматриваясь в прошлое, он только ретранслирует вереницу деталей, лиц, которые самостоятельно выступают на свет сквозь ограниченность и субъективность человеческой памяти.

«Пишу я эти строки с одним только желанием: сказать о Бунине правду, ту, которую я видел и знал, не добавляя ничего от себя, не позволяя себе оценки,

⁷⁷ Эти категории выделяет Л.Е. Кройчик в своей работе «Современный газетный фельетон», Воронеж, 1976. – 230 с.

положительной или отрицательной. Ничьи возражения, никакие домыслы не убедят меня, что правда могла иногда оказаться и другой», – пишет Г.В. Адамович⁷⁸.

Автор-активный комментатор происходящего воспроизводит те эпизоды, которые он лично не наблюдал или наблюдал частично. Отправной точкой для авторских размышлений становятся не собственные воспоминания, а свидетельства очевидцев. Степень достоверности таких мемуаров снижена, но значимость или экстраординарность происходящего столь велика, что они имеют право на место в общественной памяти. Автор-активный комментатор, избирая такую стратегию повествования, усиливает сюжетную составляющую.

Автор-активный участник событий предельно актуализирует своё отношение к описываемому. Стремясь беспристрастно воспроизвести события, о которых идёт речь, демонстративно подчёркивает право на свою точку зрения («Я так вижу»).

Естественным образом на первый план в таких текстах выдвигается не только реальный биографический субъект высказывания, но и некий образ автора, вбирающий в себя как индивидуально-неповторимые черты конкретной личности, так и признаки некоего концентрированного автора, то есть некоего носителя взглядов, выражением которых является всё произведение (по мысли Б.О. Кормана)⁷⁹.

Позиция «я в истории» достаточно чётко выражена в мемуарах З.А. Шаховской: «Окружающий мир менялся на глазах – я была тому свидетелем... Память сберегла картины и звуки, отражение которых отныне может явиться лишь с *моей* помощью. Но к памяти примешивается воображение, ведь она живописец, а не фотограф, и без воображения одинаково невозможно ни творить, ни вспоминать. Память не объективна, подвластна всему, что ее питает: мозгу,

⁷⁸ Адамович Г. Сомнения и надежды / Г. Адамович. – М.: Олма-Пресс, 2002. – С. 122.

⁷⁹ Корман Б.О. Проблема автора в художественной литературе / Б.О. Корман. – Ижевск: Изд-во Удмур. ун-та, 1974 – 230 с.

зрению и слуху, может быть, душе. Итак, мне нечего предложить людям, кроме собственного *моего* сегодняшнего взгляда на мир...»⁸⁰

Границы между формами выражения авторского «Я» нередко подвижны, переменчивы, размыты. Л.К. Чуковская в своих воспоминаниях «Памяти детства» выступает и как активный участник событий, и как комментатор. Она признаётся: «Я помню себя – обрывочно – с 1910 года, то есть с трёхлетнего возраста; что может помнить ребёнок от трёх до десяти? Немного; не по порядку; неясно... <...> Разбуженная, моя память оказывается на удивление инфантильной»⁸¹.

Поэтому, вспоминая своего отца, писателя К.И. Чуковского, мемуаристка не только описывает их куоккальские игры и то, как отец вместе с ними «весело скакал на одной ноге, строил из песка крепости, швырял камни – кто дальше?»⁸², но и даёт слово самому писателю, приводя записи из его дневника: «С тех пор как я познакомился с этими детьми... для меня как-то затуманились все взрослые. Странно, что отдыхать я могу только в среде детей»⁸³.

Важный публицистический ресурс мемуаров – диалогичность.

Любое мемуарное произведение можно представить в виде нескольких диалогических срезов. Автор беседует с персонажами, о которых пишет, с самим собой, с аудиторией. Гипотетический собеседник присутствует в воспоминаниях всегда.

Но главный диалог мемуариста – со временем. С Вечностью. Такова особенность любого творческого процесса.

У каждой эпохи свои глаза, свой слух, своя система переживаний. Мемуарист оставляет потомкам текст как повод для временных и вневременных со-размышлений.

Текст мемуаров неизменен – меняется аудитория, их воспринимающая. Первый срез мемуарного произведения – информационный («Вот как это было»),

⁸⁰ Шаховская З. Таков мой век / З. Шаховская. – М.: Русский путь, 2006. – С. 5.

⁸¹ Чуковская Л. Сочинения / Л. Чуковская // Соч.: В 2 т. – М.: Гудьял-Пресс, 2000. – Т.1: Повести; Воспоминания. – С. 240.

⁸² Там же. – С. 300.

⁸³ Там же. – С. 301.

второй аналитический («Почему всё происходило именно так»), третий – метафизический («А что именно за таким воспоминанием стоит»).

Время – господствующий образ всех воспоминаний.

Только в одних текстах он проступает явно и открыто: обращение к условному или номинальному адресату, к современникам — в путевых заметках. А в других текстах следует говорить о внутреннем диалоге, который автор ведёт с самим собой — в дневниках, исповедях, со своим прошлым и своими героями — в собственно воспоминаниях, мемуарах, мемуарных портретных очерках.

В.С. Голубцов выделяет следующие, наиболее типичные формы мемуаристики: дневники, записки, записные книжки, воспоминания очевидцев об отдельных событиях, о людях, об эпохе в целом, воспоминания-анкеты, воспоминания-некрологи, воспоминания, написанные по устным рассказам очевидцев и участников исторических событий, коллективные (комплексные) тематические воспоминания, биографии, автобиографии, жизнеописания, воспоминания, созданные в соавторстве участников исторических событий с писателями, наконец, собственно мемуары – значительные произведения, охватывающие, как правило, большой период времени, важные исторические события⁸⁴.

Столь подробная классификация позволяет говорить о разнообразии форм диалога мемуариста с аудиторией, поскольку у каждого жанра свои возможности организации эффективного воздействия на аудиторию. Наибольшими возможностями такого воздействия обладают путевые записки, дневники, исповеди, автобиографии, воспоминания, мемуарные портретные очерки.

Степень активности автора определяет всю шкалу разновидностей мемуарного жанра, начиная с исповеди, автобиографии, дневника и заканчивая собственно мемуарами и воспоминаниями.

На основании временных отношений можно выделить две группы форм мемуарного жанра. В дневниках, путевых записках – время синхронное. В воспоминаниях, мемуарных портретах – время ретроспективное. Читая мемуары и

⁸⁴ Голубцов В.С. Мемуары как источник по истории советского общества / В.С. Голубцов. – М., 1970. – С. 65-89.

дневники, аудитория воспринимает, усваивает, осознаёт не просто факты или события, имевшие место быть, но и постигает связи, установленные между ними автором.

В.В. Учёнова и С.А. Шомова выделяют такой вид текстов как автобиографические записки. Исследователи считают, что автобиографические записки примыкают к мемуарной литературе.

«В отличие от классических мемуаров подобные тексты при их создании не предполагают публикацию, – пишут авторы, – и вследствие этого не претендуют на жёсткий литературный канон. Подобно авторам бытовых писем, создатели таких произведений следуют по преимуществу непосредственным движениям души, хотя и выражают свои мысли и чувства в эпистолярных формах, присущих тому или иному времени, той или иной национальной традиции»⁸⁵.

Что принципиально важно в подобного рода текстах? Исследователи обращают внимание на то, что автобиографические записки «излучают ауру подлинности непридуманности описываемых событий»⁸⁶. Отмечено важное свойство всей автобиографической литературы: автор таких текстов выступает прежде всего как личность, подтверждающая достоверность происходящего, хотя масштабы этой достоверности ограничены уровнем его восприятия реальности, особенностями его индивидуально неповторимого взгляда на окружающий мир, его пережитым опытом, его образованием и т.д.

В своей совокупности такого рода записки создают подлинную энциклопедию жизни частного человека. Что само по себе интересно: формально бытовые тексты приобретают черты бытийности – сквозь ткань повседневности проступает силуэт вечности. К слову сказать, такой же силой исторического обобщения обладают и так называемые житейские дневники, не предназначенные для чужих глаз и носящие интроспективно-исповедальный характер.

Среди авторов Русского зарубежья воспоминания в форме дневников оставили З.Н. Гиппиус «Петербургский дневник», «Варшавский дневник»; Б.К.

⁸⁵ Учёнова В.В., Шомова С.А. Полифония текстов в культуре / В.В. Учёнова, С.А. Шомова. – М., 2003. – С. 207.

⁸⁶ Там же. – С. 208.

Зайцев «Дневник писателя», «Дни»; Г.Н. Кузнецова «Грасский дневник»; А.М. Ремизов «Взвихрённая Русь» и другие.

Тексты дневникового характера можно разделить на фактографические (описывающие преимущественно внешние события), интроспективные (воспроизводящие исключительно внутренние переживания автора) и интроспективно-фактографические (внешние события срачиваются с авторскими комментариями, ассоциациями, аллюзиями).

«Дневник писателя, как я его понимаю, – отмечал М.М. Пришвин, – начинается мерой вещей по себе и движется по пути к закону. Давным давно пишу я свои дневники, меряя в них всё по себе. Когда потом через год, через два, через десять перелистываю пожелтевшие страницы, вдруг открывается в них «закон», и тогда, отодвинув «своё» в сторону и в то же время, ощутив его давление, я пишу, отдаваясь «закону»⁸⁷.

Л.Я. Гинзбург справедливо пишет, что дневники – отражение «ещё не предрешённого процесса жизни с ещё неизвестной развязкой»⁸⁸. Хронотоп дневника прост: реально текущее время в реально фиксируемом пространстве. Время написания не отстоит от времени события. «Дневник – само течение жизни», – заметила как-то З.Н. Гиппиус⁸⁹.

Отрывочные наблюдения за жизненным потоком и собой в единое целое скрепляются на основе авторской целевой установки. Она оказывает влияние на отбор фактов, стиль и манеру изложения записей.

Разумеется, у каждого автора своя целевая установка. Кто-то берётся за написание мемуаров исключительно для себя, кто-то таким образом стремится посвятить в пережитое лишь младшее поколение семьи, а кто-то изначально ориентируется на их дальнейшую публикацию для широкой читательской аудитории.

Итак, что такое мемуары – с одной стороны, документ эпохи: любой мемуарный текст отражает взгляд конкретного субъекта истории на

⁸⁷ Пришвин М. Незабудки / М. Пришвин. – М., 2007. – С. 206.

⁸⁸ Гинзбург Л. О психологической прозе / Л. Гинзбург. – М., 1999. – С. 10.

⁸⁹ Гиппиус З.Н. Живые лица: стихи, дневники / З.Н. Гиппиус. – Тбилиси, 1991. – С. 232.

происходящее и вводит читателя в более или менее достоверный мир той реальности, о которой пишет мемуарист. С другой стороны – мемуары – это имиджевый текст, дающий представление о личности пишущего, в значительной степени документально отражающего внутренний мир себя самого. Но ведь человек – это тоже своеобразный документ эпохи, в которую он живет.

1.5. Типология мемуаров Русского зарубежья первой волны

Мемуаристика Русского зарубежья отражает все грани политических, литературоведческих, философских взглядов, господствовавших в эмигрантской среде, и представляет существенный текстовый массив. Не удивительно, что ряд исследователей Русского зарубежья (Ю.В. Булдакова, Е.Л. Кириллова, Н.Н. Кознова) в основу своих научных исканий положили типологический метод.

Н.Н. Кознова критерием типологизации мемуарных текстов разных авторов избирает категории «памяти» и «субъективности» и выделяет следующие формы повествования: очерковую, эссеистическую, дневниковую и эпистолярную. В творчестве одного и того же автора, по мнению исследовательницы, эти формы могут взаимодействовать друг с другом и трансформироваться, образуя новые типы повествовательных форм⁹⁰.

Считая одной из доминант типологического анализа предмет воспоминаний, Е.Л. Кириллова в мемуаристике Русского зарубежья выделяет две типологические разновидности текстов – литературный портрет и автобиографию. В первом случае память автора сосредоточена на образах современников, во втором – на собственном «Я», на событиях своей жизни⁹¹.

Несколько иной типологический подход предлагает Ю.В. Булдакова. Взяв за основу принципы авторского сознания, характер моделирования мира, синтактику, прагматику, репрезентацию, исследовательница выделяет три

⁹⁰ Кознова Н.Н. Мемуары русских писателей-эмигрантов первой волны: концепции истории и типология форм повествования : дис. ... доктора филол. наук : 10.01.01 / Наталья Николаевна Кознова. – М., 2011. – 492 с.

⁹¹ Кириллова Е.Л. Мемуаристика как метажанр и её жанровые модификации: на материале мемуарной прозы русского зарубежья первой волны : дис. ... кандидата филол. наук : 10.01.01 / Екатерина Леонидовна Кириллова. – Владивосток, 2004. – 221 с.

модели дневникового дискурса: описательно-фиксирующую (нарратив определяется детальным описанием бытовых событий авторской жизни с незначительными вкраплениями лирических фрагментов), экзистенциальную (основа нарратива – бытие, авторская рефлексия) и синтетическую (синтез двух предыдущих моделей)⁹².

Как видим, единого подхода к критериям типологизации мемуаристики Русского зарубежья среди исследователей не существует. В основание типологии разные исследователи закладывают разные формальные и содержательные аспекты структуры мемуарного дискурса: авторскую мотивацию, мировоззренческую позицию, специфику творческой индивидуальности, стилевые характеристики текста, его проблемно-тематическое поле.

Мы за исходный типологический принцип, определённым образом упорядочивающий наличное и возможное множество мемуарных текстов эмигрантов первой волны, берём функционально-коммуникативный аспект, учитывающий как внутритекстуальные, так и экстратекстуальные факторы, и выделяем следующие типы мемуаристики: портретные очерки, историко-литературные обозрения, социально-бытовые записки, документально-исторические хроники.

Портретные очерки («Дневник моих встреч» Ю.П. Анненкова, «Живые лица» З.Н. Гиппиус, «Далёкое» Б.К. Зайцева⁹³ и т.п.) носят описательный характер. Авторы вспоминают лишь отдельные, на их взгляд, важные эпизоды из собственной жизни и жизни своих героев, тяготея к стилевой и композиционной свободе, отдавая предпочтение непринуждённой форме диалога с собой и со временем.

Так, из воспоминаний Ю.П. Анненкова мы словно мимоходом узнаём, как он нюхал эфир с Н.С. Гумилёвым, пьянствовал с С.А. Есениным, беседовал с

⁹² Булдакова Ю.В. Дневник писателя как феномен литературы русского зарубежья 1920-1930-х гг.: типология и поэтика жанра : дис. ... кандидата филол. наук : 10.01.01 / Юлия Вячеславовна Булдакова. – Киров, 2010. – 189 с.

⁹³ Анненков Ю. Дневник моих встреч / Ю. Анненков. – М., 1993. – 344 с. ; Гиппиус З.Н. Живые лица: стихи, дневники / З.Н. Гиппиус. – Тбилиси, 1991. – 397 с. ; Зайцев Б.К. Далёкое / Б.К. Зайцев. – М.: Советский писатель, 1991. – 512 с.

В.И. Лениным, по воле случая ночевал у А.А. Ахматовой⁹⁴. В «Живых лицах» З.Н. Гиппиус из череды «лёгких встреч» создаёт объёмные образы «лунного» А.А. Блока, «одержимого» В.Я. Брюсова, В.В. Розанова, Ф. Сологуба⁹⁵.

Внутритекстуальную основу историко-литературных обзоров («Одиночество и свобода» Г.В. Адамовича, «На Парнасе Серебряного века» С.К. Маковского, «Некрополь» В.Ф. Ходасевича⁹⁶ и т.п.) составляет творческая деятельность объекта воспоминаний, а бэкграундом выступает социально-культурная среда. Мемуарист сквозь призму творческой деятельности объекта воспоминаний постигает особенности его мировосприятия, жизненный путь. Главные признаки нарративной организации мемуаров такого типа – критический анализ, оценочность.

Смысловым ядром воспоминаний Г.В. Адамовича об А.А. Блоке, например, является довольно резкий литературно-критический анализ поэмы «Двенадцать» – «грандиозной оплошности»⁹⁷, «греха на художественной совести»⁹⁸ А.А. Блока, по мнению критика-мемуариста.

Распространённую литературную параллель «Двенадцать» – «Медный всадник» Г.В. Адамович считает преувеличенной, хотя и не скрывает, что сразу после выхода поэмы придерживался противоположной позиции, а мнение изменил лишь по прошествии времени. «Уверен ещё и в другом: поэма «Двенадцать» если в нашей литературе и останется, то к сокровищам её причислена не будет», – резюмирует мемуарист⁹⁹.

В социально-бытовых записках («Воспоминания. От крепостного права до большевиков» Н.Е. Врангеля, «Воспоминания о России (1900-1932)» И.Д. Голицыной, «Революционные дни» Ю.Ф. Кантакузиной, «Воспоминания» С.В.

⁹⁴ Анненков Ю. Дневник моих встреч / Ю. Анненков. – М., 1993. – 344 с.

⁹⁵ Гиппиус З.Н. Живые лица: стихи, дневники / З.Н. Гиппиус. – Тбилиси, 1991. – 397 с.

⁹⁶ Адамович Г.В. Одиночество и свобода / Г.В. Адамович. – М.: Республика, 1996. – С. 267. ; Маковский С.К. На Парнасе Серебряного века / С.К. Маковский. – М.: Аграф, 2000. – 763 с. ; Ходасевич В.Ф. Некрополь / В.Ф. Ходасевич. — М.: Вагриус, 2001. — 244 с.

⁹⁷ Адамович Г.В. Одиночество и свобода / Г.В. Адамович. – М.: Республика, 1996. – С. 267.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же. – С. 268.

Рахманинова¹⁰⁰ и т.п.) авторы не поднимаются с бытового уровня на уровень бытия. Нарративный ряд таких воспоминаний строится из сугубо бытовых и биографических деталей и подробностей. Мемуаристы не стремятся к художественному анализу действительности, к философским и мировоззренческим обобщениям. Их цель – максимально полно зафиксировать быт литературный, художественный, исторический.

Так, вспоминая об Ивановке – любимом имении в Тамбовской губернии, С.В. Рахманинов предстаёт бытописателем. Он с предельной тщательностью, но без излишних эпитетов описывает местоположение имения («Находилось оно около 300 миль к юго-востоку от Москвы, или ночь по железной дороге»¹⁰¹), его «природные красоты»: степи «от горизонта до горизонта», большие фруктовые сады, парк, озеро. И акцентирует своё внимание и внимание читателей на сельскохозяйственной технике («У нас были и сноповязалки, и косилки, и сеялки в большинстве случаев американского происхождения, фирмы Мак-Кормик»¹⁰²). Предел мечтаний композитора, согласно воспоминаниям, «покупка сильного американского трактора»¹⁰³.

Социально-бытовые записки оставили и родители белого генерала П.Н. Врангеля: отец Н.Е. Врангель¹⁰⁴ и мать М.Д. Врангель, урождённая Дементьева-Майкова¹⁰⁵. Правда, вспоминая жизнь в холодном и голодном Петрограде 1918 года, баронесса даёт ей оценки, совершенно противоположные по тону тем, что звучат в мемуарах её супруга-либерала.

Нарратив документально-исторических хроник («Поезд на третьем пути» Дон-Аминадо, «Хроника событий глазами белого офицера, писателя,

¹⁰⁰ Врангель Н.Е. Воспоминания. От крепостного права до большевиков / Н.Е. Врангель. – М.: Новое лит. обозрение, 2003. – 505 с. ; Голицына И.Д. Воспоминания о России (1900-1932) / И.Д. Голицына. – Пер. с англ. Т.И. Голицыной, О.А. Несмеяновой. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 224 с. ; Кантакузина Ю. Революционные дни. Воспоминания русской княгини, внучки президента США, 1876-1918 / Ю. Кантакузина. – М.: Центрполиграф, 2007. – 285 с. ; Рахманинов С.В. Литературное наследие / С.В. Рахманинов // Соч.: В 3 т. – М.: Советский композитор, 1978. – Т. 1: Воспоминания. Статьи. Интервью. Письма. – 647 с.

¹⁰¹ Рахманинов С.В. Литературное наследие / С.В. Рахманинов // Соч.: В 3 т. – М.: Советский композитор, 1978. – Т. 1: Воспоминания. Статьи. Интервью. Письма. – С. 52-53.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Врангель Н.Е. Воспоминания. От крепостного права до большевиков / Н.Е. Врангель. – М.: Новое лит. обозрение, 2003. – 505 с.

¹⁰⁵ Врангель М.Д. Моя жизнь в коммунистическом раю / М.Д. Врангель // Добровольческий корпус. URL: http://www.dk1868.ru/history/igor/baronessa_vrangel.htm (дата обращения: 09.10. 2013).

журналиста» А.И. Куприна¹⁰⁶ и т.п.) строится вокруг событий, значимых в историческом контексте эпохи, имеющих значение в эволюционном развитии страны, народа. Описания этих событий доминируют над фактами из частной жизни самого автора. В мемуарах данного типа силён историко-этнографический пласт. Повествовательная линия имеет строго хронологический характер. Автор выступает в роли аналитика, вынося субъективную оценку событиям прошлого. Рефлексия носит историософский характер. Главная задача автора – постижение исторического значения явлений и событий, очевидцем которых он стал.

Мемуары политических и общественных деятелей дореволюционной и эмигрантской России: В.Л. Бурцева, П.Н. Врангеля, Р.Б. Гуля, А.И. Деникина, А.Ф. Керенского, П.Н. Милюкова, П.А. Сорокина, – составляют отдельный пласт воспоминаний Русского зарубежья¹⁰⁷. На страницах своих записок, дневников, биографий эти авторы дают собственные, не всегда бесспорные объяснения трагическим событиям, имевшим место в России. Однако ценность мемуаристики в том и заключается, что из субъективного, порой противоречивого, набора исторических фактов, лиц, событий складывается объективная картина прошлого и настоящего.

Память – ключевая категория сознания любого человека. «Я помню, следовательно, я существую». Именно так можно перефразировать слова Р. Декарта, говоря о мемуаристике и мемуаристах. В Русском зарубежье, в ситуации социополитического и культурного распада государства, общества, строя память становится той точкой, опираясь на которую русская эмиграция и выполняет свою миссию по сохранению национальных основ.

Вслед за И.А. Бродским можно говорить, что всякому изгнаннику присущ «гипертрофированный ретроспективизм». «Ретроспекция занимает в его

¹⁰⁶ Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути / Дон-Аминадо. – М.: Вагриус, 2000. – 378 с. ; Куприн А.И. Хроника событий глазами белого офицера, писателя, журналиста / А.И. Куприн. – М.: Собрание, 2006. – 669 с.

¹⁰⁷ Бурцев В.Л. Борьба за свободную Россию (Мои воспоминания) / В.Л. Бурцев. – М.: Издательство имени Новикова, 2012. – 494 с. ; Врангель П.Н. Воспоминания / П.Н. Врангель // Соч.: В 2 т. – М., 1992. – Т.1-2. ; Гуль Р. Я унес Россию. Апология эмиграции / Р. Гуль // Соч.: В 3 т. – М.: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2001. – Т. 1-3. ; Деникин А.И. Очерки русской смуты / А.И. Деникин // Соч.: В 3 т. – Минск: Харвест, 2002. – Т. 1-3. ; Керенский А.Ф. Россия в поворотный момент истории / А.Ф. Керенский. – М.: Центрполиграф, 2006. – 523 с. ; Милюков П. Воспоминания / П. Милюков. – М.: Вагриус, 2001. – 635 с. ; Сорокин П. Дальняя дорога. Автобиография / П. Сорокин. – М.: Терра, 1992. – 302 с.

существовании чрезмерное место. Она заслоняет реальность и затемняет будущее завесой куда более внушительной, чем самый густой туман. У изгнанника как у дантовских лжепророков, голова постоянно отвёрнута назад, и слёзы или слюна текут по спине. Пишущий же, даже получив свободу передвижения, не может никак оторваться от мира своего прошлого...»¹⁰⁸

Неслучайно, в условиях эмиграции память – индивидуальная и коллективная, – приобретает первостепенное значение. Мемуарно-автобиографическое начало – неотъемлемая черта творчества изгнанников. Дневники, письма, автобиографии, мемуарные портретные очерки, собственно воспоминания – это «плач» по прошлому и одновременно послание в будущее с опорой на настоящее.

Мемуары – это прошлое как настоящее. Это ощущение, что жизнь продолжается в привычных формах. Это иллюзия, что можно что-то изменить. Надежда на эти изменения. Прошлое – опора настоящего и надежда на будущее. «Связь живого в прошлом с живым в настоящем есть истинная культурная традиция», – утверждал П.Н. Милюков¹⁰⁹.

Разумеется, для любого мемуариста, в том числе и для писателей-эмигрантов, мемуары – это попытка напомнить о себе, о своём месте в мире, попытка «сохранить лицо». В тоже время стремление рассказать о себе, воспроизводя факты собственной биографии, или в воспоминаниях о жизни современников, связано у эмигрантов с острой потребностью сохранить вдалеке от Родины её традиции, устои, имена, с желанием воспротивиться ассимиляции, не дать раствориться культуре прежней России в современном инокультурном, инациональном окружении. «Наша цель – твёрдо сказать: подымите голову! Миссия, именно миссия, тяжкая, но и высокая, возложена судьбой на нас», – призывал И.А. Бунин, выступая перед парижскими эмигрантами в феврале 1924 года¹¹⁰.

¹⁰⁸ Brodsky J. The Condition We Call Exile / J. Brodsky // Writing in Exile. Renaissance and Modern Studies. University of Nottingham. – 1991. – Vol. 34. – P. 3.

¹⁰⁹ Милюков П.Н. Живой Пушкин (1837-1937). Историко-биографический очерк / П.Н. Милюков. – М.: Эллис Лак, 1997. – С. 137.

¹¹⁰ Бунин И. Миссия русской эмиграции / И. Бунин // Слово. – 1990. – № 10. – С. 67.

Мемуаристика Русского зарубежья составляет особый пласт духовной жизни русских за рубежом, имеет свои черты и особенности.

Литераторы, художники, музыканты, политические лидеры вспоминают о деятелях российской дореволюционной культуры, эмигрировавших или оставшихся в Советской России, о событиях, произошедших на Родине в последнее десятилетие, часто отдавая им приоритет перед событиями собственной жизни. Л.Н. Андреев, К.Д. Бальмонт, А. Белый, А.Н. Бенуа, Н.Н. Бердяев, А.А. Блок, В.Я. Брюсов, Н.С. Гумилёв, В.И. Иванов, Д.С. Мережковский, К.В. Мочульский, П.П. Муратов, Б.Л. Пастернак и др. – каждый из них олицетворение эпохи, важная часть прошлого, ещё вчера бывшего настоящим. Таким образом, создаётся целая галерея известных людей Серебряного века русской культуры и Русского зарубежья.

Мемуары – реконструкция облика уходящей культурной традиции. Попытка оставить память о ней.

«Живые лица» З.Н. Гиппиус, «Москва» и «Далёкое» Б.К. Зайцева, «Петербургские зимы» Г.В. Иванова, «Другие берега» В.В. Набокова, «На берегах Невы» и «На берегах Сены» И.В. Одоевцевой, «Некрополь» В.Ф. Ходасевича, «Отражения» З.А. Шаховской¹¹¹ – книги, в большинстве своём состоящие из мемуарных портретных очерков, ранее опубликованных в эмигрантских периодических изданиях. Разные по интонациям, форме, эстетической манере, созданные и изданные в разные годы, они перекликаются набором персонажей и символикой заглавий. Но есть и главные персонажи – А.В. Амфитеатров, И.А. Бунин, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, Н.А. Тэффи, С. Чёрный.

Вспоминают по-разному. Так многие авторы, вспоминая И.А. Бунина, единодушно отмечают свойственный писателю «непреодолимый страх смерти»¹¹². Поэтесса и близкая подруга И.А. Бунина Г.Н. Кузнецова вспоминает

¹¹¹ Гиппиус З.Н. Живые лица: стихи, дневники / З.Н. Гиппиус. – Тбилиси, 1991. – 397 с. ; Зайцев Б.К. Далёкое / Б.К. Зайцев. – М.: Советский писатель, 1991. – 512 с. ; Зайцев Б. Москва / Б. Зайцев. – Мюнхен: Echo Press, 1973. – 160 с. ; Иванов Г.В. Петербургские зимы / Г.В. Иванов. – СПб.: Азбука, 2000. – 283 с. ; Набоков В.В. Другие берега. Мемуары / В.В. Набоков. – М.: Захаров, 2004. – 445 с. ; Одоевцева И.В. На берегах Невы / И.В. Одоевцева. – М.: Эллис Лак, 2012. – 910 с. ; Ходасевич В.Ф. Некрополь / В.Ф. Ходасевич. – СПб.: Азбука-классика, 2001. – 315 с. ; Шаховская З.А. В поисках Набокова. Отражения / З.А. Шаховская. – М.: Книга, 1991. – 316 с.

¹¹² Шаховская З.А. В поисках Набокова. Отражения / З.А. Шаховская. – М.: Книга, 1991. – С. 242.

об этом как о бытовом факте: «Говорили о «людях смерти», к которым И.А. причисляет себя»¹¹³, – и отмечает огорчение некоторых читателей тем, что «в писаниях Бунина столько страха смерти и «мало Бога»¹¹⁴. Писательница З.А. Шаховская считает эту черту основной, имманентной всему творчеству И.А. Бунина: «Всё естество его противилось тлену и исчезновению. С такой же яростью, с которой он ощущал жизнь... предчувствовал и понимал он и тленье. Не было в Бунине мудрости и пресыщенности Соломона, но жила в нём память о конце всего существующего, память Экклезиаста»¹¹⁵.

«Мучительный... страх смерти, уничтожения, небытия...» отмечает в И.А. Бунине и Н.А. Струве¹¹⁶. Причины мучений писателя перед «возможным исчезновением плоти»¹¹⁷ он видит в сильной зависимости от земной эстетики и всего того, что как раз «душу облакает в плоть»¹¹⁸. Точку зрения Н.А. Струве подтверждают и воспоминания, оставленные критиком А.В. Бахрахом: «Бунин категорически отрицал возможность загробной жизни, утверждая, что противоречило бы высшей логике, если бы после «минутного» пребывания на этой планете... предстояли мириады... лет какого-то непонятного... существования, поскольку ничего не было до рождения»¹¹⁹.

Мемуары – вольная речь от первого лица («Говорю то, что хочу сказать»). Одни и те же события, одни и те же персоналии в воспоминаниях разных авторов получают порой диаметрально противоположную оценку. Так абсолютно разные грани творчества и личности З.Н. Гиппиус подчёркивают в своих воспоминаниях Г.В. Адамович и Б.К. Зайцев. Г.В. Адамович пишет о заслугах и достоинствах З.Н. Гиппиус, восхищается язвительным стилем её писания. Б.К. Зайцев же наоборот считает и Д.С. Мережковского, и З.Н. Гиппиус высокомерными и брезгливыми. «... Обращённости к «малым сим», какого-либо привета, душевной

¹¹³ Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад / Г.Н. Кузнецова. – М., 1995. – С. 84.

¹¹⁴ Там же. – С. 106.

¹¹⁵ Шаховская З.А. В поисках Набокова. Отражения / З.А. Шаховская. – М.: Книга, 1991. – С. 242.

¹¹⁶ Струве Н.А. Классика в неклассическую эпоху / Н.А. Струве // Филологические записки. – 2003. – Вып. 20. – С. 32.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Бахрах А.В. Бунин в халате / А.В. Бахрах // По памяти, по записям. – М., 2005. – С. 167.

теплоты и света в них очень уж было мало. Они и неслись в некоем, почти безвоздушном пространстве, не совсем человеческом»¹²⁰.

Можно говорить о некоей модельности памяти русских эмигрантов. Мемуаристы вспоминают одних и тех же деятелей русской дореволюционной культуры, одни и те же события, лишь вставляя в общую модель Родины свои индивидуальные черты. Мемуары русских эмигрантов – имитация возвращения.

Оттенки в коллективный портрет русской эмиграции вносят воспоминания её европейских визави. Так, К. Шанель в своих мемуарах отмечает: «Русских в Париже было много, особенно после их революции. И они очень разные: жизнерадостные и мрачные, решительные и поникшие, уверенные в будущей победе и опустившие руки, кто-то сумел вывезти свои деньги до страшных событий, кто-то приехал в Париж без франка в кармане, кто-то пытался работать, а кто-то влачил жалкое существование на пожертвованные деньги. Среди них много способных и даже гениальных, но сколько же просто спилось!»

Вот это коробило меня больше всего: почти все русские, даже самые большие умницы и принадлежащие к знатным родам, много пили, а напившись, превращались ни во что. <...> Но большинство трудились честно, даже дамы из высшего общества, дамы императорской фамилии»¹²¹.

Вспоминая И.Ф. Стравинского и С.П. Дягилева, или просто «Дяга», как К. Шанель его по-дружески называет, кутюрье признаётся: «Бывали моменты, когда я завидовала их достоинству и породе»¹²². Но уже в следующих строках очарование уступает место сожалению: «...им нужна спина, за которой можно прятаться, мало кто способен вырвать что-то зубами. Таким не место в нынешней жизни»¹²³.

Жители Берлина 1920-х годов отмечали в своих воспоминаниях резкую границу между эмигрантами и «аборигенами»: «Два мира без мостов, два строго ограниченных государства. Русские остаются русскими, даже на Непском

¹²⁰ Зайцев Б.К. Памяти Мережковского / Б.К. Зайцев // Братья писатели. – М., 1991. – С. 41.

¹²¹ Шанель Коко. Жизнь, рассказанная ею самой / Коко Шанель. – М.: Яуза-пресс, 2012. – С. 136.

¹²² Там же. – С. 137.

¹²³ Там же.

проспекте в Берлине, мы, немцы, живём по нашим правилам... Мимо скольких Базаровых, Карамазовых, Обломовых и Онегиных мы прошли? Сколько Анн Карениных мы проглядели?»¹²⁴

Вот он типичный взгляд европейца на русского эмигранта. Гениального, способного, трудолюбивого, но так до конца и не понятого, чуждого европейскому мировоззрению. А может, и не стремившегося быть понятым?

Мемуары русских эмигрантов – попытка разобраться в трагических событиях российской истории.

Авторы воспоминаний стремятся не просто остановить время, сберечь, зафиксировать в памяти ушедшую Россию, считая себя едва ли не единственными её наследниками, а в публичной форме дают ответ на вопрос, которым задавался каждый изгнанник: «В чём и когда мы ошиблись?».

Автобиография одного человека становится автобиографией рода человеческого.

«Из-за России-то и вся мука, вся ненависть моя. Иначе чего бы мне сидеть в Приморских Альпах, в Париже?» – признаётся И.А. Бунин¹²⁵. «... нет, нет, нет, не было ошибки, да и несчастья нет <...> Произошло то, что должно было произойти», – утверждает Г.В. Адамович¹²⁶.

Мемуарный анализ прошлого позволяет представителям Русского зарубежья объяснить настоящее, найти своё место в чуждой окружающей действительности, самоидентифицироваться. Так, И.А. Бунин считает русских эмигрантов «неким грозным знаком миру и посильными борцами за вечные божественные основы человеческого существования, ныне не только в России, но и всюду пошатнувшиеся»¹²⁷.

Воспоминания авторов Русского зарубежья изобилуют «милыми» деталями, насыщены подробностями устойчивого быта ушедших лет. Церкви и рынки, похороны и кладбища, майский парад на Марсовом поле и наводнение 1903 года,

¹²⁴ Mierau F. Russen in Berlin. 1918-1933. Eine Kulturelle Begegnung / F. Mierau. – Berlin, 1988. – S. 176.

¹²⁵ Бунин И.А. Российская человечина / И.А. Бунин // Публицистика 1918-1953 годов. – М., 1998. – С. 177.

¹²⁶ Адамович Г. Сомнения и надежды / Г. Адамович. – М.: Олма-Пресс, 2002. – С. 203-204.

¹²⁷ Бунин И.А. Миссия русской эмиграции / И.А. Бунин // Публицистика 1918-1953 годов. – М., 1998. – С. 149.

зрелища и развлечения вспоминает А.Н. Бенуа¹²⁸. Н.А. Тэффи в миниатюре «Ностальгия» пишет о лесах, полях, монашенках, солёных груздях, чёрных тараканах, крестном ходе с водосвятием, «чтобы дождик был, зерно напоил»¹²⁹. В.А. Оболенский детально описывает первые электрические фонари, уличного мороженщика, Ваньку-извозчика, Вербное гулянье, иллюминацию в царские дни, праздничные балаганы, выкрики уличных разносчиков. «В причудливой смеси европейской культуры со старым русским бытом и заключалась своеобразная прелесть старого Петербурга», – резюмирует автор¹³⁰.

Очевидно, для всех авторов поиски точки опоры в прошлом – форма сопротивления настоящему безвременью.

Мемуары эмигрантов – «лоскутное одеяло», состоящее из мелких, незначительных, на первый взгляд, но таких родных, понятных и знакомых каждому читателю деталей и образов. Документализм внешних деталей в мемуарах органично соединяется с явно выраженными или имплицитно ощущаемыми переживаниями по их поводу. Субъект высказывания в мемуарах – действующее лицо, а не только наблюдатель и активный комментатор. Активное личностное начало – неотъемлемая черта мемуарного жанра.

Столь детальное овеществление прошлого позволяет авторам сократить временной разрыв между тем, что было, и тем, что стало. Наглядность прошлой жизни делает её более прочной, несокрушимой как в глазах самих авторов, так и в глазах читателей. Бытие превращается в со-бытие.

Мемуары русских эмигрантов – воскрешение прошлого.

Прошлое в них предстаёт как настоящее и издалека выглядит привлекательнее, чем оно было на самом деле. Мемуары отличаются «выпрямленностью задания» – авторская задача ясна и определённа: не просто показать то, что было и уже никогда не повторится, а показать в выгодном свете. Мемуары – это проекция идеального прошлого на несовершенное настоящее.

¹²⁸ Бенуа А. Мои воспоминания / А. Бенуа // Соч.: В 5 кн. – М.: Наука, 1993. – Кн. 1-5.

¹²⁹ Тэффи Н.А. Ностальгия / Н.А. Тэффи // Печальное вино. – Воронеж, 2000. – С. 329.

¹³⁰ Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники / В.А. Оболенский. – Париж, 1988. – С. 16.

Реальность ритуальна – она фиксирует настоящее. Память не чужда творчеству, капризна – она фиксирует то, что запомнилось. Она может, как приукрасить, так и очернить прошлое. Причём сделать это произвольно. У реальности нет выбора: есть только то, что запомнила память.

Воспоминание – не фотография реальности, а лишь фантазия на её тему. По меткому выражению З.А. Шаховской, «в области воспоминаний достоверности нет. Это не паспорт, не полицейский рапорт...»¹³¹ Вот почему мемуары об одних и тех же людях, об одних и тех же событиях, порой так противоречивы.

Разумеется, память мемуариста, как и память любого человека, избирательна и субъективна. «Настоящей беспристрастности всё равно никогда не будет. А главное: наша «беспристрастность» будет ведь очень и очень дорога для будущего историка», – замечает И.А. Бунин¹³².

Мемуары – с одной стороны, компромисс автора с самим собой, а с другой – компромисс с эпохой, о которой он вспоминает. Ведь недоговаривать, замалчивать, порой, заставляла не только самоцензура, но и цензура. Конечно, цензуры в Русском зарубежье не было – было естественное стремление напомнить о том, о чём хотелось помнить. Уместнее говорить об определённых идеологических ограничениях, которые неизменно накладывались даже на прославленных эмигрантов. Ю.К. Терапиано отмечал: «Есть положения, когда писатели оказываются без цензоров перед цензурой: запрет касаться острых проблем современности, страх перед идеей, перед всяким словом, выходящим за рамки специальных вопросов искусства»¹³³.

Так, Р.Б. Гуль, в 20-е годы XX века активно сотрудничавший со сменовеховскими изданиями в Берлине, печатавшийся в советских издательствах (в 1927 году в московском Госиздате вышел его роман «Жизнь на фукса»), в трёхтомнике воспоминаний «Я унёс Россию. Апология эмиграции», описывая берлинский этап своей жизни, предстаёт стойким антисоветчиком. О своём

¹³¹ Шаховская З.А. В поисках Набокова. Отражения / З.А. Шаховская. – М.: Книга, 1991. – С. 15.

¹³² Бунин И.А. Окаянные дни / И.А. Бунин. – Москва: Эксмо, 2011. – С. 97.

¹³³ Терапиано Ю. Встречи. 1926-1971 / Ю. Терапиано. – М., 2002. – С. 178-179.

сменовеховстве Р.Б. Гуль пишет вскользь как о минутном заблуждении, замечая лишь, что «нэп приведёт Советскую Россию к какому-то нормальному строю»¹³⁴.

Мемуары – почти всегда полемика с реальностью, всегда противостояние индивидуального восприятия ритуальному представлению о реальности. Противостояние памяти и реальности.

Мемуаристика Русского зарубежья носит во многом покаянный характер.

В ситуации социального и культурного раскола, в которой оказались русские эмигранты, вину за то, что знакомой и привычной России в одночасье не стало, ощущал в той или иной степени каждый изгнанник. Эмигрантские мемуары – своего рода ответы на призыв, озвученный Н.А. Бердяевым ещё в 1909 году в сборнике «Вехи». С его страниц философ убеждал русскую интеллигенцию в необходимости самокритики, утверждая, что к новому сознанию можно перейти «лишь через покаяние и самообличение»¹³⁵.

«Выросшая из Православия, из русского пасхального архетипа и соборной идеи»¹³⁶ мифологема покаяния вообще характерна для истории русской интеллигенции. Она выражает природную склонность русского народа к смирению перед правдой и к покаянию. Даже И.В. Грозный в переписке с А.М. Курбским временами предстаёт кающимся грешником («Но так как человеческие грехи всегда раздражают бога, то случился за наши грехи по божьему гневу в Москве пожар <...>...я человек: нет ведь человека без греха, один Бог безгрешен»¹³⁷).

Этот врождённый синдром «русского покаяния» подметили Н.Ф. Фёдоров («В общине-приходе никто другого не называет преступником, но каждый себя считает виноватым во всём, что совершается в нём»¹³⁸) и Н.А. Бердяев («Ни один

¹³⁴ Гуль Р. Я унёс Россию. Апология эмиграции / Р. Гуль // Соч.: В 3 т. – М., 2001. – Т. 1: Россия в Германии. – С. 222.

¹³⁵ Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда / Н.А. Бердяев // Вехи (Сборник статей о русской интеллигенции, 1909) URL: <http://lib.ru/POLITOLOG/XX/wehi.txt> (дата обращения: 24.12.2013).

¹³⁶ Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности / И.А. Есаулов. – М.: Кругъ, 2004. – С. 483.

¹³⁷ Переписка Ивана Грозного с князем Курбским. 1564-1579 // Хрестоматия по древнерусской литературе. – М.: Высш. шк., 1985. – С. 138.

¹³⁸ Фёдоров Н.Ф. Философия общего дела / Н.Ф. Фёдоров // Избранные сочинения. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 94.

народ Запада не пережил так сильно мотивов покаяния, как народ русский в своих привилегированных слоях»¹³⁹).

Действительно, мифологема покаяния пронизывает русскую литературу, начиная с русских народных былин, плачей, продолжаясь произведениями Л.Н. Андреева, Ф.М. Достоевского, С.А. Есенина, Н.С. Лескова, Н.А. Некрасова, Н.М. Рубцова, Л.Н. Толстого. Повышенный интерес русских авторов к теме покаяния человека замечают и их зарубежные коллеги. Т. Манн именно за пристальное внимание русской литературы к проблемам совести, искупления греха неоднократно наделяет её определением «святая»¹⁴⁰.

«Если я сейчас сяду в то кресло моей комнаты, в котором я никогда не пишу и не читаю, а лишь «пролетаю в поля умереть», и привычным движением души наложу на диск моей памяти не стирающуюся от времени пластинку с золотой надписью «детство», то перед моими глазами поплывут одна за другой райские картины той жизни, за которую ныне так страшно расплачивается Россия», – замечает в своих воспоминаниях Ф.А. Степун¹⁴¹.

Мотив самопокаяния отчётливо звучит и в мемуарах Б.К. Зайцева. Первую мировую войну он считал «великим испытанием, посланным людям за то, что они много нагрешили и «забыли Бога». <...> Все без исключения ответственны за эту войну. Я тоже ответственен. Мне – это тоже напоминание – о несправедливой жизни»¹⁴².

Революция для Б.К. Зайцева тоже расплата за «утомление, распущенность и маловерие как на верхах, так и в средней интеллигенции»¹⁴³. «Дорого мы заплатили, но уж, значит, достаточно набрались грехов. <...> Прежнюю Россию

¹³⁹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев // Философский портал. URL: <http://philosophy.ru/library/berd/comm.html> (дата обращения: 02.02.2014).

¹⁴⁰ Манн Т. Тонио Крёгер / Т. Манн // Новеллы. – М.: Московский рабочий, 1989. – С. 347.

¹⁴¹ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся / Ф. Степун. – М.; СПб., 2000. – С. 17.

¹⁴² Зайцев Б.К. Собрание сочинений / Б.К. Зайцев // В 11 т. – М.: Русская книга, 2001. – Т. 10: Письма, 1901-1922 г. – С. 130.

¹⁴³ Зайцев Б.К. Молодость – Россия / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 9: Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. – 324 с.

упрекать нечего: лучше на себя оборотиться. Какие мы были граждане, какие сыны России, Родины?»¹⁴⁴

Позднее В.Е. Максимов в беседе с В.И. Амурским признается: «Я сам себя обокрал фактом своего отъезда. Но я чисто по-человечески спасал себя. Физически спасал. Я не считаю свой отъезд актом героизма. Это был акт страха. Акт слабости, если хотите. Я боялся, что не выдержу. Я спас себя социально, физически, но как писатель я потерял практически всё»¹⁴⁵.

В том, что произошло с Россией, эмигранты видят собственную вину, признают свои «грехи». «Всему виной попустительство Керенского... А кто же Керенскому-то попустительствовал, кто Керенского поднял на щиты? Разве не мы? Разве он не наше кровное порождение? <...> «подготовляли» революцию мы все, а не одни Керенские и Ленины», – утверждает И.А. Бунин¹⁴⁶.

Судя по дневниковой записи, витавшим в эмигрантском воздухе настроениям самообличения поддаётся и Е.Н. Сайн-Витгенштейн: «Мы выросли, любя Россию, мы с детства привыкли почитать этот высокий идеал – патриотизм, любовь к Родине. Теперь всё рухнуло. <...> Но можем ли мы сказать, что виноваты все, кроме нас, что мы страдаем безвинно? Конечно, нет. <...> Виноваты все, и все должны это признать. Если нужна примирительная и искупительная жертва, я бы хотела быть ею»¹⁴⁷.

Воспоминания русских эмигрантов – это осмысление личного опыта («разумение жизни»). И одновременно исследование и объяснение причин происходящего и причин воспоминания. «Почему я вспоминаю именно это?» – вопрос, лежащий в основе практически всех мемуаров.

Субъективизм снижает общий уровень достоверности мемуаристики Русского зарубежья, но не отменяет той роли, которую она играет для понимания

¹⁴⁴ Зайцев Б.К. Молодость – Россия / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 9: Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. – 324 с.

¹⁴⁵ Амурский В.И. «Живу русскими проблемами, русским языком...» Беседа с Владимиром Максимовым / В.И. Амурский // Запечатлённые голоса. – М.: Издательство «МИК», 1998. – С. 83.

¹⁴⁶ Бунин И.А. Страна неограниченных возможностей / И.А. Бунин // Ночь отречения. – М., 2001. – С. 135-136.

¹⁴⁷ Сайн-Витгенштейн Е. «Мы выросли, любя Россию». Страницы дневника княгини Екатерина Сайн-Витгенштейн / Е. Сайн-Витгенштейн // Юность. – 1991. – № 12. – С. 87.

исторических, социальных, политических, культурных процессов, происходивших в среде русских эмигрантов.

Ведь читателя мемуаров интересует скорее не то, что автор увидел, а то, каким он это увидел. Острота нравственного чувства – уровень модальности в воспоминаниях.

Эмоциональный интерес в них довлеет над рациональным. Степень достоверности мемуаров определяется двумя сходящимися в одной точке хронотопами – хронотопом автора воспоминаний и хронотопом аудитории, читающей эти воспоминания.

Мемуаристы Русского зарубежья пишут свои воспоминания, как правило, о своих и для своих. Свои – очевидцы событий или их участники. Поэтому «своё» часто в мемуарах подаётся и как «чужое», а «чужое» воспринимается как «своё».

Мемуары становятся своего рода резонансным текстом, события и люди, попавшие в поле зрения автора, – предмет всеобщего обсуждения. Ориентация (целенаправленная или интуитивная) на социальный резонанс доказывает и ещё раз подчёркивает публицистический характер мемуаров.

Проверка аудиторией точки зрения автора в таком случае очевидна и неизбежна. Масштаб сопереживания определяется не столько масштабом личности автора или масштабом воспоминаемых событий, а тем, насколько достоверно они изложены.

Интереснее всего то, что происходило с самим мемуаристом или вокруг него. Чем дальше событие отстоит от автора, тем более смутны сведения, тем грубее ошибки. В мемуарах Р.Б. Гуля «Я унёс Россию. Апология эмиграции» больше всего неточностей встречается при изложении автором событий, происходящих в Советской России. Так, по его воспоминаниям, сын М.И. Цветаевой Мур «во время войны расстрелян в СССР за какой-то воинский проступок»¹⁴⁸, хотя на самом деле – погиб на фронте. Арестованный в 1937 году и затем расстрелянный в 1940 году Н.В. Устрялов, «задушен чекистами под видом

¹⁴⁸ Гуль Р. Я унёс Россию. Апология эмиграции / Р. Гуль // Соч.: В 3 т. – М., 2001. – Т. 1: Россия в Германии. – С. 88.

грабителей в сибирском экспрессе. Вероятно, по личному указанию Кобы»¹⁴⁹. А М. Горький широко «разрекламирован лишь только post mortem [после смерти. – Ю.М.]»¹⁵⁰.

Конечно, эти и ряд других ошибок непреднамеренны. Не имея достоверных источников информации на момент написания мемуаров, Р.Б. Гуль вынужден пересказывать слухи, доходившие из советской России. А, уж, прижизненное признание заслуг М. Горького он себе, видимо, и вовсе просто не мог представить.

Достоверность мемуаров может быть проверена воспоминаниями других участников или очевидцев событий. Хотя лишь отчасти. Другие авторы тоже могут невольно заблуждаться или заведомо умалчивать некоторые факты, события, явления прошлого.

Воспоминания – история саморазвития личности автора.

Фраза «Я так вижу!» – вот основа воспоминаний. Вспоминая об одних и тех же событиях, разные авторы не уточняют подробности и детали предшественников, а передают их по-своему. Процесс создания мемуаров – это процесс создания своего собственного отношения к миру: к прошлому, настоящему и будущему.

Своеобразной проверкой на дорогах для мемуаристов Русского зарубежья становятся письма тех, о ком идёт речь в воспоминаниях.

Сборник З.А. Шаховской «Отражения», состоящий из портретных очерков эмигрантов, воспоминаний о встречах и общении с ними, завершается подборкой писем. В них герои воспоминаний предстают во всей своей подлинности и жизненности. Считая письма «чудными островками для причала памяти»¹⁵¹, З.А. Шаховская, по сути, выстраивает свои воспоминания вокруг писем Г.В. Адамовича, И.А. Бунина, Б.К. Зайцева, А.М. Ремизова, Н.А. Тэффи. Эти

¹⁴⁹ Гуль Р. Я унёс Россию. Апология эмиграции / Р. Гуль // Соч.: В 3 т. – М., 2001. – Т. 1: Россия в Германии. – С. 226.

¹⁵⁰ Там же. – С. 159.

¹⁵¹ Шаховская З.А. В поисках Набокова. Отражения / З.А. Шаховская. – М.: Книга, 1991. – С. 12.

«звучащие голоса» делают мемуары более интимными, личностными, в тоже время, подтверждая их правдивость и документальность.

Порой, дабы подчеркнуть достоверность собственных воспоминаний, мемуаристы подкрепляют их официальными документами, размещая те в виде приложений.

Так, П.Н. Врангель в приложении к своим воспоминаниям воспроизводит приказ «О земле» и весь комплекс документов в развитие этого приказа, изданный им в звании Главнокомандующего Вооружённых сил Юга России 25 мая 1920 года¹⁵². Приказ важен для понимания аграрной политики П.Н. Врангеля, а воспоминания, пожалуй, единственный из сохранившихся источников, в которых он опубликован в столь полной форме.

В воспоминаниях всех четырёх типов можно выделить три среза: автобиографический (характерологический) – роман собственной жизни, социокультурный – анализ эпохи, публицистический – авторские оценки, его угол зрения на происходящее.

Несмотря на широкий спектр разнообразных убеждений, в мемуарах практически всех русских изгнанников доминируют две идеи: неприятие новой России и убеждение, что только Русское зарубежье есть истинное Отечество, а культура Русского зарубежья – подлинная русская культура. «...Я унёс Россию. Так же, как и многие мои соотечественники, у кого Россия жила в *памяти* души и сердца», – читаем в «предсмертных» воспоминаниях Р.Б. Гуля¹⁵³.

Мемуары – пласт законсервированной культуры. Авторы реконструируют то, что было и в прежнем качестве никогда не повторится.

В тоже время мемуары – назидание той части аудитории, которая не знает прошлого. Для потомков они должны стать некими историческими документами, естественно, с поправкой на субъективность. Однако здесь возникает проблема соответствия концепции памяти её новому эмигрантскому адресату.

¹⁵² Врангель П.Н. Воспоминания / П.Н. Врангель // Соч.: В 2 т. – М., 1992. – Т. 2. – С. 435-460.

¹⁵³ Гуль Р. Я унёс Россию. Апология эмиграции / Р. Гуль // Соч.: В 3 т. – М., 2001. – Т. 1: Россия в Германии. – С. 27.

Ф.А. Степун формулирует эту проблему следующим образом: «Новая эмиграция нашими недугами не страдает. Её опасность скорее в обратном, в полном отсутствии пленительных воспоминаний. Соблазнять людей, родившихся под красною звездой, образами затонувшей России – дело столь безнадежное, сколь и неправильное. <...> Общих воспоминаний у нас быть не может, но у нас может и должна быть общая память»¹⁵⁴. Словно в ответ А. Алфёров на одном из собраний молодых поэтов и писателей, представителей «незамеченного поколения», воскликнул: «Наше поколение... не может утешить себя даже прошлым: у нас нет прошлого»¹⁵⁵. На таких же позициях стоит и В.С. Варшавский: «Воспоминаний о России у них [представителей «незамеченного поколения». – Ю.М.] слишком мало <...> В этом их отличие от поколений старших. <...> есть в их судьбе сходство с судьбой всех «лишних людей» русского прошлого...»¹⁵⁶

Именно поэтому многие молодые писатели не стремились найти точки опоры ни в прошлом, ни в окружающей иностранной действительности. Г.И. Газданову, В.В. Набокову, Б.Ю. Поплавскому, Б. Сосинскому, Ю. Фельзену, С.И. Шаршуну, А.В. Эйснеру присуще тяготение к абстрактному психологизму, фантастике быта и повседневности. Что естественно. Оторванное революцией от родной почвы, молодое поколение эмигрантов не успело обзавестись российским прошлым и с трудом находило место в инонациональном настоящем.

Обладая высокой степенью толерантности, воспоминания эмигрантов выступают формой примирения с оппонентами прошлых лет. Былые распри и ссоры, подчас, намеренно «забываются».

Так, М.И. Цветаева, будучи не слишком любезна в отношении М.Л. Слонима в своих письмах к А.А. Тесковой (поэтесса жалуется, что является для М.Л. Слонима не более чем «сотрудником» (25 февраля 1931), обвиняет его в эстетстве, а книги называет легкомысленными (16 октября 1932))¹⁵⁷, в одном из

¹⁵⁴ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся / Ф. Степун. – СПб, 2000. – С. 8.

¹⁵⁵ Цит. по: Варшавский В.С. Незамеченное поколение / В.С. Варшавский. – Нью-Йорк, 1956. – С. 25.

¹⁵⁶ Там же. – С. 17.

¹⁵⁷ Цветаева М.И. «Спасибо за долгую память любви...»: Письма Марины Цветаевой к Анне Тесковой. 192-1939 / М.И. Цветаева. – М.: Русский путь, 2009. – 399 с.

последних писем к В.Н. Буниной от 5 января 1937 года пишет: «Он [М.Л. Слоним. – Ю.М.] мой – друг, он больше кого-либо для молодых (и немолодых) писателей сделал. Годы подряд»¹⁵⁸.

Измученная жизнью в том обществе, которое казалось ей враждебным и в котором она чувствовала себя чужой, М.И. Цветаева всё-таки высказывает слова признательности поддерживавшему её материально до самого её отъезда в СССР в 1939 году М.Л. Слониму в письме к В.Н. Буниной, которую поэтесса, по её собственным словам, очень любила¹⁵⁹.

Для многих эмигрантских авторов мемуары – форма побега от чуждой действительности в привычный и знакомый мир, в Россию, которой уже нет. «В противоположность туманно-трепетным воспоминаниям, светлая память чтит и любит в прошлом не то, что в нём было и умерло, а лишь то бессмертное вечное, что не сбылось, не ожило: его завещание грядущим дням и поколениям. В противоположность воспоминаниям, память со временем не спорит; она не тоскует о его безвозвратно-ушедшем счастье, так как она несёт его непреходящую правду о себе. Воспоминания – это романтика, лирика. Память же, анамнезис Платона и вечная память панихиды, это, говоря философским языком, онтология, а религиозно-церковным – литургия»¹⁶⁰.

Эмиграция жила воспоминаниями. В своей совокупности они позволяют с достаточной достоверностью воспроизвести картину российской действительности рубежа XIX-XX веков, составить характерологическую портретную галерею лиц той эпохи, за частными переживаниями увидеть коллективную судьбу общества, пережившего на рубеже двух столетий реальную катастрофу. В соединении с официальными документами той поры, с выдержками из периодических изданий и художественных произведений, созданных русскими авторами за рубежом, мемуары дают возможность почувствовать настроение времени в поступках, противоречиях, надеждах.

¹⁵⁸ Цветаева М. Письмо от 5 января 1937 года / М. Цветаева // Слово. – 1994. – № 15. – С. 97.

¹⁵⁹ Герра Р. Неизданное письмо Марины Цветаевой / Р. Герра // Они унесли с собой Россию... – СПб., 2004. – С. 163.

¹⁶⁰ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся / Ф. Степун. – М.; СПб., 2000. – С. 5-6.

ГЛАВА II. СПЕЦИФИКА ПОРТРЕТНЫХ ОЧЕРКОВ В МЕМУАРИСТИКЕ Б.К. ЗАЙЦЕВА

2.1. Место публицистики и мемуаристики в творческой биографии Б.К. Зайцева

Личный секретарь Б.К. Зайцева Р. Герра выделяет три ключевых периода в жизни и творчестве публициста. Первый этап продлился с 1901 по 1917 год, второй – с 1917 до 1922 года и третий период – 1922-1972 год¹⁶¹.

В самом начале XX века, 28 июня 1901 года, в московской газете «Курьер» при поддержке ведущего литературной страницы Л.Н. Андреева публикуется первый небольшой рассказ Б.К. Зайцева «В дороге». Затем появляются короткие тексты в импрессионистическом стиле «Земля», «На вокзале», «Север», «Волки», «Мгла», «Чёрные ветры», «Тихие зори».

Б.К. Зайцев так определял свои начальные литературные искания: «Я начал именно тогда, когда впервые ощутил новый для себя тип писания: «бессюжетный рассказ-поэму», с тех пор, считаю, и стал писателем. Мне было около двадцати лет. Писать хотелось, внутреннее давление росло. Но я знал, что не могу писать так, как тогда писали в толстых журналах «повести и рассказы». Долго довольно ходил вокруг да около, и наконец «это» пришло. Разумеется, новое уже носилось в воздухе. И собственная душа уже была душой XX-го, а не XIX-го века. Надо было только нечто в ней оформить»¹⁶².

Зайцев публикует свои прозаические произведения в газетах «Утро России», «Речь», журналах «Новый путь», «Вопросы жизни», альманахах «Золотое руно», «Шиповник».

¹⁶¹ Герра Ренэ. Они унесли с собой Россию... Русские эмигранты – писатели и художники во Франции (1920-1970) / Ренэ Герра. – СПб.: Издательство Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 2004. – С. 15.

¹⁶² Зайцев Б.К. Собрание сочинений / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М., 1999. – Т. 4: О себе. Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. – С. 587.

Его первая книга «Рассказы», вышедшая в свет в 1906 году и включавшая девять коротких произведений, вызвала живой интерес у публики и получила высокую оценку критики, которая особо отметила новый стиль и своеобразную манеру письма автора. И.А. Бунин писал: «Я ценю в Зайцеве то, что он выбрал свой путь и идёт по нему... Идёт по своему пути, который поднимается выше повседневности»¹⁶³. В 1909 и 1911 годах Б.К. Зайцев издаёт ещё два сборника «Рассказы. Книга 2-я» и «Рассказы. Книга 3-я». Через два года, в 1913, появляется роман «Дальний край».

События двух революций, Первой мировой, а затем и гражданской войны открывают второй период в жизни и творчестве Б.К. Зайцева. Зайцевские произведения эмигрантской поры можно разделить на пять тематических блоков.

Первый – ностальгия по утраченной России.

На страницах многих своих произведений Б.К. Зайцев пытается вновь обрести в одночасье потерянную Родину, вернуться к себе прежнему и к России прежней. Такую родную и знакомую «страну изб и усадеб» он описывает в тетралогии «Путешествие Глеба». Двадцать лет, с 1934 по 1954 год, работает Б.К. Зайцев над этим автобиографическим романом, куда вошли «Заря» (1937), «Тишина» (1948), «Юность» (1950), «Древо жизни» (1954).

Трагический, образ революционной России создаёт Б.К. Зайцев в новеллах «Странное путешествие» (1927), «Авдотья-смерть» (1927) и «Анна» (1929). Стиль этих «повестей смертей» (в них погибают все заглавные лица) во многом отличен от привычного для Б.К. Зайцева: вместо лирических напевов – густое письмо, вместо мягких, светлых обликов героев – жестко выписанные характеры.

Революцию, падение Российской империи, гибель прежнего общества и интеллигенции Б.К. Зайцев воспринимает как закономерное наказание за грехи: «Страдание открывает перед нами двери мира, к которому мы тянулись уже давно»¹⁶⁴.

¹⁶³ Цит. по: Зайцев Б.К. Далёкое / Б.К. Зайцев. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 7.

¹⁶⁴ Зайцев Б.К. Автобиографический очерк / Б.К. Зайцев // Русские мэтры. IV. – Барселона, 1962. – С. ХСIII.

Примечательно, что мотив возмездия звучит и по ту сторону границы. Предчувствуя «неминучий сумрак», А.А. Блок вновь обращается к своей поэме, которая так и называется «Возмездие», чтобы привести её в порядок.

Второй тематический блок – вера как основа жизни.

Нарастание в произведениях религиозного начала характерно не только для Б.К. Зайцева, но и для других писателей Русского зарубежья. Религиозные мотивы звучат в стихах Ю.П. Иваска, Б.Н. Ширяева, в повести «Богомолье» (1931) и романе «Лето Господне» (1933-1948) И.С. Шмелёва.

По мнению Зайцева, слияние религии и культуры произошло много веков назад, а писатели-эмигранты лишь продолжают поддерживать традиции «великой, христианнейшей литературы»: «Ею завещано нам то же, что уже две тысячи лет назад сказано на берегах Тивериадского озера. Любовь, человечность и сострадательность, тишина и незлобие, отдаление от мамоны, рука милостивого Самарянина... – что же сказать: просто Евангелие»¹⁶⁵. Ему вторит И.С. Шмелёв: «... В литературе нашей всё – сильное и глубокое – пронизано лаской, светом, стоит на Христе, – на Боге и от Бога»¹⁶⁶.

Ведомый этими чувствами Б.К. Зайцев создаёт «житийные портреты» «Сердце Авраамия» (1925), «Алексей Божий человек» (1925), «Преподобный Сергей Радонежский» (1925).

Третий блок – повседневная жизнь эмиграции.

Так и не ставшие главной темой творчества Б.К. Зайцева эмигрантские переживания всё-таки находят выход в его произведениях. Зная хорошо мир парижской эмиграции, прототипами героев романа «Дом в Пасси» (1931-1933) писатель делает русских изгнанников, живущих надеждой на возвращение, верящих, что нынешнее положение временно и преходяще.

Четвёртый тематический блок – Италия.

¹⁶⁵ Зайцев Б.К. Собрание сочинений / Б.К. Зайцев // В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 9: Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. – С. 382.

¹⁶⁶ Шмелёв И.С. Как я стал писателем / И.С. Шмелёв // Соч.: В 5 т. – М.: Русская книга, 2001. – Т. 2: Въезд в Париж. Рассказы. Воспоминания. Публицистика. – С. 435.

С историей, культурой, бытом этой страны Б.К. Зайцев впервые познакомился в 1904 году. С тех пор став изысканным любителем всего итальянского, писатель до конца своей жизни боготворил Италию. «Замечательным вдохновителем оказалась Италия... на всю жизнь вошла она в меня: природой, искусством, обликом народа, голубым своим ликом. Я её принял как чистое откровение красоты»¹⁶⁷. Так эту страну, пожалуй, не знал и не любил никто из русских, после Н.В. Гоголя. Можно говорить, что Италия стала для Б.К. Зайцева второй духовной родиной, такой же дорогой как и Россия.

Пятая творческая линия – рассказы о великих русских писателях прошлого.

Это не мемуары в их чистом виде – это литературные портреты, в которых очень сильно ощущается личностное начало.

Безоговорочная ориентация на классику характерна для многих эмигрантов, чей творческий метод сформировался ещё в дореволюционной России. Зайцев здесь не исключение. Книгами «Жизнь Тургенева» (1932), «Жуковский» (1951), «Чехов» (1954) писатель вступил в жанр художественной биографии, который тогда только зарождался в Англии Дж.Л. Стрейчи, во Франции А. Моруа, в Советской России Ю.Н. Тыняновым.

Выбор Зайцевым имён В.А. Жуковского, И.С. Тургенева и А.П. Чехова объясняется несколькими причинами. Во-первых, Б.К. Зайцев считал, что сохранить истинную Россию можно только сохранив её подлинный русский язык, в этом он видел свою первоочередную задачу в эмиграции. К сохранению невредимым и прекрасным русского языка призывал и И.С. Тургенев: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о, великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома?»¹⁶⁸ Во-вторых, и И.С. Тургенева, и В.А. Жуковского, и А.П. Чехова Б.К. Зайцев считает заступниками и борцами за вечную Россию, которые, как и многие

¹⁶⁷ Зайцев Б.К. Собрание сочинений / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М., 1999. – Т. 4: О себе. Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. – С. 588.

¹⁶⁸ Тургенев И.С. Стихотворения в прозе / И.С. Тургенев. – Томск, 2000. – С. 75.

эмигранты, прошли путь искания истины, воплотив в своих жизнях и творчестве частицу русской души.

Появление книг Зайцева было встречено хором единодушных похвал самых взыскательных литературных критиков Русского зарубежья. По мнению Г.П. Струве, «зайцевские беллетризованные жизнеописания не имеют себе точных параллелей в русской литературе. Их своеобразие, прежде всего в том, что в них начисто отсутствует творческий домysel и вымысел, они литературоведчески достоверны благодаря глубинному проникновению в реальные жизненные ситуации, раскрытию духовного мира героев методом вчувствования»¹⁶⁹.

Оказавшись за границей в 1922 году, Зайцев начинает с публикации произведений, созданных ещё в России. Затем появляются и новые тексты. В автобиографии писатель отмечает: «За ничтожными исключениями все написанное здесь мною выросло из России, лишь Россией и дышит. – И добавляет. – И ни одному слову моему отсюда не дано было дойти до Родины. В этом вижу суровый жребий, Промыслом мне назначенный. Но приемлю его начисто, ибо верю, что всё происходит не напрасно...»¹⁷⁰

Мотив России, родной земли, почвы, как основы становится одним из главных в период эмиграции. Прозаические и публицистические тексты Зайцева этой поры вполне конкретны, связаны с бытом, пропитаны запахами русской земли. Писатель погружается в родную русскую стихию – русский пейзаж и русские характеры. «Да, тут я понял, что очень мы отвыкли от русской природы, а она удивительна, и сидит в нашей крови, никакими латинскими странами её не вытравить», – замечает Б.К. Зайцев в одном из писем¹⁷¹.

Обращение к автобиографической прозе и мемуаристике позволяет Б.К. Зайцеву обрести в одночасье потерянную Родину, вернуться к себе прежнему и к России прежней.

Автобиографизм – принципиальная установка творчества писателя.

¹⁶⁹ Струве Г. Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы / Г. Струве. – Париж-Москва, 1996. – С. 180.

¹⁷⁰ Зайцев Б.К. Дальний край. Повести. Рассказы / Б.К. Зайцев. – М.: Дрофа: Вече, 2002. – С. 380-382.

¹⁷¹ Зайцев Б.К. Собрание сочинений / Б.К. Зайцев // В 11 т. – М.: Русская книга, 2001. – Т. 11: Письма, 1923-1971 гг.: Письма. Статьи. Воспоминания современников. – С. 245.

Воспоминания о России – зеркало, вглядываясь в которое, эмигрантский читатель может вспомнить давно забытое, то, каким надо быть или каким можно стать. В «Слове о Родине» (1938) Б.К. Зайцев пишет: «Многое видишь о Родине теперь по-иному, иначе оцениваешь. Находясь в стране старой и прочной культуры, ясней чувствуешь, например, что не так молода, многозначительно не молода и не безродна Россия. Когда в самой России жили среди повседневности, деревянных изб, проселочных дорог, неисторического пейзажа, менее это замечали. Издали избы, бани, заборы не так существенны – хотя, конечно, черты природы, запахи, птицы, реки России в спиритуальный пейзаж ее вошли. Все это помним мы и любим... – порою даже мучительно. Но кроме этого яснее, чище видим общий, тысячелетний и духовный облик Родины»¹⁷².

Этот пассаж чрезвычайно важен для понимания природы воспоминаний: в них помимо внешнего – ритуального слоя памяти, всегда есть слой внутренний – слой философский: помнится не только быт, но и бытие. Мемуары всегда – это обращение к пониманию сущности себя самого.

В произведениях Зайцева одна из главных тем – человек и Родина. Эмиграция актуализирует эту связь. В «Письме на родину» (1953) автор так разъясняет свою позицию: «Эмиграция, разумеется, драма: отрыв. Но убиение живой души, насилие над ней есть ещё нечто бесконечно худшее. Так что не только я не завидую тем из братьев моих в России, кто, живя много шире, богаче меня, вынужден приспособляться, писать по заказу и гнуть спину перед ничтожествами, но искренне сожалею о судьбе их»¹⁷³.

Для Зайцева «эмигрантство было не только драмой, но и школой смирения, не только крестом, но и спасением»¹⁷⁴. С одной стороны, он был отрезан от Родины, стал изгнанником, с другой – это дало независимость от цензуры, возможность свободно писать. «Станным образом революция, которую я всегда остро ненавидел, на писании моем отозвалась неплохо. Если бы сквозь

¹⁷² Михайлов О.Н. Литература русского Зарубежья / О.Н. Михайлов. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – С. 259-260.

¹⁷³ Зайцев Б.К. Знак Креста / Б.К. Зайцев. – М.: ПаломникЪ, 1999. – С. 507.

¹⁷⁴ Зайцев Б.К. Собрание сочинений / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 349.

революцию я не прошел, то, изжив раннюю свою манеру, возможно, погрузился бы еще сильнее в тургеневско-чеховскую стихию. Тут угрожало бы «повторение пройденного»¹⁷⁵.

Похожая мысль возникает и у героя раннего зайцевского рассказа «Изгнание», вынужденного после революции 1905 года эмигрировать в Париж.

В эмиграции Зайцев обращается к публицистике. Стремление взойти на публицистическую трибуну объясняется социально-политическими процессами, участниками и свидетелями которых были эмигранты. Революцию и последовавший за ней отъезд за рубеж писатель воспринимал как требующее осмысления наказание за грехи прошлого. В условиях, когда рушились привычные нормы и ценности, когда устоявшийся мир распадался на глазах, Зайцеву было важно выйти на прямой диалог с читателем. Публицистика помогает ему, как и многим другим эмигрантам, после братоубийственной войны, разрушений, расколов, ненависти, утрат, беспамятства соединить прерванную связь времен, связь поколений, а самое главное – связь культур.

В очерке «Крест» (отклик на похищение в Париже агентами советской разведки генерала А.П. Кутепова) Б.К. Зайцев открыто обличает тех, кто распинает Россию на кресте: «На Кресте наша Родина, что говорить: распинают её, на наших глазах распинают, что ни день, глубже вбивают гвозди. Не снегом занесло, страшная, клубящаяся туча, с дьявольским заданием: в пять лет всё «дезинфицировать», всё уничтожить, выморить более крепкое крестьянство, извести интеллигенцию, мораль, религию – голого дикаря посадить на престол славы»¹⁷⁶.

Первые годы XX века придали необычайное ускорение развитию публицистического слова в России. Открытая политическая борьба начала века привила эмигрантам ещё на Родине вкус к политической речи, газетной публицистике. Условия зарубежья усилили значимость печатного слова: язык был едва ли не единственным объединяющим началом для русского рассеяния.

¹⁷⁵ Зайцев Б.К. Собрание сочинений / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М., 1999. – Т. 4: О себе. Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. – С. 589.

¹⁷⁶ Зайцев Б.К. Знак Креста / Б.К. Зайцев. – М.: ПаломникЪ, 1999. – С.431.

Громадная потребность понять, что же произошло с Россией, определила содержание и потенциал развития издательского дела в эмиграции. Значимость печатного слова быстро обозначила и приоритетные сферы интеллектуальной деятельности. На первый план выступает культура слова.

Что – объяснимо.

В ситуации национального «рассеяния» русский язык оказался главным признаком принадлежности к России. Печатное слово: газеты, книги, журналы были не только самым эффективным, но и практически единственным действенным способом сохранения и передачи культурных традиций. Ни личные контакты, ни другие средства коммуникации не могли соперничать с печатным словом в возможности преодоления границ и расстояний. Газеты, журналы, книги – стали самым действенным средством объединения эмиграции.

Зайцев принимает активное участие в формировании и становлении журналистики Русского зарубежья, развивающейся в специфических, неблагоприятных для нее условиях – в отрыве от России и родного языка. Авторитет писателя в публицистических и литературных кругах эмиграции высок. Его приглашают сотрудничать практически во все издания Русского зарубежья. Он дружит с писателями и деятелями культуры самых разных направлений, часто выступая арбитром в спорах и конфликтах, на которые творческая среда всегда богата.

В марте 1923 года Б.К. Зайцева избирают вице-председателем берлинского Союза русских писателей и журналистов. Помимо организационной работы, Б.К. Зайцев занимается и практической журналистикой. Около пятидесяти лет он был штатным сотрудником ведущих газет и журналов Русского зарубежья. Его карьера как публициста началась 29 октября 1922 года. Тогда имя Б.К. Зайцева, только что оказавшегося в добровольно-принудительном изгнании, появилось на страницах первого номера газеты «Дни» (Берлин, Париж, 1922-1928). В одноименном журнале, выходившем в Париже в 1928-1933 годах, впоследствии увидели свет его мемуарные портреты «Пушкин в нашей душе», «Бальмонт», дневниковые записи «Странник», «Константин Леонтьев»,

автобиографическая заметка «Прыжок».

Популярность в изгнании как публицист и как писатель Зайцев приобрел во многом благодаря «Современным запискам» (Париж, 1920-1940), продолжающим в изгнании традиции русской дореволюционной периодики. Преемственность проявлялась в формате издания - это был толстый общественно-политический и литературный журнал, включавший три отдела: художественный, публицистический и библиографический, и в символике названия: отечественные толстые журналы, как правило, имели метафорически звучащие титулы – «Современник», «Мир божий», «Северный вестник» и т.п.

Зайцев регулярно печатается и в стоявшей на консервативных позициях газете «Возрождение» (Париж, 1925-1940). Редколлегия «Возрождения» отвергала любую возможность компромисса с большевиками, выступала за скорейшее объединение сил эмиграции для борьбы с последними с целью возрождения прежней России.

В первом полугодии 1928 года на страницах этой газеты появились очерки Зайцева «Москва», осенние номера поместили «Югославские записки». Именно в «Возрождении» впервые были опубликованы мемуарные портретные очерки «Юлий Бунин» (1928. 11 марта), «Чехов» (1928. 13 мая), «Ю.И. Айхенвальд» (1928. 22 декабря), «Леонид Андреев в зрелые годы» (1929. 13 марта), «Максим Горький» (1932. 15, 30 октября).

В «Возрождении» появился и основной массив работ об И.С. Тургеневе: отрывки из книги «Жизнь Тургенева» (1931. январь-июль), «Тургенев после смерти» (1932. 18 марта), «Тургенев» (1933. 1 сентября). Привычными для читателей стали зайцевские историко-литературные зарисовки о Франции, материалы на религиозные и литературные темы.

Газета поместила подборку глав из книги путевых очерков Б.К. Зайцева «Афон», автобиографической тетралогии «Путешествие Глеба», прозаических переводов «Ада» Данте (1928. март-май). В 30-е годы XX века Б.К. Зайцев ведёт в

газете «Дневник писателя»¹⁷⁷.

Мемуарные портретные очерки, рассказы и воспоминания Б.К. Зайцева почти еженедельно появляются в журнале «Иллюстрированная Россия» (Париж, 1924-1939). Издание, создававшееся по типу выходящего на родине «Огонька», первостепенное внимание уделяло иллюстративному материалу, прежде всего фотографиям, которые постепенно из приложения к заметке или очерку превратились в самостоятельные произведения. Таким образом, «Иллюстрированная Россия» в отличие от другой периодики Русского зарубежья создала фотографическую летопись ее жизни.

От публикации каких бы то ни было текстов Зайцев как и многие другие эмигранты воздерживается в годы Второй мировой войны. Причина молчания проста – нежелание сотрудничать с оккупантскими изданиями. А другие газеты и журналы в русскоговорящем Париже в то время просто не выходили.

Вспоминая о временах оккупации Франции немцами в 1940 году и об условиях, в которых они оказались с И.А. Буниным, Зайцев пишет 18 июня 1967 года: «Все мы жили тогда несладко, и меня звали немцы печататься, и отказался, и никакого «героизма» здесь не было, но оба мы выросли в воздухе свободы, и никто нам не посмел диктовать что-то»¹⁷⁸.

После окончания войны имя Зайцева вновь появляется на страницах многих крупных эмигрантских изданий. С первого номера и до конца своей жизни Б.К. Зайцев состоит в штате «Русской мысли» (Париж, с 1947).

В 1945 году писатель начинает сотрудничество с «Новым журналом» (Нью-Йорк, с 1942). Основанный М.А. Алдановым и М.О. Цетлиным, бывшими сотрудниками парижских «Современных записок», журнал стал их правопреемником и в кругах послевоенной эмиграции приобрёл репутацию одного из наиболее популярных и влиятельных печатных органов.

¹⁷⁷ Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918-1940 / Т. 2. Периодика и литературные центры. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2000. – С. 69.

¹⁷⁸ Михайлов О.Н. Литература русского Зарубежья / О.Н. Михайлов. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – С. 98-100.

С 1953 года Б.К. Зайцев сотрудничает с литературным журналом «Опыты» (Нью-Йорк, 1953-1958). Спустя еще шесть лет имя публициста появляется на страницах литературного альманаха «Мосты» (Мюнхен, 1958-1970).

Публицистика Зайцева носит особенный, остро драматический характер: личная судьба воспринимается как часть судьбы народной. Эту особенность газетно-журнальных текстов Зайцева подчеркивают и рубрики, в рамках которых они появляются: «Судьбы», «Странник», «Из воспоминаний», «Давнее», «Былое», «Венок», «Памяти ушедших», «Дневник писателя» и, наконец, «Дни», которую Б.К. Зайцев регулярно ведёт почти тридцать три года сначала на страницах «Возрождения», а затем «Русской мысли». Последняя публикация без названия, посвящённая творчеству Ф.М. Достоевского, появляется здесь 5 января 1972 года, за несколько дней до кончины Б.К. Зайцева¹⁷⁹. Ф.М. Достоевский – один из любимых писателей Б.К. Зайцева, тайну его творчества публицист стремился постичь всю жизнь.

Серия дневниковых записей «Дни», в которой тесно переплетаются текущие события и размышления над ними, мемуарные портретные очерки о современниках и рассуждения о классиках, настоящее и прошлое, позволяет Б.К. Зайцеву в тяжелые годы жизни вдали от Родины вернуться в прежнюю Россию, возродить ее образ не только в собственной памяти, но и в памяти всех эмигрантов. В «Днях» Зайцев публикует заметки-отклики на злобу дня, статьи, открытые письма, рецензии на книги, некрологи, мемуарные портретные и путевые очерки. Его героями становятся те люди, с кем он дружил, встречался, спорил, те места, в которых он бывал.

Находясь в постоянном поиске утраченной Родины, публицист охотно прибегает к работе в жанре путевого очерка («Афон» (Париж, 1928), «Валаам» (Таллин, 1936)). Живя в Париже, он описывает в путевых очерках родную и знакомую «страну изб и усадеб», «Россию Святой Руси». Спустя годы автор делится с читателями впечатлениями от непосредственных наблюдений, путешествуя по своей «внутренней России». Позиция путешественника позволяет

¹⁷⁹ Зайцев Б.К. Дни / Б.К. Зайцев. – Москва-Париж: УМСА-Press, Русский путь, 1995. – С.437.

Зайцеву освободиться от уз времени и пространства, проникнуть по ту сторону границы и создать образ Родины – свободной от исторических катастроф и революционных потрясений.

Очерки Зайцева только формально выглядят как путевые: по существу же – это блуждание между реальной жизнью и иллюзиями. «Богословского в моём писании нет. Я был на Афоне православным человеком и русским художником. <...> Я пытаюсь дать ощущение Афона; как я его видел, слышал, вдыхал...»¹⁸⁰

Афон для Зайцева остался тем уголком русской земли, который бережно сохранило жестокое время. А посещение монастыря Святого Пантелеймона стало, по словам публициста, «глотком свежего воздуха, дующего с родины»¹⁸¹, покинутой навсегда. «Боря вернулся с Афона обновлённый и изнутри светлый!» – отмечает в письме к В.Н. Буниной жена публициста В.А. Зайцева¹⁸².

«Поразительно русский характер»¹⁸³ всего окружающего удивляет Б.К. Зайцева и в Валаамском монастыре, основанном ещё в XIV веке на острове в Ладожском озере. Туда в поисках образа России публицист отправляется в 1935 году.

Автор показывает Россию с двух сторон, как «терзаемую и терзающую»¹⁸⁴. Жизнь афонских и валаамских монахов воссоздается публицистом не только как возвышенная и благообразная, но и как полная мучений и страданий, неизбежных на праведном пути.

Повышенное внимание Зайцева к людям, близким ему по духу, к роли личности в историческом процессе приводит к тому, что одно из основных мест в его публицистическом творчестве занимают мемуарные портретные очерки («Гумилёв», «О Буниных», «О Горьком и о былом», «Ахматова», «Наш Казанова» [А.П. Рогнедов. – Ю.М.], «О Пастернаке», «Соловьёв нашей юности», «И.И. Тхоржевский», «Паустовский», «О Леониде Андрееве», «М.О. Цетлин», «С.С.

¹⁸⁰ Зайцев Б.К. Собрание сочинений / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М., 1999. – Т. 7: Святая Русь: Избранная духовная проза. Книги странствий. Повести и рассказы. Дневник писателя. – 128 с.

¹⁸¹ Там же. – С. 105.

¹⁸² Зайцев Б.К. Другая Вера / Б.К. Зайцев. – М., 2002. – С. 367.

¹⁸³ Там же. – С. 364.

¹⁸⁴ Любомудров А.М. Монастырские паломничества Бориса Зайцева / А.М. Любомудров // Русская литература. – 1995. – № 1. – С. 152.

Юшкевич», «Константин Леонтьев», «М.О. Гершензон», «Надежда Бутова», «П.М. Ярцев», «Архимандрит Киприан», «Александр Бенуа», «П.П. Муратов», «Дух голубиный» (К.В. Мочульский)», «Побеждённый» [А.А. Блок. – Ю.М.] и другие).

2.2. Поэтика мемуарного портретного очерка

Очерк в мировой публицистике возник как естественная реакция на интерес к судьбе конкретной личности. Корни этого интереса уходят в житийную литературу, в путевые записки, описания исторических событий, в этнографические материалы.

В западной литературе очерк возник в эпоху Возрождения. В русской литературе его истоки можно обнаружить в житиях известных людей, государственных деятелей, деятелей церкви, других знаменитостях своего времени.

Первые образцы очерковых текстов в отечественной словесности появляются в конце XVIII-XIX веках. М.М. Бахтин появление очерка связывает с процессом демократизации жизни.

В конечном счете, из этих текстов формируются основные разновидности очерка: портретный, путевой, проблемный.

Б.В. Стрельцов под очерком понимает «художественно-публицистический жанр, в котором путём сочетания логико-рационального и эмоционально-образного способов отражения действительности решаются определённые аспекты концепции человека или общественной жизни»¹⁸⁵.

Из этого определения видно, что в основе очерка, по мнению исследователя, лежит диффузия двух способов познания действительности.

Несколько иную точку зрения на сущность очеркового жанра предлагает Л.Е. Кройчик. «Жанровую природу очерка определяет синкретическое

¹⁸⁵ Стрельцов Б.В. Основы публицистики. Жанры / Б.В. Стрельцов. – Минск, 1990. – С. 40.

соединение трёх начал: социологического (научного), публицистического и художественного», – пишет исследователь¹⁸⁶.

Согласно его определению, очерк – «публицистический жанр, в образной форме исследующий закономерности социально-нравственного бытия человека и развития общественных процессов, а также конкретные ситуации реальной действительности»¹⁸⁷.

Все исследователи сходятся в том, что важная характеристика очеркового жанра – документализм. Очеркист стремится детально, не упустив ни одной значимой подробности, показать человека или ситуацию. Хотя очерку присуще доразвивание (этюдность) характера – апелляция к аудитории. Ведь придумать всегда легче, чем узнать сущность человека или явления, отыскать факты, собрать их.

Огромное значение в очерке играет публицистический образ – система логически связанных между собой элементов повествования, создающая представление о сущности изображаемого явления под определённым углом зрения. Эмоциональный, драматический и органически насыщенный, публицистический образ представляет собой «обобщение жизни и оценку жизненных явлений».

Сегодня теорией публицистики разработаны чёткие классификации разновидностей очеркового жанра. Так, Г.В. Колосов, положив в основу видового многообразия очерков специфику предмета отражения и задач, стоящих перед автором, выделяет публицистический, сюжетный, портретный, путевой очерки и зарисовку¹⁸⁸. Б.В. Стрельцов пишет о двух основных видах очеркового жанра: портретном и проблемном¹⁸⁹. А.А. Тертычный рассматривает портретный, проблемный и путевой очерк¹⁹⁰. Свою классификацию очерков предлагает М.Н. Ким. На основе объекта изображения и характера повествования исследователь

¹⁸⁶ Кройчик Л.Е. Система журналистских жанров / Л.Е. Кройчик // Основы творческой деятельности журналиста: Учебник для студ. вузов по спец. «Журналистика» / Ред.-сост. С.Г. Корконосенко. – СПб.: Знание, 2000. – С. 162.

¹⁸⁷ Там же. – С. 164.

¹⁸⁸ Колосов Г.В. Поэтика очерка / Г.В. Колосов. – М., 1977. – 75 с.

¹⁸⁹ Стрельцов Б.В. Основы публицистики. Жанры / Б.В. Стрельцов. – Минск, 1990. – 240 с.

¹⁹⁰ Тертычный А.А. Жанры периодической печати: Учебное пособие / А.А. Тертычный. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С. 239-258.

выделяет три группы очерковых текстов: художественно-изобразительные (путевой очерк и зарисовка), художественно-публицистические (портретный очерк), исследовательские (судебный очерк и очерк-расследование)¹⁹¹.

Практически в каждой очерковой классификации присутствует очерк портретный. В чём же его суть?

Ядро портретного очерка – воспроизведение человека в различных ситуациях, помогающих выявить его социально-нравственную суть и индивидуально-неповторимые качества.

При этом портретный очерк как и любой портрет основной своей задачей видит изображение человека не столько в его внешних проявлениях, сколько в объяснении сущности его поступка, характера. Человек в очерке не должен быть отделён от своего дела. Он всегда показан в действии, вписан в систему реальных событий. Герой очерка – действующее лицо исторического процесса.

Типологические признаки очерка – его социальная и индивидуально-неповторимая вписанность. Автор исследует личность с разных сторон (интеллектуальной, нравственной, психологической, социальной). Что позволяет составить целостный образ героя, передать взгляд автора на личность человека.

Термин «портрет», первоначально означающий «описание внешности человека», в публицистике трансформировался в более объёмное понятие и стал обозначать не только внешние, но и внутренние особенности человека. Из «портрета-характеристики» он превратился в «портрет-судьбу».

Портретный очерк складывается из таких важных составляющих, как: описания героя в его поступках и переживаниях (личностные качества), в его взаимоотношениях с другими людьми (социально-нравственные параметры личности), в его субъективно-индивидуальных психологических особенностях (характер, речевые приметы). Социальное и психологическое в портретном очерке не разведено.

¹⁹¹ Ким М.Н. Очерк: теория и методология жанра / М.Н. Ким. – СПб., 2000. – 126 с.

При этом портретный очерк опирается на документально-точные, выверенные факты и события, процессы, к которым герой очерка имеет отношение (как непосредственный участник или наблюдатель происходящего).

А с другой стороны – портретный очерк представляет нам и художника, создающего этот портрет. Интерес к типу человеческого характера – это интерес к позиции автора (движение мысли автора через постижение человеческого характера). Проблема возникает в столкновении и развитии характеров, то есть в «доращивании образов».

Важно понять замысел публициста, выбравшего для повествования именно этого человека, сосредоточившего своё внимание, прежде всего, на изображении конкретных качеств персонажа или явления общественной действительности.

Портретный очерк как и любое публицистическое произведение – не просто описание конкретного человека – а, прежде всего, воссоздание индивидуальных особенностей личности изображаемого субъекта в том виде, в каком эту личность представляет сам художник, публицист.

Отсюда важнейшее свойство очерка, в том числе и портретного, – создание обобщённой картинны реальности или типичного характера, действующего в определённой социальной ситуации, то есть, в конечном счёте, создание публицистического образа.

Иными словами, портретный очерк – это синкретическое единство образного и понятийного компонентов. Единство трёх повествовательных структур: хроникальной (выстроенность материала во времени и пространстве), логической (соподчинение отдельных звеньев текста согласно замыслу), ассоциативной.

В.С. Барахов в качестве разновидности портрета определяет мемуарный очерк, считая его «самостоятельным разделом в мемуаристике писателей, или своеобразным дополнением, примыкающим по своей проблематике к публицистике и литературной критике автора»¹⁹².

¹⁹² Барахов В.С. Литературный портрет (истоки, поэтика, жанр) / В.С. Барахов. – Л.: Наука, 1985. – 312 с.

Мемуарный портретный очерк – публицистический жанр, исследующий закономерности социально-нравственного бытия человека на основе мемориального воспроизведения судьбы конкретной личности глазами очевидца описываемых событий. Задача автора – вывести героя из небытия. Судьба каждого человека уникальна, неповторима. Каждое очерковое свидетельство – индивидуальная оценка, позволяющая через прошлое понять настоящее. Герои подаются, как правило, в нетривиальных ситуациях. Помнится лишь то, что выбивается из общей жизненной канвы, в чём прослеживается драматизм ситуации.

Отсюда свободная композиция мемуарных портретных очерков, их эпизодичность, интимизация повествования, переход от повествования к описанию, опора на эпизод. Вспоминается то, что вспоминается. Эпизоды, описания, комментарии, поступки, речевые характеристики, оценки, размышления позволяют автору создать виртуальный мир. При всей документальности мемуарный портретный очерк субъективен и демонстративен.

В мемуарных портретных очерках сильно социологическое начало – вписанность героев в определённое время и пространство, в определённый социальный контекст.

Мемуарные портретные очерки Зайцева – богатый художественно-познавательный материал. В неповторимости лиц и судеб они отражают многие важные моменты развития Русского зарубежья на протяжении нескольких десятилетий, дают ключ к пониманию важных черт эпохи.

Многие из публицистических текстов, созданных писателем в эмиграции, далеко неслучайно написаны в жанре мемуарного портретного очерка. Этому есть как субъективные, так и объективные причины.

Во-первых, вынужденный отрыв от Родины способствовал усилению у публициста трепетного отношения и к своему собственному прошлому, и к культурному прошлому России.

Во-вторых, на творчество Зайцева наложила отпечаток общая тенденция развития журналистики и литературы Русского зарубежья. Писатель, как и многие

эмигранты, воспринял изгнание как требующее осмысления завершения определенного этапа и в истории страны, и в собственной жизни. Он отмечал, что в творчестве публицистов и писателей Русского зарубежья «очень сильна оказалась – особенно у старших – струя воспоминательная, основным являлась плоть прежней жизни, овеянная ли лиризмом – даже у авторов не сентиментальных, или с оттенком автобиографичности»¹⁹³.

В-третьих, в целом в XX веке произошло усиление интереса к человеческой личности, психологии и духовному миру индивидуума. Термин «портрет», первоначально используемый только для описания внешности человека, со временем трансформировался в публицистическом творчестве в более объемное понятие – воспроизведение процесса становления личности и изображение её характерных особенностей.

Зайцева, как автора мемуарных портретных очерков, привлекают личности, с которыми он был знаком ещё в дореволюционной России, большая часть которых, как и сам публицист, не понаслышке знала тяготы изгнанничества. Хотя героями его публицистики порой становились и те, кто предпочел остаться в Советской России. От Л.Н. Андреева и А.П. Чехова, благословивших литературного новичка в конце позапрошлого века, до М.И. Цветаевой и Б.Л. Пастернака, с которыми Б.К. Зайцев встречался и переписывался, – таков временной размах созданных им мемуарных портретных очерков.

Ю.И. Айхенвальд, М.А. Алданов, Л.Н. Андреев, А.А. Ахматова, К.Д. Бальмонт, А. Белый, А.Н. Бенуа, Н.А. Бердяев, А.А. Блок, И.А. Бунин, М. Горький, В.И. Иванов, А.И. Куприн, П.П. Муратов, М.А. Осоргин, А.М. Ремизов, А.Н. Толстой, И.С. Шмелев... Все эти предшественники и современники публициста, друзья и недруги, великие и малые деятели культуры XIX-XX веков были одновременно и его коллегами в деле преданного и самозабвенного сохранения на чужбине или в Советской России русского слова.

¹⁹³ Зайцев Б.К. Собрание сочинений / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М., 1999. – Т. 9: Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. – С. 488-489.

Те или иные люди значимы для Зайцева: как личности (противоречивый М. Горький, набожный И.С. Шмелёв), как акторы ситуации, в которой существуют (А. Белый, А.А. Блок, В.Я. Брюсов, по мнению публициста, основоположники нового течения в литературе). Вписанность всех этих личностей в историческое время и объясняет детерминизм зайцевских мемуарных портретных очерков.

Показательно, что впервые к мемуаристике Б.К. Зайцев обращается вскоре после революции. Начало подобным публикациям положили автобиографические записки «Мы, военные...», напечатанные им в июне 1917 года в двух номерах еженедельного журнала Г.И. Чулкова «Народоправство». В них публицист рассказывает о своей учёбе в Александровском военном училище, где готовили пехотных офицеров. 35-летний писатель военные погоны надевает в 1916 году волею судьбы, без всякого к тому стремления, просто «не желая идти на войну солдатом»¹⁹⁴.

А потому с предельной откровенностью вспоминает о том, как нелегко ему пришлось в училище: «Первый день было чувство, что просто попал в тюрьму. <...> ... меня самого, такого, к какому привык, с книгами, рукописями, медлительными прогулками – больше не существовало. Был юнкер второй роты, пятнадцатого ускоренного выпуска...»¹⁹⁵ В училище Б.К. Зайцев встречает и новый 1917 год. Год, который «разбил жизни, залил Москву кровью»¹⁹⁶, год начала «бескровной», «великой бескровной» – суда над всеми»¹⁹⁷.

Уже в этих первых автобиографических записках писатель чётко обозначает свою позицию по отношению к революционным событиям: «В нашем училище электрически пронеслось и установилось такое душенастроение: против большевиков и за Временное Правительство. <...> Те часы в памяти остались огненными. В голове вертелась <...> предстоящая кровь, неизвестность, мучительная тоска <...> ненависть к убийцам в Петербурге, и нежелание

¹⁹⁴ Зайцев Б.К. «Мы, военные...» / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 427.

¹⁹⁵ Там же. – С. 428.

¹⁹⁶ Там же. – С. 435.

¹⁹⁷ Там же. – С. 439.

проливать кровь не-убийц (как нам тогда казалось)»¹⁹⁸. Этот антибольшевистский, антибратоубийственный настрой Б.К. Зайцев пронесёт в течение всей жизни.

Точное число мемуарных портретных очерков, созданных Зайцевым за годы жизни вдали от Родины, назвать невозможно. Некоторые из них, вероятно, были написаны, но не опубликованы, о каких-то сам автор говорит как о напечатанных, но они не найдены¹⁹⁹. Впоследствии часть мемуарных портретных очерков вошла в циклы «Москва» (1939) и «Далекое» (1965), вышедшие в Париже, Мюнхене и Вашингтоне. А в 1988 году к ним прибавилась еще одна книга – «Мои современники», подготовленная и изданная в Лондоне дочерью писателя Н.Б. Зайцевой-Сологуб.

«Москва», говоря словами Б.К. Зайцева, «повествование о людях, делах, пейзаже Москвы» от кануна Первой мировой войны до 1922 года, когда Зайцевы покинули столицу России²⁰⁰. «Далёкое» – сборник мемуарных портретных и путевых очерков, печатавшихся в 1925-1962 годах в крупных периодических изданиях Русского зарубежья: «Современные записки» (Париж, 1920-1940), «Последние новости» (Париж, 1920-1940), «Русские записки» (Париж, Шанхай, 1937-1939), «Русская мысль» (Париж, с 1947), «Новое русское слово» (Нью-Йорк, 1910-1940).

Автором-составителем сборников является сам Б.К. Зайцев. Каждый текст датирован: время воспоминаний – с 1922 по 1968 год.

К изданию «Москвы» и «Далекого» Зайцев приступает не случайно. Таким образом, он пытается создать целостный и яркий портрет эпохи в ее идейном брожении, в богатстве духовной жизни, подвести объективный итог собственному жизненному и творческому пути. В предисловии к «Далёкому» публицист говорит: «Это книга о разных людях, местах – по написанию она разного времени, но все о давнем... Большая часть книги – о России...»²⁰¹

¹⁹⁸ Зайцев Б.К. «Мы, военные...» / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 439.

¹⁹⁹ Зайцев Б.К. Собрание сочинений / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 1999. – Т. 4: О себе. Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. – С. 44.

²⁰⁰ Зайцев Б.К. Собрание сочинений / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 213.

²⁰¹ Зайцев Б.К. Далекое / Б.К. Зайцев. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 5.

2.3. Образ автора и образ эпохи в мемуарных портретных очерках

Мемуарные портретные очерки – это воспоминания о других и одновременно способ самоидентификации, цепь самооценок.

Рассказывая в мемуарных очерках, на первый взгляд, о современниках, писатель рассказывает о себе. Очерки – эгоцентричны, в них – биография самого автора (что видел, с кем виделся). «Близким по жизненной связанности Бенуа мне никогда не был, но фигура его явилась в ранние мои годы и, то приближаясь, то удаляясь, сопутствовала более полувека. Так что, говоря о нём, невольно говоришь нечто и о своей жизни», – признаётся Б.К. Зайцев в мемуарном очерке об А.Н. Бенуа²⁰². Это авторское признание применимо и в отношении воспоминаний о других.

Основная коммуникативная цель автора – через воссоздание обликов современников сохранить в коллективной памяти информацию о своей жизни, события которой и служат латентным предметом мемуарных портретных очерков.

Очерки позволяют воскресить образы потерянной эпохи: мир ушедших вещей, забытых слов, исчезнувших явлений и представлений.

Описания предметных реалий, природных явлений открыто субъективны, часто оценочны и отображают индивидуальные особенности личности автора, своеобразие его взгляда на мир, воплощают силу его памяти о прошлом.

В мемуарных портретных очерках Б.К. Зайцева можно выделить три типа «героев»: современники автора; эпоха, которую он пытается восстановить, и сам писатель. В некоторых из очерков образ автора лишь просвечивает через ткань повествования (воспоминания об о. Василии, И.И. Тхоржевском, М.О. Цетлине), в большинстве же автор появляется в тексте открыто (воспоминания о К.Д. Бальмонте, А.Н. Бенуа, Н.А. Бердяеве, А.А. Блоке, С.С. Глаголе, В.И. Иванове, Б.Л. Пастернаке, М.И. Цветаевой, И.С. Шмелёве)

²⁰² Зайцев. Б.К. Александр Бенуа / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 396.

Индивидуальный образ публициста определяется той ролью, которую он для себя избирает. Опираясь на классификацию авторских ролей, предложенную М.И. Стюфляевой, можно говорить о том, что Б.К. Зайцев в мемуарных очерках выступает, с одной стороны – «зеркалом героев», а с другой – предстает «анализирующей и оценивающей инстанцией»²⁰³.

Размышляя о своих современниках, он находит новые формы и для самовыражения, пишет немало важного о себе, предлагает своё видение мира, дает сугубо индивидуальную оценку событиям прошлого и настоящего.

События в очерках разворачиваются на фоне всеобщей обеспокоенности начала XX века, порождённой жестокими и кровавыми неурядицами. Поэтому Б.К. Зайцев, как ни стремится быть беспристрастным летописцем – нет-нет да срывается с тона, влекомый такими близкими сердцу воспоминаниями. Ведь всё это и его жизнь, это не чужие, а его друзья и близкие ликовали и бедствовали, наслаждались высшим счастьем духовного общения и конфликтовали.

Будучи глубоко религиозным человеком в жизни, таким же Б.К. Зайцев предстаёт и на страницах воспоминаний: благожелательным, гуманным. Переживания и страдания, вызванные изгнанием, не озлобили его, а даже наоборот стали мощным толчком к религиозному подъему, усилили в нём чувство греха, ответственности за содеянное и ощущения неизбежности того, что свершилось. Именно отсюда возникает особая тональность письма, лирическая и исповедальная, характерная для всей публицистики автора.

В описываемый предметный мир Б.К. Зайцев вводит самого себя, в этих описания авторское «Я» присутствует «силой своего самопроникновения», в них есть «свет, освещающий и видящий самого себя»²⁰⁴. Это своего рода средство самохарактеристики. За оценками действий героев очерков, исторических ситуаций, предметов стоит образ самого публициста.

Самопрезентация в мемуарных портретных очерках предполагает наличие нескольких взаимосвязанных аспектов самопознания. Б.К. Зайцев обращается к

²⁰³ Стюфляева М.И. Человек в публицистике (Методы и приемы изображения и исследования) / М.И. Стюфляева. – Воронеж, 1989. – С. 65.

²⁰⁴ Мамардашвили М. Эстетика мышления / М. Мамардашвили. – М., 2000. – С. 85.

различным структурным компонентам своей личности (ценностям, идеалам, интересам, эмоциям) во временной перспективе и соответственно в динамике. Особенно важны при этом самооценки автора: «...Мы с женой были вроде студентов перед этим изощрённым, многознающим Александром Бенуа. <...> ...мы почтительно слушали. И особенно чувствовали себя учениками, детьми дальней Московии»²⁰⁵.

Образ повествователя, идентичный образу биографического автора – не просто одна из речевых масок автора, а непосредственное самовыражение его как определённой личности, обладающей конкретной биографией.

По мнению Л.Я. Гинзбург, «автор произведений мемуарного и автобиографического жанра всегда является своего рода положительным героем»²⁰⁶. Такая авторская позиция определяет авторитетность его оценок в тексте, делает их точкой отсчёта в системе определений и характеристик.

Своеобразной «презумпцией правоты» пользуется в мемуарных очерках и Б.К. Зайцев. Свои оценки и суждения он считает единственно справедливыми.

«Если быть вполне искренним, то в делах своего ремесла (или искусства?) и я слушал Сергеича не очень внимательно, как славного дядюшку, но не как мэтра. Для мэтра был он слишком поверхностен, слишком между прочим в нашем занятии, которому или всего себя надо отдать, или уж за него и не братья», – вспоминает Б.К. Зайцев С.С. Глаголя²⁰⁷. «Для людей очень «современных» Айхенвальд должен казаться старомодным. <...> Для людей спорта и фокстрота он неинтересен», – отзывается об Ю.И. Айхенвальде²⁰⁸.

Авторские интенции определяют характер повествования, наличие лакун в изложении основных фактов и событий, как из жизни героев очерков, так и из жизни самого автора. Однако образ автора в мемуарных очерках раскрывается не только прямо, через рассуждения и оценки, но и косвенно: через особенности

²⁰⁵ Зайцев. Б.К. Александр Бенуа / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 397-398.

²⁰⁶ Гинзбург Л.Я. О психологической прозе / Л.Я. Гинзбург. – Л., 1977. – С. 202.

²⁰⁷ Зайцев. Б.К. Сергей Глаголь / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 368.

²⁰⁸ Зайцев. Б.К. Ю.И. Айхенвальд / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 411.

художественной структуры нарратива: в отборе и компоновке фактов, событий, явлений былого, которые включаются в мемуарные портретные очерки. Вспоминается только то, что хочется вспомнить.

Главным героем многих эпизодов из жизни героев очерков становится сам Б.К. Зайцев, его близкие. Вот он везёт по московскому снегу на салазках дрова для М.И. Цветаевой, за «тарелкой супа с варёной говядиной» читает К.Д. Бальмонту вслух Верхарна, принимает у себя в гостях В.И. Иванова с супругой, едет с И.А. Буниным в Петербург, обедает с П.М. Ярцевым в его любимом трактире Егорова в Охотном ряду...

С не меньшим количеством бытовых деталей и подробностей вспоминает свою первую встречу с Б.Л. Пастернаком: «Мы встретились у меня, в огромной моей комнате, где жил я с женой и дочерью, подтапливая печку посреди комнаты, сложенную каменщиком, с железной трубой через всё помещение. Не был я ни редактором, ни издателем, ни каким-нибудь другом правительства. Жил более чем небогато. Так что практического значения в том, что он принес мне рукопись, не было для него никакого. Я даже не мог угостить его порядочным завтраком или обедом – быт революционных эпох беден»²⁰⁹.

Однако будучи истинным ценителем подлинно русской литературы, талант Б.Л. Пастернака Б.К. Зайцев признаёт сразу же: «...написано человеческим, а не заумным языком, но очень по-своему. То есть – ни на кого не похоже и потому ново. Ново потому, что талантливо. Талант именно и выражает неповторимую личность, нечто органическое, созданное Господом Богом, а не навязанное никаким направлением литературным»²¹⁰.

Детально воссоздавая в мемуарных портретных очерках жизни героев и свою собственную, вводя в текст воспоминаний письма героев, публицист пытается сделать максимально овеществлённой память о России, которой де-юре и де-факто уже нет. Она продолжает существовать лишь в письмах, воспоминаниях, мемуарах эмигрантов.

²⁰⁹ Зайцев Б.К. Пастернак в революции / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 494-495.

²¹⁰ Там же. – С. 495-496.

Для Б.К. Зайцева все эти бытовые эпизоды, письма – часть не только его личной жизни, но и истории его страны. Таким образом он с каждым новым эпизодом, с каждой вспоминаемой деталью укрепляет связь с Родиной, параллельно рассказывая о себе и о других.

Подведём предварительные итоги.

Для мемуарных портретных очерков Б.К. Зайцева характерно разделение, «расслоение» авторского «Я» на «Я»-описывающий субъект и «Я»-объект описания. Это происходит в результате самообъективации образа автора: с одной стороны Зайцев выступает как активно действующий – мыслящий, вспоминающий, создающий очерки – субъект, с другой стороны, он является и одним из объектов описания.

«Основной мотив человеческой жизни – её расширение, восполнение себя своими же частями, родными тебе, находящимися в других <...> Я должен преодолеть рамки моего существа, выйти из того существа, которое мне известно как «Я» или другому – как «Он», – заметил М.К. Мамардашвили²¹¹. Для Б.К. Зайцева в мемуарных портретных очерках эти связи с другими, расширяющие мир личности, особенно существенны.

Б.К. Зайцев смотрит на героев своих очерков, но в то же время их глазами он смотрит на себя. «Не я смотрю изнутри своими глазами на мир. А я смотрю на себя глазами мира, чужими глазами...», – пишет М.М. Бахтин²¹².

Смотрит внутрь самого себя Зайцев достаточно деликатно и осторожно. И.В. Рябинина справедливо отмечает, что писатель в своих мемуарных очерках «мудро избегает искушения самовыражения, все дары своего таланта отдаёт правде, как он её понимает»²¹³.

Не менее значимым, чем образ автора, в мемуарных очерках Б.К. Зайцева является образ эпохи. Мемуарист стремится преодолеть власть времени, сделать

²¹¹ Мамардашвили М. Эстетика мышления / М. Мамардашвили. – М., 2000. – С. 181.

²¹² Бахтин М.М. Человек у зеркала / М.М. Бахтин // Соч.: В 7 т. – М., 1997. – Т. 5. – С. 71.

²¹³ Рябинина И.В. К. Бальмонт в изображении А. Белого и Б. Зайцева / И.В. Рябинина // Проблемы изучения жизни и творчества Б.К. Зайцева. – Калуга, 2001. – Вып. 3. – С. 323.

его обратимым, остановить отдельные мгновения силой и энергией воспоминаний, создать развёрнутую картину прошлого.

Образы героев и самого автора раскрываются на фоне образа эпохи, повлиявшей на биографии, как Б.К. Зайцева, так и его современников. Все они начинали жить и творить в «привольное» довоенное время, время рассвета русской культуры («Какой интерес к литературе! Сколько молодых дарований... Сколько споров, волнений, чтений, удач и неудач, изящных женских лиц, зимних санок, блеска ресторанов, поздних возвращений...»²¹⁴). Затем на их долю выпали бурные революционные годы («Москва тогда кипела. Большевики, меньшевики, эсеры, анархисты, имажинисты, футуристы, просто какие-то бандиты – всё варилось всё вместе. Было трагическое, было историческое, было и гнусное. И шутовское»²¹⁵).

Образы России мирной, довоенной и России революционной – образы антагонисты в мемуарных портретных очерках Б.К. Зайцева.

Точный собирательный образ московского околбогемного люда публицист создаёт в воспоминаниях о Б.Л. Пастернаке: «В Москве существовали как бы две струи литературные: наша – Союз писателей, с академическим оттенком и без скандалов, и футуристическо-имажинистская – со скандалами. Мы находились в сдержанной, но оппозиции правительству, они лобызались с ним, в самых низменных его этажах: в кругах Чеки (политическая полиция). Это было самое разудалое и полоумное время революции, когда разрушали церкви, а на площадях ставили наскоро слепленных из плохого гипса Марксов и Энгельсов – одна такая пара просто растрескалась в Москве от мороза, а потом растеклась под дождем, как снежная кукла от весенних лучей»²¹⁶.

Вспоминая один из вечеров, посвященных К.Д. Бальмонту, Б.К. Зайцев вновь всего в нескольких фразах создает яркие образы завсегдатаев Литературного кружка, литературный бэкграунд эпохи: «В зале было два слоя:

²¹⁴ Зайцев. Б.К. Молодость – Иван Бунин / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 380-381.

²¹⁵ Зайцев Б.К. М.О. Цетлин / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 9: Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. – С. 226.

²¹⁶ Зайцев Б.К. Пастернак в революции / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 492-494.

молодые и старые («обыватели», как мы их называли). Молодые сочувствовали, зубные врачи, пожилые дамы и учителя гимназий не одобряли. Но ничего бурного не произошло. «Мы», литературная богема того времени, аплодировали, противники шипели. Молодая дама с лицом лисички, стройная и высокая, с красавицей своей подругой яростно одобряли, я, конечно, тоже. Юноша с коком на лбу, спускавшимся до бровей, вскочил на эстраду и крикнул оттуда нечто за Уайльда»²¹⁷.

Олицетворением эпохи для Б.К. Зайцева становится Арбат. Его образ возникает во многих очерках. Улица – знаковая для русской интеллигенции, место «Москвы дворянско-литературно-художественной»²¹⁸. На Арбате и в его многочисленных переулках в разное время жили сам Б.К. Зайцев, А. Белый, Н.А. Бердяев, А.А. Блок, М.О. Гершензон.

Арбат – знаковый элемент в концепции памяти о Родине не только Б.К. Зайцева, но и ряда других представителей Серебряного века русской культуры. А. Белый в мемуарах посвящает улице, на которой прожил с рождения до 1906 года целую главу²¹⁹. Образ Арбата присутствует в стихах А.А. Ахматовой («И снова осень валит Тамерланом, В арбатских переулках тишина...»²²⁰).

Воссоздавая в мемуарных портретных очерках атмосферу, царившую в России на рубеже XIX-XX веков, Б.К. Зайцев выступает в роли историка, чей взгляд на литературный процесс и другие общественно-исторические события, быть может, не бесспорен, но всегда интересен и концептуален.

2.4. Структура мемуарных портретных очерков

Смысловую доминанту каждого мемуарного портретного очерка выделяют заглавия. В то же время они всегда и номинативно ориентированы. Заголовки

²¹⁷ Зайцев Б.К. Далекое / Б.К. Зайцев. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 477.

²¹⁸ Зайцев Б.К. Бердяев / Б.К. Зайцев / Далёкое. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 488.

²¹⁹ Белый А. «На рубеже двух столетий», «Начало века», «Между двух революций» Воспоминания / А. Белый // Соч.: В 3 кн. – М., 1990. – Т. 1-3.

²²⁰ Ахматова А. «И снова осень валит Тамерланом...» // А. Ахматова // «Ты выдумал меня...» Анна Ахматова URL: <http://www.akhmatova.org/verses/verses/277.htm> (дата обращения: 25.01.2014).

мемуарных портретных очерков Б.К. Зайцева носят стандартизированный характер, можно говорить о формировании системы заглавий.

Регулярно повторяются заглавия, в которые Б.К. Зайцев выносит фамилии героев своих воспоминаний («С.С. Юшкевич (1869-1927)», «Максим Горький (К юбилею)», «Другие и Марина Цветаева», «Алданов», «Осоргин», «Памяти Мережковского. 100 лет», «О Шмелёве», «П.П. Муратов», «Александр Бенуа», «Архимандрит Киприан», «Леонид Андреев», «Сергей Глаголь», «Юлий Бунин», «Ю.И. Айхенвальд», «П.М. Ярцев», «Надежда Бутова», «М.О. Гершензон», «М.О. Цетлин», «Паустовский», «И.И. Тхоржевский», «О Пастернаке», «Андрей Белый», «Бальмонт», «Вячеслав Иванов», «Бердяев»).

Такой приём позволяет автору выделить основной объект воспоминаний, сразу дать читателю понять, о ком пойдёт речь в тексте.

Ряд мемуарных портретных очерков содержит уже в заглавии образно-оценочную характеристику вспоминаемых личностей («Братья-писатели», «Дух голубиный» (К.В. Мочульский), «Наш Казанова», «Ушедшему», «Побеждённый»).

В метафорической форме они определяют авторские интенции и выражают его непосредственное отношение к героям. Чаще всего это реалии, факты или события, которые служат индивидуально-авторскими символами вспоминаемых героев.

Деление заглавий на отмеченные группы, естественно, достаточно условно. Однако практически все они выступают в индивидуализирующей функции, включают имена собственные и остаются или тематической, или эмоционально-оценочной доминантой текста.

Ряд очерков носит некрологический характер («Алданов», «Александр Бенуа», «Архимандрит Киприан», «Осоргин», «О Шмелёве», «Памяти Мережковского», «П.П. Муратов», «С.С. Юшкевич», «Юлий Бунин» и другие). Написанные спустя длительное время после смерти героев такие тексты отличаются подчёркнутой деликатностью позиции автора («Об ушедшем или хорошо, или ничего»). Некрологическая память – память особого порядка: бывшие

распри, если они имели место, забываются, житейские и творческие промахи прощаются, образ ушедшего несколько идеализируется.

Неотъемлемым структурным компонентом мемуарных портретных очерков Б.К. Зайцева являются элементы поминальной формы. Буквально каждый очерк завершает индивидуально-авторское поминовение. Будучи глубоко религиозным человеком, Б.К. Зайцев иначе и не может вспоминать покинувших этот мир современников.

«Всё христианство, всё Евангелие как раз говорит, что ко грешникам, которых последними, недостойными себя считают, особо милостив Господь.

Верю, твёрдо надеюсь, что так же милостив будет Он и к усопшему поэту русскому Константину Бальмонту», – финальный рефрен воспоминаний Б.К. Зайцева о поэте²²¹.

«Мир и упокоение дорогому собрату», – это уже в финале очерка об И.И. Тхоржевском²²². Очерк об о. Василии завершают аналогичные слова: «Вечная память...» пел тогда хор. Он правильно пел. Да, вечная ему память»²²³. Не выбиваются из этого ряда и воспоминания об И.С. Шмелёве и М.О. Гершензоне: «Ивану Сергеевичу Шмелёву, большому настоящему писателю российскому – низкий поклон, вечная память»²²⁴, «...Гершензоновой могиле кланяюсь»²²⁵.

Рассматривая структуру мемуарных портретных очерков Б.К. Зайцева, следует остановиться на проблеме интерпретации в них пространственно-временных отношений.

М.И. Стюфляева выделяет три уровня времени в публицистике: время конкретной ситуации, простирающееся сквозь время ситуации историческое время и время в философском понимании этого слова. «Наличие и взаимодействие

²²¹ Зайцев Б.К. Бальмонт / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 481.

²²² Зайцев Б.К. И.И. Тхоржевский / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 9: Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. – С. 297.

²²³ Зайцев Б.К. Ушедшему / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 9: Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. – С. 386.

²²⁴ Зайцев Б.К. О Шмелёве / Б.К. Зайцев // Братья-писатели. – М.: Мысль, 1991. – С. 46.

²²⁵ Зайцев Б.К. М.О. Гершензон / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 470.

указанных временных уровней в публицистике помогает дать объёмное представление о действительности», – утверждает исследовательница²²⁶.

В мемуарных портретных очерках Б.К. Зайцев работает одновременно на нескольких временных уровнях, выстраивая в соответствии с логикой своей концепции время разных ситуаций и разных десятилетий. Мемуарные очерки – это всегда возвращение назад, своеобразное путешествие в былое с позиций настоящего и с прицелом на будущее.

Как и в целом в публицистике время в мемуарных портретных очерках Зайцева дискретно, хронология повествования нередко нарушается. Оно обладает набором и специфических характеристик, в силу того, что в основе нарратива мемуарных портретных очерков лежит ретроспекция.

Для мемуарных портретных очерков Зайцева характерен темпоральный план прошлого.

Так как мемуарист отделён от описываемых событий значительной временной дистанцией, то следует говорить о совмещении различных точек зрения, соположении двух временных планов – времени-воспоминания и времени-повествования – на содержательном, а порой и на формальном уровне.

Так, мемуарный очерк о К.Д. Бальмонте Зайцев начинает в настоящем времени, то есть времени-повествования («Я не собираюсь давать здесь облик его литературный. Всего несколько беглых чёрточек из времён его молодости, расцвета»²²⁷). И тут же, в следующей строке, переносится сам и переносит читателя в прошлое, во время-воспоминания («1902 год. В Москве только что основался Литературный кружок – клуб писателей, поэтов, журналистов. <...> В то время во главе кружка находился доктор Баженов, известный в Москве врач, эстет, отчасти сноб, любитель литературы»²²⁸).

Время (прошлое – настоящее – будущее) в мемуарных портретных очерках концептуально.

²²⁶ Стюфляева М.И. Образные ресурсы публицистики / М.И. Стюфляева. – М.: Мысль, 1982. – С. 11.

²²⁷ Зайцев Б.К. Бальмонт / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 476.

²²⁸ Там же.

Концептуальной значимостью в них обладает противопоставление прошлого и настоящего или противопоставление настоящего и будущего. Соотношение этих временных планов связано с выражением авторских оценок и служит темой его рефлексии. «Да, это были не времена Лавки писателей в Москве и «одиначества и свободы». Одиначество было у тех, кто не ездил по советским посольствам, но и свобода осталась за ними», – пишет Б.К. Зайцев в очерке о Н.А. Бердяеве²²⁹. Антитеза «тогда–сейчас» проявляется и в мемуарном очерке об А.Н. Бенуа: «А после землетрясений этих оказались мы снова в том Париже, из которого ездили некогда в Версаль. <...> Теперь нет Художественного театра, Притыкина, Благовещенского переулочка, и годы подводят ближе, ближе к неизбежному»²³⁰.

Субъективная сегментация времени – ещё одна характерная черта для мемуарных портретных очерков Б.К. Зайцева.

Память автора сохраняет лишь часть фактов и событий прошлого, преобразуя их и их последовательность. Это преобразование носит эстетически мотивированный характер: фрагментарность воспоминаний определяет особенности композиции. Они проявляются в неравномерности описаний различных временных отрезков, в наличии временных лакун, в авторском отборе тех временных периодов, которые становятся объектами детального описания.

Практически все очерки построены по одной общей схеме: общее восприятие вспоминаемого, описание его внешности и поведения (лицо, фигура, характерные жесты, речевая характеристика) перемежаются динамическими эпизодами и завершаются авторскими размышлениями о нём, обобщёнными характеристиками.

Придерживаясь принципа свободного построения текстов, в качестве единиц времени в мемуарных портретных очерках Б.К. Зайцев использует не только ситуации прошлого, образующие линейную последовательность, но и эпизоды, связь между которыми отсутствует или носит ассоциативный характер.

²²⁹ Зайцев Б.К. Бердяев / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 491.

²³⁰ Зайцев Б.К. А.Н. Бенуа / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 400.

Воспоминания группируются, объединяются в блоки, относящиеся к определённому временному периоду. Чаще всего повествование начинается с «мирно-благостного»²³¹ довоенного времени, заканчивается авторскими размышлениями и прогнозами.

По такой стандартной зайцевской схеме построены воспоминания о К.Д. Бальмонте. Пронизанное «ярким светом»²³² впечатление от первой встречи в Литературном кружке в 1902 году; воспоминания об обращении с поклонницами, о его визитах, о манере чтения стихов, которая могла растрогать до слез; эпизоды из «тяжелой, горестной жизни»²³³ в годы войн и революций; индивидуально-авторское поминовение ушедшего поэта.

Текстовое поле очерков дробится на фрагменты, каждый из которых связан с конкретной пространственно-временной ситуацией и отражает прерывистость времени.

Вот П.М. Ярцев на репетиции в театре замкнутый и благородный, а вот – в домашней обстановке, абсолютно не приспособленный к быту («мера его отвращения к практицизму всё превосходила»²³⁴), на театральной премьере в Киеве, в петербургской редакции газеты «Речь», в простой московской чайной («Ему нравились «человеки» в белых рубашках, расписные чашки и подносы, крутой кипяток, простые русские люди в поддёртках, с намасленными проборами, торговцы, прасолы»²³⁵), в Оптиной пустыне – наиболее яркие эпизоды из разных периодов жизни П.М. Ярцева сменяют друг друга в памяти Б.К. Зайцева и в тексте воспоминаний, создавая субъективный, но многогранный портрет этого театрального критика, драматурга, режиссёра.

Отдельные эпизоды из прошлого Б.К. Зайцев выделяет в мемуарных очерках крупным планом. Где-то это первая встреча с вспоминаемым, как в воспоминаниях об А.А. Ахматовой, А.А. Блоке, В.И. Иванове, архимандрите

²³¹ Зайцев Б.К. Далёкое / Б.К. Зайцев. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 10.

²³² Зайцев Б.К. Бальмонт / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 476.

²³³ Там же. – С. 481.

²³⁴ Зайцев Б.К. П.М. Ярцев / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 413.

²³⁵ Там же. – С. 418.

Киприане, Б.Л. Пастернаке, где-то, наоборот, последняя – воспоминания о П.М. Ярцеве, И.С. Шмелёве. А где-то яркие эпизоды совместных путешествий (мемуарные очерки об А.Н. Бенуа, П.П. Муратове, А.П. Рогнедове), работы (воспоминания о Л.Н. Андрееве, Н.А. Бердяеве, М.О. Гершензоне), литературных вечеров (воспоминания об А. Белом, К.Д. Бальмонте, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковском).

Воспроизведение в тексте этих фрагментов жизни не только героев, но и самого автора (в очерках доминирует взгляд автора-участника событий) служат способом не только познания прошлого, но и актуализации отдельных его неповторимых моментов. Такие описания – знаки времени и средство его субъективной сегментации. Временная организация очерков отражает субъективность восприятия времени Б.К. Зайцевым в те или иные временные отрезки и субъективность его воспоминаний.

Субъективность временной организации мемуарных портретных очерков проявляется и в подвижности точки отсчёта, устанавливаемой Б.К. Зайцевым.

Личное биографическое время в мемуарных портретных очерках Б.К. Зайцева соотносится с временем историческим, возникает так называемая авторская концепция времени. Часто воспоминания о фактах и событиях из жизни героев и самого автора сменяются размышлениями о судьбе России и Русского зарубежья.

Так, мемуарный очерк об А.Н. Толстом завершают размышления о доле эмигрантов: «Эмигрантство есть драма и школа смирения. Драму свою эмигрант-литератор знает. <...> ...пешочком или в метро. И без вилл. Это ничего. Зато вольны. О чём хочется писать – пишут. Что любят, того не боятся любить»²³⁶.

Таким образом, личное биографическое время не только детерминировано временем историческим, но и постепенно поглощается им.

В структуре временных отношений мемуарных очерков Б.К. Зайцева взаимодействуют два вектора движения: от прошлого к настоящему и, отчасти, к будущему и от настоящего к прошлому. Сопоставляются и пространственные

²³⁶ Зайцев Б.К. Братья-писатели / Б.К. Зайцев // Братья-писатели. – М.: Мысль, 1991. – С. 28.

позиции. Пространственная позиция мемуариста в настоящем относительно стабильна и специально не фиксируется в тексте очерков. Пространственная точка зрения в прошлом обычно подвижна. Пространство прошлого, воссоздаваемое в воспоминаниях, как правило, неоднородно и состоит из ряда сменяющих друг друга локальностей.

Основным пространственным образом мемуарных портретных очерках Б.К. Зайцева становится образ жизненного пути героя и самого автора. Одним из характерных пространственных образов можно считать образ рубежа, перелома.

Некоторые воспоминания Б.К. Зайцева представляют собой двойные портреты или даже триптихи. В них выводятся сразу несколько главных героев. Очерк «Другие и Марина Цветаева» – пример триптиха. В нём Б.К. Зайцев последовательно вспоминает Б.А. Пильняка, А.М. Эфроса, и лишь в завершение обращается к фигуре М.И. Цветаевой.

Отправной точкой для воспоминаний стал список тех, кто погиб в советской России. «Прочитал список погибших («Известия Литер. фонда»), – пишет Б.К. Зайцев, – все писатели, поэты, критики: «арестован», «пропал без вести», «расстрелян», «покончил с собой». Список длинный, есть имена общеизвестные, некоторых знал лично»²³⁷. Среди этих знакомых лично как раз и были Б.А. Пильняк, А.М. Эфрос, М.И. Цветаева.

В мемуарном очерке «М.О. Гершензон» на первый план наряду с образом самого М.О. Гершензона выходит и образ Л.Б. Каменева. «...В этой точке силуэт Гершензона пересекается в памяти моей со «Львом Борисовичем», – объясняет Б.К. Зайцев и вспоминает председателя Моссовета в юношеские годы и в годы революции²³⁸.

Существенной приметой мемуарных портретных очерков Б.К. Зайцева является то, что он вписывает биографические и психологические детали в систему творчества художника. Иными словами, биография – повод поговорить и о творческих параметрах личности, и о судьбе.

²³⁷ Зайцев Б.К. Другие и Марина Цветаева / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 498.

²³⁸ Зайцев Б.К. М.О. Гершензон / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 466.

Б.К. Зайцев соединяет в очерках собственно биографические детали и подробности с литературно-критическим анализом. Но всё же главным является анализ нравственный. Художников в широком смысле слова Зайцев вспоминает с позиций общечеловеческих ценностей. Хотя соблазн уйти в разбор творчества субъекта воспоминаний велик, автор этого не делает. Он даёт его лишь намёками.

Отводя место в воспоминаниях творческим исканиям А.А. Блока, мемуарист даёт своё видение лишь немногим написанным поэтом произведениям. Так, он высоко оценивает «Снежную маску», показавшуюся ему «особенно пронзающей, глубоко вошедшей в нашу поэзию»²³⁹.

В этом цикле стихов Б.К. Зайцев усмотрел смену внутреннего состояния поэта, повлекшую за собой смену женского образа его лирики. «Прекрасная Дама» рухнула, – пишет Б.К. Зайцев, – вместо неё метели (сильно Блоком, как и Белым, почувствованные), хаос, подозрительные незнакомки – искаженный отблеск прежнего, Беатриче у кабацкой стойки»²⁴⁰. Тогда именно такие поэтические находки вызывали отклик у публики. «К среде отлично шел тонкий тлен его поэзии, её бесплодность и разымчивость, негероичность», – отмечает мемуарист²⁴¹.

Лирическую драму «Роза и крест» Б.К. Зайцев считает «одним из самых тонких и возвышенных произведений»²⁴² А.А. Блока, а «Соловьиный сад» – «прощанием с прежним»²⁴³.

Уважая поэта за то, что тот отражает в стихах весь свой внутренний мир («Блок никогда не писал для «стихописанья». Формальное никогда его не занимало»²⁴⁴), Б.К. Зайцев поэтическое мастерство А.А. Блока считает несовершенным («У него не было особой выработки, «достижения» его не весьма велики»²⁴⁵).

²³⁹ Зайцев Б.К. Победённый / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 459.

²⁴⁰ Там же.

²⁴¹ Там же.

²⁴² Там же. – С. 460.

²⁴³ Там же.

²⁴⁴ Там же. – С. 459.

²⁴⁵ Там же.

Особое место Б.К. Зайцев отводит поэме «Двенадцать», хотя и относится к ней неоднозначно. Написанная А.А. Блоком в январе 1918 года поэма в полной мере отразила революционную эпоху.

Желание поэта «дать грозную поэзию времени, возвести к высшему, разрешить»²⁴⁶ Б.К. Зайцев считает поэтическим мужеством. Он отмечает глубинную органическую связь поэмы с революционной эпохой: «Двенадцать» – другой мир, уже клубившийся вокруг нас, – шинелей, и винтовок, и махорки, и мешочников, и крови»²⁴⁷. Восхищается её поэтичностью, строем, ритмом: «В «Двенадцати» есть всегдашний блоковский хмель, и тоска, и дикая Русь, и мрак»²⁴⁸. Но в то же время считает, что это «поэма духоты, в ней нет ни воздуха, ни света, ни пафоса, ни искупления. Живое здесь гибнет. Все вышло мертво. А значит, она не может никого воодушевить»²⁴⁹.

Такой резкий отзыв мемуариста о поэме «на сером и унылом листе газеты»²⁵⁰ продиктован, скорее всего тем, что она прославляет революцию, которую Б.К. Зайцев категорически не принимал.

Как глубоко религиозного человека Б.К. Зайцева привлекает образ блоковского Христа. Публицист даже спустя годы пытается понять, что поэт положил в его основу: «Можно так рассуждать: идут двенадцать разрушителей старого (и грешного), тоже грешные, в крови, загаженные. Всё же их ведёт – хоть и слепых – какой-то дух истины. Сами-то они погибнут, но погибнут за великое дело, за освобождение «малых сих» – и Христос это благословляет. Он простит им кровь и убийства, как простил разбойника на кресте»²⁵¹.

«Но Блок такой поэмы не писал. Быть может, он хотел бы написать – не смог. <...> «Двенадцать» – это не произведение искусства, а «явление, происшествие. Показание на некотором суде», – резюмирует Б.К. Зайцев²⁵². И имя

²⁴⁶ Зайцев Б.К. Победённый / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 460.

²⁴⁷ Там же.

²⁴⁸ Там же. – С. 461.

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ Там же. – С. 460.

²⁵¹ Там же. – С. 460-461.

²⁵² Там же. – С. 461.

Христа, по его мнению, упомянуто в ней все, «настоящий Христос вовсе не сходил в поэму»²⁵³.

Подтверждение своим мыслям Б.К. Зайцев находит в записных книжках поэта, опубликованных уже после его смерти. Один из отрывков «Набросок пьесы из жизни Христа», помеченный 1918 годом, то есть периодом создания поэмы «Двенадцать», мемуарист цитирует в воспоминаниях. В нём рукой Блока записано, что Христос «компилятивный: ни женщина, ни мужчина, все значительное у него от народа»²⁵⁴.

«Христос мелькнул ему, призрачный и туманный, потому что зова настоящего в нем не было – исчез. Мелькнуло и видение революции, как ложная Незнакомка», – замечает публицист²⁵⁵. В его воспоминаниях А.А. Блок так по-настоящему и не узнал, не почувствовал, не полюбил ни Христа, ни революцию. Последняя так и не заменила поэту веру, не стала точкой опоры, а наоборот – погубила.

Мысль о влиянии поэзии на судьбу является основной в очерке об А. Белом. Лейтмотивом жизни поэта для Б.К. Зайцева служит его стихотворение «Друзьям»: «Белый прекрасно, с трагической силой и пронзительностью изображал горечь, незадачливость и одиночество жизни своей. Непонимание, его окружавшее, смех, часто сопровождавший...»²⁵⁶

К этому же типу можно отнести очерк «Бердяев». Вспоминая мыслителя, Б.К. Зайцев останавливает свой взгляд на его «Философии неравенства». Эти четырнадцать статей к «недругам по социальной философии», опубликованные в 1918 году в журнале Г.И. Чулкова «Народоправство», отдельным изданием выходят в Берлине в 1923 году.

За обращением «недруги» у философа стоят не те, кто захватил власть в стране, и не народ. И одни, и другие далеки, по его мнению, от философии. Н.А.

²⁵³ Зайцев Б.К. Победённый / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 464.

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ Там же. – С. 462.

²⁵⁶ Там же. – С. 471.

Бердяев обращается к интеллигенции. И Б.К. Зайцев, как один из тех, на кого рассчитана книга, вспоминая философа, отвечает ему.

Будучи далёк от стиля Н.А. Бердяева («Фразы – заявления, почти предписания. Все повелительно и однообразно. Никакого словесного своеобразия»²⁵⁷), спустя годы мемуарист признаётся, что философская концепция Н.А. Бердяева наложила свой отпечаток на его мировоззрение и после революции свелась для него к одной важной идее – идее личной свободы.

Оценивая «Философию неравенства» с позиции эмигранта, Зайцев называет её замечательной «книгой-памфлетом, написанной собственной кровью»²⁵⁸ и направленной «против коммунизма и уравниловки, в защиту свободы, вольного человека (но никак не в защиту золотого тельца и угнетения человека человеком)»²⁵⁹.

Отмечает и её прогностический характер. Мысль философа о том, что потеря нацией своего государства, своей самостоятельности и суверенности есть великое несчастье, тяжелая болезнь, калечащая души, остаётся для Б.К. Зайцева, как и для всех эмигрантов, безусловно, актуальной.

Эта мысль находит подтверждение не только в реальной жизни, но и в публицистическом творчестве мемуариста 1920-х годов. Испытав на себе боль утрат при падении одного государства и возникновении абсолютно нового, в котором он, как и многие другие интеллигенты оказался не нужен, Б.К. Зайцев в своих газетных и журнальных материалах, следуя за Н.А. Бердяевым, обращается к мыслителям, писателям и поэтам эмиграции, считая их творческим ядром нации, без которого её существование невозможно.

В мемуарных портретных очерках-этюдах целостный образ человека складывается из набросков, эпизодов, жизненных фрагментов. Память мемуариста отражает как единичные ситуации, имевшие место однажды и наиболее ярко запомнившиеся (поездка с А.Н. Бенуа в Версаль, чтение К.Д. Бальмонтом стихов из-под обеденного стола, визит В.В. Хлебникова, путешествие

²⁵⁷ Зайцев Б.К. Бердяев / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 487-488.

²⁵⁸ Там же. – С. 490.

²⁵⁹ Там же. – С. 489.

по Италии с А.П. Рогнедовым, прогулки с Л.Н. Андреевым по предрассветной Москве, знакомство в «Бродячей собаке» с А.А. Ахматовой), так и ситуации, неоднократно повторявшиеся, типичные (заседания литературного кружка «Среда» с участием Л.Н. Андреева, И.А. Бунина, С.С. Глаголя, М. Горького, И.С. Шмелёва; работа в Книжной лавке писателей совместно с Н.А. Бердяевым, П.П. Муратовым, М.А. Осоргиным; литературные вечера А. Белого, К.Д. Бальмонта, А.А. Блока, организованные Московским отделением Союза писателей, председателем которого Б.К. Зайцев был с 1921 по 1922 год).

Обобщение в мемуарных портретных очерках не случайно. Во-первых, оно связано с обобщением частного опыта автора и героев, установлением в нём общих закономерностей. Во-вторых, с расширением времени воспоминания.

Ещё одна скрепа мемуарных портретных очерков – авторская идея возвращения из небытия.

«Время идёт, время проходит. Сто лет было бы теперь Дмитрию Сергеевичу!» – начинает Б.К. Зайцев воспоминания о Д.С. Мережковском²⁶⁰. И возвращает в мемуарном портретном очерке из небытия не только его самого, но и неизменно бывшую рядом с ним З.Н. Гиппиус: «Вся жизнь вместе – ведь ни одного письма не сохранилось её или его к ней: они никогда не расставались. Незачем и писать»²⁶¹.

В памяти Б.К. Зайцева Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус остались фигурами сложными, безгранично одинокими, ведущими «труднически-литературную жизнь»²⁶². Подводя итог довольно напряжённым отношениям, которые и в дореволюционной России, и в эмиграции связывали его с этой семьёй, мемуарист объективно подчёркивает и сильные, и слабые стороны Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус. Их сила в высоте идейности, в умении говорить «превосходно, ярко и полупророчественно»²⁶³. «Слабость Мережковского была – его высокомерие и брезгливость (то же у Гиппиус). <...> Они неслись в некоем,

²⁶⁰ Зайцев Б.К. Памяти Мережковского. 100 лет / Б.К. Зайцев // Братья-писатели. – М.: Мысль, 1991. – С. 37.

²⁶¹ Там же. – С. 44.

²⁶² Там же. – С. 41.

²⁶³ Там же. – С. 40.

почти безвоздушном пространстве, не совсем человеческом», – убеждён Б.К. Зайцев²⁶⁴. Возможно, такие резкие оценки не вполне объективны и вызваны обидами молодости. Но Б.К. Зайцев, как и любой мемуарист, имеет право на субъективность.

2.5. Искусство повествования

Искусство повествования – это способ развёртывания связного текста, организованного точкой зрения автора в его соотношении с возможным или реальным адресатом речевого произведения. Особенности структуры повествования обусловлены намерением автора.

Главными факторами, определяющими искусство повествования, являются организация диалога (автор – герои, автор – аудитория, автор – эпоха); модальность – угол зрения автора; дискурсивность – целеполагание автора при организации «диалога с аудиторией» («речь, погружённая в жизнь»); нарратив – доступность понимания, декодирования, выбор слова и художественных приёмов письма; структура повествования (композиция) – движение от умысла, намерения к его исполнению.

Используя публицистические приёмы, Зайцев создаёт зримые, цельные, полновесные образы представителей Серебряного века русской культуры. Т.М. Степанова обозначает манеру письма Зайцева межродовым понятием «лирическая публицистика»²⁶⁵.

Исходная коммуникативная ситуация, моделируемая в мемуарных портретных очерках Б.К. Зайцева, – повествование о жизни видных деятелей Серебряного века русской культуры, предполагающее обязательное наличие адресата.

При этом интенции Б.К. Зайцева многоплановы. Он стремится сохранить память о прошлом в лицах, неразрывно с ним связанных, закрепить эту память в

²⁶⁴ Зайцев Б.К. Памяти Мережковского. 100 лет / Б.К. Зайцев // Братья-писатели. – М.: Мысль, 1991. – С. 41.

²⁶⁵ Степанова Т.М. Художественный мир публицистики русского зарубежья. Борис Зайцев / Т.М. Степанова. – М.: Издательство МГОУ, 2004. – С. 139.

сознании потомков, остановить переживаемый миг, преодолеть время. Мемуаристом руководит также желание дать нравственный урок современникам и потомкам и, в некотором смысле, исповедоваться перед самим собой и перед ними. Мемуарные портретные очерки Б.К. Зайцева – истории становления или разрушения личности под влиянием внешних обстоятельств.

В мемуарных портретных очерках Б.К. Зайцева выделяются два временных плана: план настоящего и план прошлого, о котором автор вспоминает. Соотношение этих планов определяет временную перспективу текста и обуславливает возможность корреляции в тексте двух субъектно-речевых сфер. Такая соотнесённость сфер, образующих в то же время и нерасторжимое единство, предполагает известную отстранённость автора от его «Я» в прошлом. В некоторых портретных очерках Б.К. Зайцев это специально подчёркивает.

«Гумилёва я никогда не видел, как поэта знал мало. Поклонником особым не был. И вот прошло пятьдесят без малого лет. <...> Чувствую некую вину пред Гумилёвым. Недооценивал его», – признаётся автор, вспоминая поэта²⁶⁶. О ссоре с А. Белым Б.К. Зайцев вспоминает так: «Издали, после страшных прожитых лет, это кажется смешными пустяками. Но тогда переживалось всерьёз»²⁶⁷.

Дистанцирует себя-настоящего от себя-прошлого мемуарист и в описании последней встречи с Н.А. Бердяевым: «Поздоровались на улице малознакомые люди, побрели каждый в свою сторону. <...> Может быть, мы могли быть мягче с ним. (Но так кажется издалека! Тогда слишком всё было остро. Он слишком был с «победителями». Тогда трудно было быть равнодушным)»²⁶⁸. «Помню, мне самому, гимназисту, эти «Супруги Орловы» очень понравились», – замечает мемуарист в одном очерке о М. Горьком²⁶⁹ и добавляет в другом: «В зрелом возрасте «Орловых» я не перечитывал»²⁷⁰. «Я его мало тогда ещё знал, но ощущение чего-то лёгкого, светлого и простодушного сразу определилось и не

²⁶⁶ Зайцев Б.К. Судьбы <Гумилёв> / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 9: Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. – С. 475-477.

²⁶⁷ Зайцев Б.К. Андрей Белый / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М., 1991. – С. 470.

²⁶⁸ Зайцев Б.К. Бердяев / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М., 1991. – С. 491.

²⁶⁹ Зайцев Б.К. О Горьком и о былом / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 9: Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. – С. 440.

²⁷⁰ Зайцев Б.К. Максим Горький (К юбилею) / Б.К. Зайцев // Братья-писатели. – М.: Мысль, 1991. – С. 14.

ушло с годами, как ушло солнце и счастье юга», – пишет Б.К. Зайцев, вспоминая К.В. Мочульского²⁷¹.

В то же время прежнее и нынешнее авторское «Я» в мемуарных портретных очерках неразрывно связаны, что обуславливается тождественностью личности автора биографического автору-повествователю, определяет субъективность, особую эмоциональность, искренность воспоминаний.

В воспоминаниях о С.С. Глаголе искренность проявляется во внимании автора к ошибкам молодости, в сомнениях относительно своих поступков: «И как часто бывает, ущемляется сердце сознанием, что вот ушёл человек, доброе от него брал как должное, а сам что давал? Мало дано, долг остался»²⁷². «Я несправедлив, конечно. Но себя трудно переделать», – пишет Б.К. Зайцев в мемуарном очерке о М. Горьком²⁷³.

Соотнесённость прежнего и нынешнего авторского «Я» отражается в типичных для мемуарных портретных очерков Б.К. Зайцева высказываниях: «Я много лет знал покойного Семёна Соломоновича...»²⁷⁴; «Я познакомился с Осоргиным в Риме в 1908 году»²⁷⁵; «Я знал Надежду Сергеевну уже «взрослой», известную актрисой...»²⁷⁶; «С Михаилом Осиповичем и Марией Самойловной я познакомился в самом начале революции»²⁷⁷; «Помню его [Б.Л. Пастернака. – Ю.М.] ещё по Москве, в 21-22 гг.»²⁷⁸.

На адресанта в мемуарных портретных очерках указывает местоимение «мы». В очерках Б.К. Зайцева оно обнаруживает семантическую множественность, которая определяется общей способностью местоимений соотноситься с широким кругом денотатов. Б.К. Зайцев «мы» использует для

²⁷¹ Зайцев Б.К. «Дух голубиный» (К.В. Мочульский) / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 410.

²⁷² Зайцев Б.К. Сергей Глаголь / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 368.

²⁷³ Зайцев Б.К. О горьком и о былом / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 9: Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. – С. 441.

²⁷⁴ Зайцев Б.К. С.С. Юшкевич (1869-1927) / Б.К. Зайцев // Братья-писатели. – М.: Мысль, 1991. – С. 12.

²⁷⁵ Зайцев Б.К. Осоргин / Б.К. Зайцев // Братья-писатели. – М.: Мысль, 1991. – С. 35.

²⁷⁶ Зайцев Б.К. Надежда Бутова / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 423.

²⁷⁷ Зайцев Б.К. М.О. Цетлин / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 9: Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. – С. 226.

²⁷⁸ Зайцев Б.К. О Пастернаке / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 9: Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. – С. 353.

указания: на себя и другое лицо или группу лиц («Помню его в революцию. Вместе мы бедствовали...»²⁷⁹; «Прощаясь с ним, мы, немногие его друзья...»²⁸⁰; «Июльским вечером, двадцать пять лет назад, проходили мы с Алексеем Толстым по морскому берегу в местечке Мисдрой...»²⁸¹); на всех эмигрантов («...Мы тяготели друг к другу, люди страннического и вольного духа, единившиеся в религии и искусстве»²⁸²; «...Мы и вообще ничего не понимали в судьбах собственных, да и родины нашей – и меньше всего думали, что придётся навсегда расстаться с ней»²⁸³); на своё поколение («Вместе приближались мы к рубежу, в грохоте и огне которого погибло всё прежнее...»²⁸⁴).

Мемуарным портретным очеркам Б.К. Зайцева присуща субъективация повествования. Это расширяет эмоциональные возможности повествователя, интимизирует взаимоотношения автора с аудиторией.

В портретных очерках Б.К. Зайцев воспроизводит отдельные, разрозненные воспоминания – самые яркие «картинки» былого – в хронологической последовательности.

«Личная встреча произошла позже, но тоже в начале века. <...> Позже приходилось слышать Мережковского в Москве на открытых выступлениях. <...> В предвоенные и предреволюционные годы Мережковские были настроены очень лево <...> Через двенадцать лет настали жуткие времена»²⁸⁵ – фразы-скрепы, фиксирующие хронотоп событий, становятся той основой, на которой Б.К. Зайцев выстраивает повествование о Д.С. Мережковском. Первая встреча в Петербурге в редакции журнала «Вопросы жизни», совместный ужин у Ф.К. Сологуба, открытое выступление Д.С. Мережковского в Историческом музее в Москве, совместное пребывание в Белграде на съезде эмигрантских русских

²⁷⁹ Зайцев Б.К. Ю.И. Айхенвальд / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 410.

²⁸⁰ Зайцев Б.К. О Леониде Андрееве / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 9: Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. – С. 277.

²⁸¹ Зайцев Б.К. Братья-писатели / Б.К. Зайцев // Братья-писатели. – М.: Мысль, 1991. – С. 27.

²⁸² Зайцев Б.К. «Дух голубиный» (К.В. Мочульский) / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 410.

²⁸³ Зайцев Б.К. О Леониде Андрееве / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 9: Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. – С. 278.

²⁸⁴ Зайцев Б.К. Молодость – Иван Бунин / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 384.

²⁸⁵ Зайцев Б.К. Памяти Мережковского. 100 лет / Б.К. Зайцев // Братья-писатели. – М.: Мысль, 1991. – С. 38-43.

писателей и в оккупированном немецкими войсками Париже, отпевание и похороны писателя.

В качестве скреп различных фрагментов текста мемуарист также использует вопросительные предложения («Что сказать о писании близкого человека, одиноко вдали угасавшего – и угасшего?»²⁸⁶; «Что могло нравиться Гершензону в советском строе?»²⁸⁷); повествовательные синтаксические конструкции со значением существования («Но бывал он [К.Д. Бальмонт. – Ю.М.] и совсем другой. <...> Случалось и опять по-иному»²⁸⁸; «Так давно всё это было, а всё-таки – было»²⁸⁹).

Все эти конструкции одновременно позволяют Б.К. Зайцеву воссоздать для читателя процесс рождения цельной картины воспоминаний из ряда внешне разрозненных ассоциативных эпизодов.

Мемуарные портретные очерки Б.К. Зайцева – честные воспоминания о людях, с которыми он встречался, дружил в прошлом. Внешне рассказы о людях погружены в поток бытовых подробностей. Но внешняя фактографичность, эмпиричность мемуарных очерков преодолевается автором за счёт выявления в единичном всеобщего, установления общей с читателем апперцепционной базы воспоминаний. Возникает своего рода процесс со-воспоминания.

Публицистический образ в известной степени явление внетекстовое, то есть рассчитанное на достраивание, на фантазию, на эмоциональность восприятия.

Эту особенность мемуарного портретного очерка можно обозначить термином «интимизация изложения»²⁹⁰. Суть данного термина – в минимизации коммуникативного расстояния между автором и читателем. В результате чего их диалог становится, так сказать, интимным.

Мемуарные портретные очерки Б.К. Зайцева в достаточной степени экспрессивны. При этом авторские характеристики даются как с позиции времени

²⁸⁶ Зайцев Б.К. «Дух голубиный» (К.В. Мочульский) / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 412.

²⁸⁷ Зайцев Б.К. М.О. Гершензон / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 468.

²⁸⁸ Зайцев Б.К. Бальмонт / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М., 1991. – С. 479.

²⁸⁹ Зайцев Б.К. Бердяев / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М., 1991. – С. 487.

²⁹⁰ Бельчиков Ю.А. Интимизация изложения / Ю.А. Бельчиков // Русская речь. – 1974. – № 6. – С. 38.

написания очерков («Пёстрой и шумной, лёгкой и радостной кажется теперь жизнь тогдашней Москвы»²⁹¹), так и с позиции времени события («Именно тогда я увидел в нём «нашего», очень навсегда отравленного литературой...»²⁹²; «Но юношеское впечатление помню: очень талантливо и очень чуждо»²⁹³). Открытая субъективность и экспрессивность – отличительная особенность повествования Б.К. Зайцева.

Экспрессия связана с доминирующей в тексте точкой зрения автора и выражается концентрацией собственно экспрессивных или эмоционально окрашенных фраз. Так, нередко Б.К. Зайцев обращается к воображаемым адресатам в форме лирического монолога, вступает в диалог с ушедшим.

«Здесь, в Провансе, часто вспоминаю вас, Александр Александрович. – словно к живому обращается мемуарист к давно умершему А.А. Блоку. – ...Показать бы вам вот этот светлый Божий мир. Дать бы глазам вашим, замученным туманами, болотами, снегами, войнами и бойнями, – взглянуть в голубоватые дали Прованса... <...> Но это всё напрасные слова. Вас нет. Мы все – души Чистилища»²⁹⁴.

Ещё одно прямое авторское обращение: «Ах, Бам, Бам, отчего не выслали вас в 22-м году вместе с профессорами, писателями в Германию? Были бы вы и сейчас живы. Писали бы в «Новом журнале», «Новом русском слове», и, так как вы много моложе нас, принимали бы из рук старших, коих недолог уж век, завет свободы, человечности, творчества – всего наследия литературы нашей. – Но вас не выслали. «Абрам Эфрос, искусствовед, пропал без вести». Вспоминаю вас – оплакиваю»²⁹⁵.

²⁹¹ Зайцев Б.К. Молодость – Иван Бунин / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 380.

²⁹² Зайцев Б.К. С.С. Юшкевич (1869-1927) / Б.К. Зайцев // Братья-писатели. – М.: Мысль, 1991. – С. 12.

²⁹³ Зайцев Б.К. Максим Горький (К юбилею) / Б.К. Зайцев // Братья-писатели. – М.: Мысль, 1991. – С. 14.

²⁹⁴ Зайцев Б.К. Победённый / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М., 1991. – С. 465.

²⁹⁵ Зайцев Б.К. Другие и Марина Цветаева / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М., 1991. – С. 499.

«И да будут эти строки, сколь бы бедны они ни были, дальним приветом чужестранной могиле твоей, Леонид», – завершает Б.К. Зайцев воспоминания о Л.Н. Андрееве²⁹⁶.

Ориентируясь на устную речь и включая в текст мемуарных портретных очерков сигналы спонтанного устного рассказа, создающие иллюзию живости, естественности и непринужденности воспоминаний, Б.К. Зайцев ведёт диалог с собой, с другими, с эпохой. Диалогизация – неотъемлемая черта публицистики. Диалоги – одно из основных средств объективации повествования. Именно в диалогах раскрываются характеры героев.

В мемуарных портретных очерках Зайцев ведёт постоянный диалог с аудиторией, вводя в повествование не только свой голос, но и голоса действующих лиц, активизируя тем самым внимание аудитории и актуализируя суть собственного высказывания. Предлагаемые автором собственные оценки актуализируют выработку аудиторией своих представлений о действующих лицах, запечатлённых Б. Зайцевым.

Воспроизводимые Б.К. Зайцевым диалоги часто связаны, например, с нравственными уроками, которые он получал от героев воспоминаний.

«В один тёплый августовский вечер 1921 года, когда в особняке на Собачьей площадке чекисты арестовали весь Комитет помощи голодающим, членами которого мы оба были, Павел Павлович вдруг (с опозданием) появился около дома.

– Куда, куда ты? – крикнул я ему в окно, – вспоминает Б.К. Зайцев. – Уходи, тут...

Но он ухмыльнулся («...ну, Боря, что там...»), не замедлил шага. <...>

– Чего там... будем вместе»²⁹⁷.

Это из очерка о П.П. Муратове.

²⁹⁶ Зайцев Б.К. Леонид Андреев / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 365.

²⁹⁷ Зайцев Б.К. П.П. Муратов / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 406.

Диалогизации в различных формах подвергается и внутренняя речь самого Б.К. Зайцева: в форме столкновения различных внутренних голосов, в форме диалога разума и чувства, в форме собственно аутодиалога (включения в речь автора вопросно-ответного единства).

Вспоминая «не то клуб, не то кафе, не то театр»²⁹⁸ для молодых сценаристов и актёров, созданный П.М. Ярцевым в своей квартире, мемуарист пишет: «Глупо всё это? Может быть. Но жилось интересно. Не нам одним. Почему-то толпился же народ в нашей «студии»?»²⁹⁹

«Может быть, просто молодость? Необычайное по силе чувство жизни? <...> В молодости грусть и замкнутость – не проявление ли сил ещё бродящих, неуверенных? Робости, гордости?» – задаётся риторическими вопросами Б.К. Зайцев в другом мемуарном очерке³⁰⁰.

Особое внимание в мемуарных портретных очерках Б.К. Зайцев уделяет описаниям реалий и явлений прошлого, совмещающим разные аспекты восприятия. Мемуарист использует образы-концентраты, подчёркивающие слитность, нераздельность его субъективных воспоминаний и представлений аудитории.

Для создания таких художественно-публицистических образов, Б.К. Зайцев использует как уже имеющие хождение в среде эмигрантов художественные формулы, так и индивидуально-неповторимые характеристики, в концентрированном виде воспроизводящие ситуацию.

А. Белого называет «монструозом»³⁰¹, Н.С. Бутову – «новозаветным человеком»³⁰², о. Киприана – «аввой»³⁰³. П.П. Муратов фигурирует в мемуарах

²⁹⁸ Зайцев Б.К. П.М. Ярцев / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 415.

²⁹⁹ Там же. – С. 416.

³⁰⁰ Зайцев Б.К. Молодость – Иван Бунин / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 380-382.

³⁰¹ Зайцев Б.К. Андрей Белый / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М., 1991. – С. 476.

³⁰² Зайцев Б.К. Надежда Бутова / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 424.

³⁰³ Зайцев Б.К. Юлий Бунин / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 384-385.

как «Патя»³⁰⁴, Ю.А. Бунин – «Старо-Газетный переулок»³⁰⁵, П.М. Ярцев – «Ярчик»³⁰⁶, А.П. Рогнедов – «Казанова»³⁰⁷. Всё это прозвища героев времён юности, закрепившиеся за ними до конца жизни в сознании как самого Б.К. Зайцева, так и всех остальных близко с ними знакомых эмигрантов.

Распространённый в публицистике способ контаминации разных типов повествования, используемый Б.К. Зайцевым в мемуарных портретных очерках – совмещение в тексте собственных воспоминаний со свидетельствами других доверенных лиц, ссылки на внешние источники.

Прежде чем самому охарактеризовать А. Белого, мемуарист приводит воспоминания о нём своей жены В.А. Зайцевой: «Борю Бугаева отлично помню <...> Я была девочкой ещё, мы жили в Воздушных Садах, около дворца. Дача Бугаевых недалеко оттуда. Боря был светленький мальчик лет двенадцати, с локонами, голубыми глазами, очень изящный. <...> Потом, много позже, я встретила с ним в Москве, он стал студентом и, оказывается поэт, пишет «Симфонии», «Золото в лазури»... Боря Бугаев оказался Андреем Белым!»³⁰⁸

Вспоминая похороны А.Н. Бенуа в феврале 1960 года в Париже, вспоминает отзыв о художнике одного из его друзей: «Что же, все мы любили и почитали Александра Николаевича. Но ведь и солнце заходит вечером, когда час его наступает»³⁰⁹. Нечто «естественно-закатное» увидел в кончине А.Н. Бенуа и сам Б.К. Зайцев: «Прошла высокая и деятельная жизнь – в творчестве, писании, искусстве – и дошло всё до положенного предела»³¹⁰.

Об образе жизни Л.Н. Андреева в частые приезды в Москву после 1907 года, Б.К. Зайцев вспоминает, основываясь на словах соседа писателя П.Д. Боборыкина: «Живший там П.Д. Боборыкин не без ужаса рассказывал:

³⁰⁴ Зайцев Б.К. П.П. Муратов / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 402.

³⁰⁵ Зайцев Б.К. Архимандрит Киприан / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 392.

³⁰⁶ Зайцев Б.К. П.М. Ярцев / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 412.

³⁰⁷ Зайцев Б.К. Наш Казанова / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 9: Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. – С. 357.

³⁰⁸ Зайцев Б.К. Андрей Белый / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М., 1991. – С. 466.

³⁰⁹ Зайцев Б.К. Александр Бенуа / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 401.

³¹⁰ Там же.

«представьте, я встаю в шесть утра, к девяти поработал уже; а он в девять только возвращается»³¹¹.

Иногда крупным планом на общем фоне мемуарного очерка выделяются лирические описания. Так, вспоминая выступление А. Белого на одном из вечеров Литературно-художественного кружка в Москве, Б.К. Зайцев сравнивает зрительный зал с ржаным полем, а зрителей – с колосьями в лёгкой туманной полумгле³¹².

Возникают в очерках и культурные реминисценции. А.А. Блока Б.К. Зайцев сравнивает с крысоловом, «распевавшим на чудесной дудочке – над болотом»³¹³. Этот образ отсылает нас к одноименной лирической сатире М.И. Цветаевой, в основу которой, в свою очередь, положена немецкая легенда. Чувствуя нравственную глубину личностей К.Д. Бальмонта и А.С. Пушкина, Б.К. Зайцев видит параллели в их судьбах. Отправной точкой для этого стало предсмертное покаяние поэтов. «Этот, казалось бы, язычески поклонявшийся жизни, утехам её и блескам человек, исповедуясь пред кончиной, произвел на священника глубокое впечатление искренностью и силой покаяния – считал себя неисправимым грешником, которого нельзя простить, – пишет Б.К. Зайцев. – Некогда, на заре нашей литературы, другой поэт, тоже великий жизнелюбец, написал стихи, над которыми позже плакал Лев Толстой: «И с отвращением читая жизнь мою, / Я трепещу и проклиная, / И горько жалуюсь, и горько слезы лью, / Но строк печальных не смываю». Казалось бы, Пушкин мало подходящ для покаяния и написал это до дуэли, до трагедии своей, когда на смертном одре, как и Бальмонт, священнику «плакался горько»³¹⁴.

Стихи А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева Б.К. Зайцев будет цитировать ещё ни в одном мемуарном очерке. Сказывается эссеистическая манера письма Б.К.

³¹¹ Зайцев Б.К. Леонид Андреев / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 359.

³¹² Зайцев Б.К. Андрей Белый / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М., 1991. – С. 467.

³¹³ Зайцев Б.К. Победённый / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М., 1991. – С. 459.

³¹⁴ Зайцев Б.К. Бальмонт / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 481.

Зайцева-прозаика, его приверженность к «великой силе великого века литературы нашей, девятнадцатого»³¹⁵.

В публицистику Б.К. Зайцева из его художественной прозы переходят и двойные эпитеты. К.Д. Бальмонт у него «победоносно-капризен», а строфы его стихов «нежно-напевные» и «певуче-узывчивые»³¹⁶; С.С. Глаголь – «многоречиво-приветливый»³¹⁷; М.О. Гершензон – «путано-нервный»³¹⁸; натура Л.Н. Андреева была «мечтательно-славянская»³¹⁹; в облике А. Белого было что-то «певуче-летающее»³²⁰; а в беседе В.И. Иванова – нечто «пышно-пиршественное»³²¹.

Исследуя особенности поэтики мемуарных портретных очерков Б.К. Зайцева, невозможно обойти стороной проблему адресата. Образ адресата коррелирует с образом автора. Форма адресации мемуарных портретных очерков Б.К. Зайцева двухуровневая. Во-первых, все очерки имеют внешнего адресата – любого читателя, который воспринимает и интерпретирует воспоминания. Во-вторых, внутреннего адресата, который соотносится с автором на уровне текста. Этот адресат представлен как современник или потомок автора. Наличие адресата, отделённого от автора значительной временной дистанцией, позволяет связать индивидуальные воспоминания с общими, внести их в коллективную память.

Наличие адресата порождает появление особого типа речи. «Вы спрашиваете меня об Иване Сергеевиче Шмелёве, что я о нём знаю, что помню. Вопрос законный, отвечаю охотно», – апеллирует к читателю Б.К. Зайцев³²². И – подробно отвечает: «Иван Сергеевич был человек замоскворецкий, уединённый, замкнутый, с большим внутренним зарядом, нервно взрывчатый. <...> Вот некий вечер, он в халате отворил нам, потом извинился, лёг, но сейчас же закипел. Не

³¹⁵ Зайцев Б.К. Пастернак в революции / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М., 1991. – С. 494.

³¹⁶ Зайцев Б.К. Бальмонт / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М., 1991. – С. 480.

³¹⁷ Зайцев Б.К. Сергей Глаголь / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 367.

³¹⁸ Зайцев Б.К. М.О. Гершензон / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 466.

³¹⁹ Зайцев Б.К. О Леониде Андрееве / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 9: Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. – С. 277.

³²⁰ Зайцев Б.К. Андрей Белый / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М., 1991. – С. 467.

³²¹ Зайцев Б.К. Вячеслав Иванов / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М., 1991. – С. 482.

³²² Зайцев Б.К. О Шмелёве / Б.К. Зайцев // Братья-писатели. – М.: Мысль, 1991. – С. 44.

помню точно, что он говорил, но с жаром и воодушевлением. Лампочка электрическая отбрасывала на стену его тень – угловатую, остроугольную, с всклокоченною головой. Тощей рукой потрясал он в воздухе...»³²³

В образную структуру мемуарных портретных очерков Б.К. Зайцева наряду с образами-характерами и образами-концентрами³²⁴ входят также и образы-детали, работающие во всех художественно-публицистических текстах. Б.К. Зайцев показывает современников через портретные, пейзажные, речевые характеристики, описывая обстановку, быт, интерьер.

Так, пейзаж выступает в роли экспозиции для создания образа А.А. Блока. Облики Петербурга и Москвы как будто интегрируются в очерк о поэте: петербургские «ночи туманно-полусветные, бледные звезды, мягкий, сырой ветер, взморье, запахи смоленых барж, рыбы, канатов»³²⁵ соотносимы с лейтмотивами блоковского облика того периода. «Его образ, ощущение его в то лето отвечали кабачкам, где мы слонялись, – пишет Б.К. Зайцев, – бродячей, нервно-возбужденной жизни, полуискусственному, полуестественному дурману, в котором полагалось тогда жить «порядочному» петербургскому писателю»³²⁶.

Блок московский абсолютно иной – спокойный, приветливый, дружелюбный, ласковый, как и сама Москва в восприятии Б.К. Зайцева. Именно тесной связью поэта с атмосферой, царившей в городах, объясняет мемуарист изменения в его облике. В Петербурге, который Зайцев считает дисгармоничным и болезненным, в 1907-1908 гг. уже всё кипело и рушилось, в Москве – ещё оставалось спокойным.

Образ А.Н. Бенуа оттеняет пейзаж Версаля, который художник знал, любил, в котором чувствовал себя как дома. «Для Бенуа все эти дворцы, зеркальные галереи, Трианоны были вполне своё (думаю, он вообще к Франции и Западу был

³²³ Зайцев Б.К. О Шмелёве / Б.К. Зайцев // Братья-писатели. – М.: Мысль, 1991. – С. 45-46.

³²⁴ Стюфляева М.И. Образные ресурсы публицистики / М.И. Стюфляева. – М.: Мысль, 1982. – 176 с.

³²⁵ Зайцев Б.К. Победённый / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 458.

³²⁶ Там же.

ближе, чем к России. Вижу его в Версале, не вижу среди русских полей и лугов)», – пишет Б.К. Зайцев³²⁷.

Каждая пейзажная деталь, бегло запечатлённая автором, создаёт не просто культурный фон, образ эпохи, не просто обозначает ту или иную подробность пространства, но имеет конкретный значительный смысл.

Психологию героев, их характеры мемуаристу помогают раскрыть описания обстановки, быта, интерьера. Мир вещей включается в память и соответственно в мир культуры. Память мемуариста о прошлом включает память о вещах, а описания их преодолевают быстротечность времени. Интерьер служит не только для описания героя, но и имеет символическое значение.

Б.К. Зайцев подмечает, что рукопись Б.Л. Пастернака «походила видом на хозяина своего: написана крупным, размашистым почерком, нервным и выразительным»³²⁸. Дом Н.А. Бердяева свидетельствует о том круге, в котором вращался философ: «виден через забор дворик дома Бердяевых, а жил некогда тут Герцен, – все это недалеко от Арбата, место Москвы дворянско-литературно-художественной»³²⁹.

Новый курс в жизни Л.Н. Андреева выражала его дача у Райволы, на Чёрной Речке, где он поселился весной 1908 года. Эта дача, по словам Б.К. Зайцева, «и шла, и не шла к нему». Уж слишком многогранной была натура писателя, не укладывалась вся в Финляндию и стиль «северный модерн» с его крутыми крышами, башнями, балками под потолком. «Жилище его говорило о нецельности, о том, что стиль всё-таки не найден. К стилю не шли вечные самовары, кипевшие с утра до вечера, чуть не всю ночь; запах щей, бесконечные папиросы, нервность, мягкая развалистая походка хозяина, добрый взгляд его глаз, многие мелочи», – утверждает мемуарист³³⁰.

³²⁷ Зайцев Б.К. Александр Бенуа / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 398.

³²⁸ Зайцев Б.К. Пастернак в революции / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 495.

³²⁹ Зайцев Б.К. Бердяев / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 488.

³³⁰ Зайцев Б.К. Леонид Андреев / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 361.

Комната с детства набожной Н.С. Бутовой остаётся в памяти Б.К. Зайцева похожей на келию монахини, подчёркивая облик хозяйки: «В студии у неё прохладно и «благолепно». <...> Иконы в углу, лампадка, деревянный стол, русская скамья, вышитые полотенца...»³³¹

Две тесно связанные друг с другом функции: репрезентативно-характерологическую и информативную, – выполняет в мемуарных портретных очерках Б.К. Зайцева прямая речь героев. В первом случае, фразы, реплики представляют героев, передают характерные особенности их высказываний, создают речевой образ героя в частности, среды или времени – в целом.

Наглядный, яркий, живой, добродушный образ С.С. Глаголя в воспоминаниях Б.К. Зайцев создаётся именно за счёт речевых характеристик этого «прелестника» из Хамовников?»³³². «А-а, душка, знаю. Садитесь, сейчас разговаривать будем <...> Зайчик, <...> душка, ты опять мармелад свой развёл?»³³³ Мягкие, отеческие обращения делают С.С. Глаголя «славным дядюшкой и заступником» в глазах не только самого автора, но и аудитории воспоминаний.

Необычный говор Н.А. Бердяева завершает его выдающийся, щеголеватый, бурный и вечно кипящий образ: «Говорил много, пылко, в нем сразу чувствовался южанин – это не наш орловский или калужский человек. (И в речи юг: проблэма, сэрдце, станьция)»³³⁴.

Прямая речь в информативной функции содержит сведения, необходимые прежде всего для читателя, и характеризуется, таким образом, двойной адресацией (в качестве адресата выступает, с одной стороны, участник диалога (им чаще всего выступает сам Б.К. Зайцев), а с другой стороны, читатель).

«Мой отец умер шестидесяти девяти лет. Я его не переживу. Исполнится шестьдесят девять, и довольно...» – приводит в каком-то смысле пророческие

³³¹ Зайцев Б.К. Надежда Бутова / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 424.

³³² Зайцев Б.К. Сергей Глаголь / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 367.

³³³ Там же. – С. 365-367.

³³⁴ Зайцев Б.К. Бердяев / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М., 1991. – С. 487.

слова П.П. Муратова Б.К. Зайцев³³⁵. П.П. Муратов скончался на семидесятом году жизни.

Коммуникативная ценность прямой речи в мемуарных портретных очерках проявляется в таких частных реализациях её информативной функции, как функция ретроспекции и объективации. Прямая речь углубляет и расширяет временную перспективу произведения, увеличивает плотность нарратива.

Б.К. Зайцев проявляет художественный интерес и к жестам героев своих воспоминаний. Жест для Б.К. Зайцева – выражение личности, часто независимо от содержания слов, ею произнесённых.

В высокомерном вознесении К.Д. Бальмонтом головы «несколько ввысь и вбок»³³⁶ мемуарист видит склонность поэта к славе, к эксцессам; за открытыми, широкими, картинными жестами С.С. Глаголя усматривает сумбурность жизни, «барски-просторную рассеянность» натуры («В нём, в его вкусах, жестах, картинности, доброй беспорядочности – Русь, Москва»³³⁷). Нервный тик Н.А. Бердяева считает некой «дантовской казнью» («...Но – странное дело – меня не смущал нисколько этот удивительный и равномерно-вечный жест»³³⁸).

Детали в портретных очерках Б.К. Зайцева приобретают метафорическое значение и порой замещают целые описательные конструкции.

К.Д. Бальмонта отличает некая «солнечность, задорность, готовность всегда вскипеть, ответить резкостью или восторженностью»³³⁹, и проявляются все эти черты характера во внешнем облике поэта («слегка рыжеватый, с живыми быстрыми глазами, высоко поднятой головой <...> борода клинушком»³⁴⁰), в одежде («высокие прямые воротнички»³⁴¹), в слегка припадающей походке.

В облике А.А. Блока для Б.К. Зайцева важны глаза, в которых отражается внутренний мир поэта. Их цвет меняется в зависимости от характера событий,

³³⁵ Зайцев Б.К. П.П. Муратов / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 402.

³³⁶ Зайцев Б.К. Бальмонт / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М., 1991. – С. 477.

³³⁷ Зайцев Б.К. Сергей Глаголь / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 368.

³³⁸ Зайцев Б.К. Бердяев / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 487.

³³⁹ Зайцев Б.К. Бальмонт / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 476.

³⁴⁰ Там же.

³⁴¹ Там же.

происходящих в судьбе. «Прозрачные и холодноватые»³⁴² вначале жизни с нарастанием разочарованности в итогах революции они становятся абсолютно «стеклянными и усталыми»³⁴³.

Истовую набожность Н.С. Бутовой, а именно такой актриса осталась в памяти Б.К. Зайцева, мемуарист подчёркивает во внешности («Платья она носила тёмные <...> На груди крест»³⁴⁴), в манере речи («Разговор тихий, степенный <...> Голос низкий и глуховатый»³⁴⁵), в привычках («Любила порядок, чистоту, строгость. Не выносила курения, неряшливости, актёрской распушенности»³⁴⁶).

Нередко публицист даёт в одном тексте сразу два портретных описания героя в разных временных планах. Это позволяет ему наглядно показать изменения, произошедшие в личности вспоминаемого. Юного Б.Л. Пастернака Б.К. Зайцев представляет «угловатым, темпераментным, внутренне одиноким, ищущим и пылким. Равнодушия и серости в нем никак не могло быть»³⁴⁷. А вот писатель тридцатилетний: «Этот высокий, с крупными чертами лица, несколько нескладной фигурой, крепкими руками и нервными, очень умными глазами человек принес мне свою рукопись: отрывок произведения в прозе»³⁴⁸.

При воссоздании образов современников Б.К. Зайцев часто прибегает к сравнениям, нащупывая самую суть. «Ему вообще был свойствен дух молодости, открытости и прямоты. Будто свежий морской ветер», – пишет он всё о том же Б.Л. Пастернаке³⁴⁹. М.О. Гершензон сравнивает с «чёрным жуком»³⁵⁰.

А. Белый в студенческие годы напоминает мемуаристу князя Мышкина. «Передавали, что в университете вышел с ним даже случай схожий: на

³⁴² Зайцев Б.К. Победённый / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 458.

³⁴³ Там же. – С. 463.

³⁴⁴ Зайцев Б.К. Надежда Бутова / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 423.

³⁴⁵ Там же. – С. 422-424.

³⁴⁶ Там же. – С. 423.

³⁴⁷ Зайцев Б.К. Пастернак в революции / Б.К. Зайцев. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 492.

³⁴⁸ Там же. – С. 495.

³⁴⁹ Там же.

³⁵⁰ Зайцев Б.К. М.О. Гершензон / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 466.

студенческом собрании в раздражении спора кто-то «заушил» его. Он подставил другую щеку», – вспоминает Б.К. Зайцев³⁵¹.

Иногда публицист показывает героев своих мемуарных очерков на контрасте с их окружением. Так образ Б.Л. Пастернака подается Б.К. Зайцевым как полная противоположность одному из видных деятелей футуризма, «заумному» поэту В.В. Хлебникову.

«Его считали (правда, немногие) «необыкновенным». Радость поэзии, насколько помню, заключалась для него в подборе бессмысленных слов, звучащих какой-то музыкой. По «необычности» и «новизне» это подходило к революционной эпохе, по содержанию несколько, – точно подмечает Б.К. Зайцев дух времени. – Но у него были все-таки некие связи с властями, и у него самого с его последователями был даже автомобиль, на котором вывесили они плакат: «Председатели Земного Шара»³⁵².

Совсем другим предстает в воспоминаниях Б.Л. Пастернак: «Ни автомобиля у него не было, ни Председателем Земного Шара он себя не считал. Пришел он как младший писатель к старшему, показать образец своей прозы – он этим доселе мало занимался, а я много. Подробностей не помню, но общее впечатление такое: никакого крика, никакого футуризма, написано человеческим, а не заумным языком, но очень по-своему. То есть – ни на кого не похоже и потому ново. Ново потому, что талантливо. Талант именно и выражает неповторимую личность, нечто органическое, созданное Господом Богом, а не навязанное никаким направлением литературным»³⁵³.

Рядом с Н.А. Бердяевым всегда его жена, ревностная католичка, Л.Ю. Бердяева. Основная черта, подчёркиваемая Б.К. Зайцевым, в её образе – «тихий фанатизм веры»³⁵⁴, которого в самом мыслителе, опять же по мнению автора, никогда не было. В этом сопоставлении философа с женой симпатия Б.К. Зайцева, глубоко верующего человека, на стороне жены философа. К тому же она, в

³⁵¹ Зайцев Б.К. Андрей Белый / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 466.

³⁵² Зайцев Б.К. Пастернак в революции / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 494.

³⁵³ Там же. – С. 495-496.

³⁵⁴ Зайцев Б.К. Бердяев / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 488.

отличие от мужа, до последнего осталась непримиримой к коммунизму, верной своим ценностям. Качество, которое Б.К. Зайцев также очень ценил в людях.

Образы современников, созданные Б.К. Зайцевым, документальны. В их основе лежат факты, ситуации, явления, имевшие место в бытии. Однако документализм не противоречит условности. Под публицистической условностью М.И. Стюфляева подразумевает «сложный механизм отображения действительности, имеющий своей исходной точкой документальную фиксацию жизненного факта, а также свободу, ассоциативность и логичность авторского мышления»³⁵⁵. В публицистике существует бесконечное множество различных форм условности: от отбора и эстетической обработки документальных фактов в процессе типизации до использования некоторых форм вымысла.

Доля условности присутствует и в мемуарных портретных очерках Б.К. Зайцева. Сам автор признавался: «Ставя задачу объективно изобразить человека и понять его сущность, я никак не рассчитывал на полноту изображения, а просто передавал то, что в душе, памяти осталось – сквозь призму лет, всегда накидывающую на былое свой покров»³⁵⁶.

Работая над мемуарными очерками, Б.К. Зайцев прибегает к разнообразным формам публицистической условности. Эта условность в метафорах, к которым прибегает мемуарист, в сравнениях и эпитетах, которые он использует. Сама реконструкция событий в воспоминаниях – это уже условность.

Из всей совокупности фактов, оставшихся в памяти, Б.К. Зайцев отбирает только те, которые он считает типичными и значимыми для создания образа героя. Порой он подчёркивает одни черты героев за счёт других.

В искусстве повествования Б.К. Зайцева прослеживаются две тенденции. Во-первых, внешнее стремление изобразить героев максимально объективно. Б.К. Зайцев включает в текст эпизоды своих встреч с ними, портретные, речевые, косвенные характеристики героев, которые дают им другие современники.

³⁵⁵ Стюфляева М.И. Образные ресурсы публицистики / М.И. Стюфляева. – М.: Мысль, 1982. – С. 25.

³⁵⁶ Зайцев Б.К. Собрание сочинений / Б.К. Зайцев // Соч. :В 11 т. – М.: Русская книга, 1999. – Т. 4: О себе. Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. – С. 38.

В то же время, изображая внутренний мир персонажей, писатель доверяет и собственной интуиции. Он пытается воссоздать портрет человека через соединение разрозненных эмоциональных впечатлений от встреч с ним (личных или опосредованных), от его творчества. При этом отбирает отдельные сцены, наиболее ярко запечатлевшиеся в памяти. Некоторые из них повторяются в очерках, посвященных разным людям.

Так, описанием последней волнительной краткой встречи с В.И. Ивановым в Риме в 1949 году Б.К. Зайцев заканчивает воспоминания о писателе. И этот же римский эпизод с не меньшей детальностью приводит в мемуарном очерке об А.П. Рогнедове, рассказывая об их совместной поездке в Италию.

Прогулка и разговор с А.Н. Толстым по побережью Балтийского моря в июле 1922 года тоже столь прочно врезалась в память Б.К. Зайцева, что он вспоминает об этом неоднократно.

«Алексей вдруг остановился, отшвырнул ногой камешек и уставился широким, полным, уже слегка обрюзгшим лицом на меня.

– Ты знаешь, кто ты?

– Ну?

– Ты дурак. Ты будешь нищим при любом режиме...» – читаем в «Братьях-писателях»³⁵⁷. Эти же слова А.Н. Толстого звучат в очерке о М. Горьком: «Теперь он говорил мне: «Ты, Борька, дурак. И Вера тоже. Вы при всяком режиме будете нищими». Сам он дураком не был, что жизнь свою и доказал»³⁵⁸.

Мемуарные портретные очерки Зайцева относятся к неоперативной публицистике. Его высказывания неспешны. Автор всматривается в факты, размышляет о событиях из жизни своих героев. Эта неспешность рассчитана на «мыслящего читателя».

Мемуарные портретные очерки Зайцева – синтез субъективных оценок и объективных фактов. Описание в очерках свободно переходит в анализ-

³⁵⁷ Зайцев Б.К. Братья-писатели / Б.К. Зайцев // Братья-писатели. – М.: Мысль, 1991. – С. 27.

³⁵⁸ Зайцев Б.К. О Горьком и о былом / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 9: Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. – С. 444.

комментарий жизни вспоминаемого. А обилие фактографических штрихов подчёркивает документальный характер очерков.

2.6. Поэтика образа в мемуарной публицистике Б.К. Зайцева

В мемуарных портретных очерках Б.К. Зайцева существенную роль играет система образов – цельных и законченных характеристик объектов изображения, данных в конкретно-чувственной эстетически значимой форме. Процесс создания образов – процесс постижения истины, процесс познания. Исследование и создание образа идёт одновременно. Именно с помощью художественных образов автор стремится создать достоверную и убедительную картину действительности.

В качестве основного метода мемуарист использует избирательную типизацию – в реальных единичных персонажах выявляет черты и свойства, присущие определённому типу людей. Герои мемуарных портретных очерков Б.К. Зайцева типичные русские интеллигенты рубежа XIX-XX веков. Факты их биографий, жизненные ситуации преобразуются автором в систему художественно-публицистических образов. Эти образы всегда ассоциативны, они вызывают потребность писателя к самостоятельному осмыслению предложенного автором рассказа.

Л.Е. Кройчик подчёркивает «выпрямленность» художественно-публицистического образа и в этом видит его отличие от образа чисто художественного. «Авторская задача в нём просматривается ясно и определёнno: не случайно о художественно-публицистических образах говорят, что они обладают (а не страдают) определёнnoй однобокoстью изображения», – пишет исследователь³⁵⁹.

Герои мемуарных портретных очерков Зайцева, сохраняя свою индивидуальную неповторимость, в то же время очевидно функциональны –

³⁵⁹ Кройчик Л.Е. Система журналистских жанров / Л.Е. Кройчик // Основы творческой деятельности журналиста. – СПб.: Знание, 2000. – С. 163.

воплощают авторское отношение к ним. Через череду разрозненных портретов своих современников Зайцев стремится создать лик многогранного и пёстрого поколения представителей Серебряного века русской культуры, ставших символами целой эпохи. Мемуаристу важно показать художника, в широком смысле слова, как некоего творца, создателя.

Симпатий и антипатий Зайцев не скрывает.

В мемуарных портретных очерках публициста можно выделить несколько типов публицистических образов: образ-тезис, образ-персонифицированное понятие, образ-характеристика.

М. Горький в представлении Зайцева – человек-маска, «вывеска для некоего буревестничества»³⁶⁰. «...Просвещённый мир, увы, долго не распознавал истинного его лица... Правда, он это лицо затушёвывал. О, Горький мог отлично играть под «любителя наук и искусств», чуть ли не эстета», – вспоминает Зайцев³⁶¹.

Из всего спектра биографического материала мемуарист отбирает лишь строгий круг сведений, которые считает наиболее характерными для демонстрации своего представления о М. Горьком: быстрое восхождение со «дна» («...Он терпеть не мог русский народ – особенно не любил крестьян. Может быть, слишком хорошо на своей шкуре познал жизнь низов»³⁶²), успех и слава, заслуженные вначале творческого пути («Известен успех его начала. Нельзя сказать, чтобы он был незаслужен. Явилось в литературу новое, своеобразное – новый человек заговорил о новых людях»³⁶³) и презируемые в его конце («Дали ему не только деньги. Дали славу. «На вольном рынке» её не было бы, даже Западу Горький давно надоел. Но на родине «приказали», и слава явилась. Она позорна, убога, но ведь окончательно убог стал и сам Горький»³⁶⁴).

³⁶⁰ Зайцев Б.К. Максим Горький (К юбилею) / Б.К. Зайцев // Братья-писатели. – М., 1991. – С. 14.

³⁶¹ Там же. – С. 15.

³⁶² Там же. – С. 16-17.

³⁶³ Там же. – С. 14.

³⁶⁴ Там же. – С. 22.

Революция, которой М. Горький вначале восторгался, в итоге, по мнению Зайцева, не дала «вестнику бури и трагедии»³⁶⁵ ощущения радости. Она оказалась для него слишком кровавой, жестокой. «...Вдруг что-то дрогнуло в буревестнике. Кровь, насилия революции потрясли», – замечает Б.К. Зайцев³⁶⁶, но тем не менее отдаёт дань заслугам М. Горького первых лет революции: «Проснулся «русский» писатель, сочувственник страдающим и погибающим. <...> Многих просто спас заступничеством своим на «верхах»³⁶⁷.

Последующее поведение М. Горького определяется Зайцевым как «позорная и комическая страница жизни»³⁶⁸ (возвращение в Союз, обласканность советской властью). Писатель предлагает афористичное по форме, парадоксальное по содержанию заключение: «Тяжело писать о нём. Дышать нечем. Пусть он сидит там, в особняке Рябушинского, и плачет от умиления над собою самим – слава Богу, что ни одному эмигрантскому писателю не суждена *такая* слава и такое «благоденственное» житие. Бог с ним. На свежий воздух – «дайте мне атмосферы»! Милый праведник Чехов!»³⁶⁹

М.А. Осоргин в воспоминаниях Б.К. Зайцева предстаёт в образе «русского странника» и «вольнолюбца»³⁷⁰. После участия в московском вооружённом восстании 1905 года М.А. Осоргин уезжает в Италию. В Москву он возвращается лишь в 1916 году. Но уже в 1921 году сослан в Казань за работу во Всероссийском комитете помощи голодающим «Помгол», а с 1922 года – окончательный эмигрант. «...Тянуло его на родину, может быть, больше, чем кого-либо из наших писателей. <...> Да в России пореволюционной ему не ужиться бы было: слишком он был вольнолюбив, кланяться и приспособляться не умел...» – подчёркивает в очерке Б.К. Зайцев³⁷¹.

³⁶⁵ Зайцев Б.К. О Горьком и о былом / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 9: Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. – С. 442.

³⁶⁶ Там же.

³⁶⁷ Там же. – С. 442-443.

³⁶⁸ Зайцев Б.К. Максим Горький (К юбилею) / Б.К. Зайцев // Братья-писатели. – М., 1991. – С. 22.

³⁶⁹ Там же.

³⁷⁰ Зайцев Б.К. Осоргин / Б.К. Зайцев // Братья-писатели. – М., 1991. – С. 37.

³⁷¹ Там же. – С. 36-37.

Благородство, независимость, бескорыстие этот «очень русский человек, очень интеллигент русский – в хорошем смысле»³⁷² сохраняет даже в тяжёлых жизненных ситуациях. Вот как Б.К. Зайцев, не забывая упомянуть о «мягкой и тонкой душе» и изящной внешности М.А. Осоргина, вспоминает совместное с ним заключение в Чека за участие в «Помголе»: «На Лубянке, в камере, где мы сидели, его избрали старостой или старшиной, чем-то в этом роде, и он был превосходен: весел, услужлив, ерошил волосы ежеминутно на голове, представлял за нас перед властями»³⁷³.

Человек заповедный – именно такой образ И.С. Шмелёва создаёт в мемуарных портретных очерках Б.К. Зайцев и констатирует: «Иван Сергеевич был человек замоскворецкий, уединённый, замкнутый, с большим внутренним зарядом, нервно взрывчатый. В Замоскворечье своём сидел прочно... <...> В Замоскворечье писатель неизбежно одинок»³⁷⁴. Заповедный стиль жизни И.С. Шмелёв сохраняет и в годы эмиграции. «Как и в Москве, жил в Париже Иван Сергеевич довольно уединённо...» – вспоминает Б.К. Зайцев³⁷⁵.

Образ Ю.И. Айхенвальда метафоричен, основан на иносказании, на многозначности. Критик в воспоминаниях Б.К. Зайцева – некий «джентльмен-рыцарь»³⁷⁶, «сидящий за своими очками, как в крепости»³⁷⁷. Этот Айвенго русской литературной критики, по словам мемуариста, «никогда не обижал слабых, молодых, неизвестных. Напротив, старался поддержать. Но «кумиры» повергал»³⁷⁸.

Обобщая действительность в художественном образе Ю.И. Айхенвальда, Б.К. Зайцев вспоминает его выпады в адрес В.Я. Брюсова и М. Горького: «Брюсов находился в полной славе, когда сказал о нём Айхенвальд: «преодолённая бездарность». То же произошло и с Горьким («Горький и не начинался...»)»³⁷⁹. И

³⁷² Зайцев Б.К. Осоргин / Б.К. Зайцев // Братья-писатели. – М., 1991. – С. 35.

³⁷³ Там же. – С. 36.

³⁷⁴ Зайцев Б.К. О Шмелёве / Б.К. Зайцев // Братья-писатели. – М., 1991. – С. 45.

³⁷⁵ Там же. – С. 46.

³⁷⁶ Зайцев Б.К. Ю.И. Айхенвальд / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 409.

³⁷⁷ Там же. – С. 411.

³⁷⁸ Там же. – С. 408.

³⁷⁹ Там же.

вспоминает не без одобрения. Сам мемуарист характеризует В.Я. Брюсова как «расчётливого честолюбца» и «дельца»³⁸⁰. А о М. Горьком пишет, что тот обратился из «буревестника в филантропического нэпмана, в подозрительного антиквара, в кутящего с чекистами...»³⁸¹

Примечателен и вспоминаемый Б.К. Зайцевым эпизод «сражения» Ю.И. Айхенвальда из-за В.Г. Белинского: «Учителя гимназий шли на него в атаку бесконечными цепями. <...> Он встал и, прекрасно владея волнением, внутренне его накалявшим, в упор расстрелял их всех; одного за другим. Он буквально сметал врагов – доводами точными, ясными, без всякой грубости или злобы. Просто устранял»³⁸².

Образ в мемуарных портретных очерках Б.К. Зайцева, как и в целом в художественной публицистике, – одновременно некий код и эмоционально просветлённая мысль, создающие определённую модель героя, интеллектуально обогащающие аудиторию и побуждающие её к сотворчеству.

Мемуарные портретные очерки Б.К. Зайцева характеризуются общими для них образными средствами – «формулами», которые группируются в определённые типы, способные подчиняться относительно строгой иерархии. «Поэтические формулы – это нервные узлы, прикосновение к которым будит в нас ряды определённых образов, в одном более, в другом менее, по мере нашего развития, опыта и способности умножать и сочетать вызванные образом ассоциации», – утверждает А.Н. Веселовский³⁸³.

Набор схожих образных средств обусловлен композиционной близостью очерков. Так, образ революции присутствует практически во всех мемуарных портретных очерках: возникает мотив зыбкости жизни. Нетрудно понять позицию автора, воскрешающего разрушенное прошлое и способного провести чёткую границу между бывшим и ставшим.

³⁸⁰ Зайцев Б.К. Андрей Белый / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 467.

³⁸¹ Зайцев Б.К. Максим Горький (К юбилею) / Б.К. Зайцев // Братья-писатели. – М., 1991. – С. 19.

³⁸² Зайцев Б.К. Ю.И. Айхенвальд / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 409.

³⁸³ Веселовский А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. – М., 1989. – С. 295.

«Подошла война, революция, не до театра стало, не до поэзии и любования Москвой. В октябре впервые дрогнули купола Кремля под шрапнелями большевиков. <...> Крики газет, афиши на стенах, митинги, волчьи зубы вокруг, муть, кровь, заплёванность... горько и вспомнить», – пишет мемуарист, создавая мемуарный очерк о П.М. Ярцеве³⁸⁴.

«Это было самое разудалое и полоумное время... <...> Это было очень страшное время – террора, холода, голода и всяческого зверства», – констатирует Б.К. Зайцев в другом тексте³⁸⁵. И вновь мемуарист замечает: «Революция шла, и мы куда-то шли. Разносил ветер кучку писателей российских по лицу Европы»³⁸⁶. Из деталей складывается картина «полоумного» времени.

В образную парадигму мемуарных портретных очерков Б.К. Зайцева входят индивидуально-авторские метафоры. За словом или словосочетанием скрываются глубокие образные характеристики. К.Д. Бальмонт – «великолепный шантеклер, приветствующий день, свет, жизнь»³⁸⁷; Н.А. Бердяев – «седеющий благородный лев»³⁸⁸ с «прозрачно-зеленоватыми глазами сфинкса»³⁸⁹; К.В. Мочульский – «дух голубиный»³⁹⁰; М.О. Гершензон – «арбатский отшельник»³⁹¹.

А. Белый, по словам Б.К. Зайцева, в берлинский период жизни был схож с «незадачливым, выпивающим – не то изобретателем, не то профессором без кафедры»³⁹². В облике П.М. Ярцева мемуарист видит «нечто и донкихотское, и монашеское»³⁹³. А в образе А.П. Рогнедова усматривает Казанову: «Как у

³⁸⁴ Зайцев Б.К. П.М. Ярцев / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 419-420.

³⁸⁵ Зайцев Б.К. Пастернак в революции / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 492.

³⁸⁶ Зайцев Б.К. Бердяев / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 490.

³⁸⁷ Зайцев Б.К. Бальмонт / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 476.

³⁸⁸ Зайцев Б.К. Бердяев / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 490.

³⁸⁹ Там же. – С. 488.

³⁹⁰ Зайцев Б.К. «Дух голубиный» (К.В. Мочульский) / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 410.

³⁹¹ Зайцев Б.К. М.О. Гершензон / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 466.

³⁹² Зайцев Б.К. Андрей Белый / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 475.

³⁹³ Зайцев Б.К. П.М. Ярцев / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 412.

Казановы, вечные у него романы... <...> Как Казанова – любил карточные столы, азарт, рулетку»³⁹⁴.

Образ А.А. Блока в восприятии Б.К. Зайцева – образ «побеждённого». Эта концепция личности поэта выносится в заглавие, которое аккумулирует идею, связывающую воедино всю ткань текста, – мысль о деградации творческой личности, постепенном уходе из нее жизни, под воздействием резких кардинальных преобразований в политическом, социальном и культурном укладах страны. Ведущими лейтмотивами очерка становятся духота, темнота и пустота, постепенно заполняющие внутренний мир А.А. Блока.

Вспоминая последнюю встречу с А.А. Блоком на вечере устроенном Союзом писателей в его честь, Б.К. Зайцев пишет: «Мы позвали Блока, он вошел, все аплодировали. Но какой Блок! Лицо землистое, резко очерченные скулы, острый нос, тяжелая походка и нескладная, угластая фигура. Он зашел в угол и, полузакрыв усталые глаза, начал читать. Сбивался, путал иногда»³⁹⁵. В этой манере чтения публицист видит некую отходную: «Вот человек, – казалось, – из которого ушло живое, и с горестным достоинством поддерживает он лишь видимость»³⁹⁶. Таким образом, поэта пронзила и убила прочувствованная и воспетая им же эпоха?

Юношеский образ А. Белого в памяти Б.К. Зайцева ассоциируется с прозрачными, чистыми красками. «Особенно глаза его запомнились, – пишет автор, – не просто голубые, а лазурно-эмалевые, «небесного» цвета... <...> Лазурь бугаевских глаз в стихах «Золото в лазури» сияла почти ослепительно»³⁹⁷. Образ Ю.И. Айхенвальда в воспоминаниях Б.К. Зайцева связан с запахом ландыша. «За это время, что его нет уже в живых, всё вспоминаешь его, и, сквозь душевное волнение, слышишь его тихий голос <...> и запах духов – если не ошибаюсь, ландыша», – пишет мемуарист³⁹⁸.

³⁹⁴ Зайцев Б.К. Наш Казанова / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 9: Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. – С. 357.

³⁹⁵ Зайцев Б.К. Побеждённый / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 463.

³⁹⁶ Там же.

³⁹⁷ Зайцев Б.К. Андрей Белый / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 466-467.

³⁹⁸ Зайцев Б.К. Ю.И. Айхенвальд / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 409.

Развитие образа подчинено не логике развития замысла, а логике самой действительности. Так проявляется повышенная социальная детерминированность мемуарных портретных очерков Б.К. Зайцева. Эпизоды прошлого, прожитой жизни героев связаны в них образной параллелью «жизнь–путь». «Жизни же наши шли, как кому полагалось. Вместе приближались мы к рубежу, в грохоте и огне которого погибло всё прежнее – кроме таинственных следов в памяти и душе. К ним и обращаешься теперь, как бы из другого мира», – замечает Б.К. Зайцев в мемуарном очерке об И.А. Бунине³⁹⁹.

Как поток характеризует жизнь мемуарист, вспоминая и А.П. Рогнедова: «...Молодой киевлянин сразу мне понравился. Понравился и канул в поток дней, того, что называем мы нашей жизнью»⁴⁰⁰.

На основе этой образной параллели Б.К. Зайцев развивает сквозной мотив движения жизни, познания себя и преодоления внешних обстоятельств.

Мемуарные портретные очерки Зайцева предельно документальны. Автор опирается на факты реальной действительности, зачастую выдвигая на первый план одно событие (чаще всего это революция и последовавшее за ней вынужденное расставание с Родиной) – поворотный момент в жизни героя, самого автора и эпохи в целом. Ю.И. Айхенвальд, Л.Н. Андреев, К.Д. Бальмонт, А. Белый, А.А. Блок, В.И. Иванов, И.С. Шмелёв в воспоминаниях Б.К. Зайцева предстают обычными людьми, трепетно переживающими перипетии начала XX века, испытывающими душевные горечи и разочарования, бытовые тяготы и неудобства. Возникает ещё одна образная параллель «жизнь – драма».

«Вместе мы бедствовали, холодали и недоедали, стояли за прилавками Лавок Писателей. Вместе страдали душевно (что скрывать: много страдали)», – вспоминает Б.К. Зайцев⁴⁰¹.

«Подошла революция. <...> Страшное время. Террор, кровь, расстрелы заложников, гражданская война, массовое истребление молодёжи. Мы с Иваном

³⁹⁹ Зайцев Б.К. Молодость – Иван Бунин / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 384.

⁴⁰⁰ Зайцев Б.К. Наш Казанова / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 9: Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. – С. 356-357.

⁴⁰¹ Зайцев Б.К. Ю.И. Айхенвальд / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 410.

Сергеевичем, – пишет Б.К. Зайцев, вспоминая И.С. Шмелёва, – испили свою чашу – гибель близких (юных!)»⁴⁰². В Крыму был расстрелян сын И.С. Шмелёва, молодой офицер белой армии С.И. Шмелёв.

И.С. Шмелёв-эмигрант в воспоминаниях Б.К. Зайцева – «бледный, худой, с некой внутренней убитостью»⁴⁰³. «...Всё понятно, всё понятно, конечно...» – пишет мемуарист⁴⁰⁴, сам так до конца и не пришедший в себя от потрясений, произошедших в России (растерзан обезумевшей толпой его племянник Ю. Буйневич; расстрелян сын В.А. Зайцевой от первого мужа А. Смирнов; умер, не выдержав тревог и тягостей времени, отец К.Н. Зайцев).

Образ революции как рокового рубежа для многих русских интеллигентов появляется и в мемуарном очерке «Бальмонт». Об этом периоде жизни поэта Б.К. Зайцев пишет: «Бальмонт нищенствовал и голодал в леденевшей Москве, на себе таскал дровишки из разобранного забора, как и все мы, питался проклятой «пшенкой» без сахару и масла. При его вольнолюбии и страстности непременно надерзил бы какой-нибудь «особе...» – мало ли чем это могло кончиться»⁴⁰⁵.

В итоге поэт в отличие от А.А. Блока, оставшегося в России, при помощи «мрачного, как скалы, Балтрушайтиса, верного друга его, тогда бывшего литовским посланником»⁴⁰⁶ покидает страну, но это не приносит ему спасения. Он тоже «побеждённый». «Этим ранний Бальмонт и кончается, – утверждает Зайцев. – Эмиграция прошла для него под знаком упадка. Как поэт он вперед не шел, хотя писал очень много. Скорее слабел – лучшие его вещи написаны в России»⁴⁰⁷.

Об этом же в своих дневниках пишет и сам поэт: «Я живу среди чужих. Мне душно от того воздуха, которым дышат изгнанники... Мне душно от воздуха летнего Парижа, где я никому не нужен и где ничто для меня не нужно»⁴⁰⁸. Такие

⁴⁰² Зайцев Б.К. О Шмелёве / Б.К. Зайцев // Братья-писатели. – М.: Мысль, 1991. – С. 45.

⁴⁰³ Там же.

⁴⁰⁴ Там же.

⁴⁰⁵ Зайцев Б.К. Бальмонт / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 480.

⁴⁰⁶ Там же.

⁴⁰⁷ Там же. – С. 481.

⁴⁰⁸ Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918-1940) // В 4 т. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – Т. 1: Писатели русского зарубежья. – С. 52.

настроения очень хорошо понятны Зайцеву да и практически всем эмигрантам, испытывавшим на протяжении долгих лет одиночество и тоску по родной стране.

Разрушительный образ революции создаёт Зайцев в мемуарном очерке «Пастернак в революции». В интерпретации публициста Б.Л. Пастернак изначально «октябрьский переворот 1917 года принял, но чем дальше шло время, тем труднее ему становилось. Очень уж он оказался самостоятельным, личным, не поддающимся указке»⁴⁰⁹.

В 1922 году следует кратковременный добровольный отъезд поэта в Берлин – «некий русско-интеллигентский центр»⁴¹⁰. А затем возвращение на Родину. «Судьба Пастернака оказалась самой сложной (из вернувшихся в Россию тогда писателей). Сыну художника, близкого Льву Толстому, выросшему в воздухе высшей культуры того времени, никак не по дороге с террором, кровью и диким насилием «сталинской эпохи». Одиночество и несвобода – так можно было бы сказать о положении Пастернака в России», – с горечью отмечает Б.К. Зайцев⁴¹¹.

Восторгается мемуарист смелостью писателя и его творчеством той поры, хорошо понимая, как тяжело было противостоять социальному заказу на Родине: «Надо иметь понятие о жизни в тогдашней России, о беспредельной подавленности людей деспотизмом, чтобы достаточно оценить мужество писателя, сказавшего наперекор всему: «нет». <...> Теперь он далеко не тот, каким был в молодости. Трудно представить себе, чтобы тот Пастернак, которого некогда встречал и в Москве, позже в Берлине, писавший косноязычные, хаотические стихи, мог писать на евангельские темы! А написал – опять все по-своему, но благоговейно»⁴¹².

Твердость убеждений, нравственная крепость, сохранение истинно русского, национального характера, работа согласно велению сердца, а не по приказу свыше – качества, которые должны быть присущи истинному творцу, по мнению Б.К. Зайцева.

⁴⁰⁹ Зайцев Б.К. Пастернак в революции / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 496.

⁴¹⁰ Там же.

⁴¹¹ Там же. – С. 497.

⁴¹² Там же.

«Побеждённые» и «непобеждённые» – вот суть того, что видит в людях Б.К. Зайцев.

Образ Б.Л. Пастернака в отличие от образов А.А. Блока, К.Д. Бальмонта – это образ «непобеждённого». Объяснение этой стойкости Б.К. Зайцев находит не только во врожденном нежелании писателя приспособливаться ни к чему, в стремлении писать только лишь в согласии с собственным внутренним миром, но и во влиянии той среды, в которой он воспитывался. «Кроме его собственной натуры, за ним стояла культурная порядочность отца и матери, а вдали где-то легендарная тень Льва Толстого и «золотого века» русской литературы», – пишет мемуарист⁴¹³.

Таким же «непобеждённым» в памяти Б.К. Зайцева остаётся и П.М. Ярцев: «Самое страшное – быть побеждённым: сдаться, в холоде, равнодушии. Он прекрасный пример несдавшегося, непобеждённого. <...> ...слоमितь его «князь тьмы» не смог»⁴¹⁴.

Взаимодействие персонажей очерков с реальным миром рождает яркие психологические образы, являющиеся собственно первоосновой художественно-публицистического образа. Они отличаются целостностью, предметностью, наглядностью. А за индивидуальными чертами в них сквозят всеобщие, универсальные для поколения, о котором вспоминает автор.

Внутренняя жизнь героев часто изображается Зайцевым как борьба разных начал, которые иногда персонифицируются.

Опираясь на факты реальной биографии Бальмонта, Зайцев создаёт два диаметрально противоположных образа-характера поэта: театральный, эпатажный («Бальмонт в мажоре»⁴¹⁵) и тихий, грустный («Несмотря на присутствие поклонниц <...> – никакого театра»⁴¹⁶).

Вот К.Д. Бальмонт «победоносно-капризный и властный, желающий читать свои произведения не в этой будничности, но среди рощ и пальм Таити или

⁴¹³ Зайцев Б.К. Пастернак в революции / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 493.

⁴¹⁴ Зайцев Б.К. П.М. Ярцев / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 422.

⁴¹⁵ Зайцев Б.К. Бальмонт / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 479.

⁴¹⁶ Там же.

Полинезии»⁴¹⁷ ловко ныряет под стол, откуда и читает стихи. «Мы расположимся под кровлей этого ветерана, создадим ещё лучшие, чем в действительности, пальмы. <...> Мечта поможет нам», – приводит мемуарист слова поэта⁴¹⁸. А вот поэт вновь за чтением своих стихов только в состоянии «особо лирическом»⁴¹⁹. «Бальмонт окинул нас задумчивым взглядом, в нём не было никакого вызова... <...> На некоторых нежных и задумчивых строфах у него самого дрожит голос, обычно смелый и даже надменный, ныне растроганный», – вспоминает Б.К. Зайцев⁴²⁰.

Исследуя персонажей своих мемуарных портретных очерков, Б.К. Зайцев выступает одновременно социологом и психологом, анализирует и осмысляет поступки героев, исходя из своих индивидуальных особенностей, из собственных нравственных представлений, ценностей и жизненных установок. Чтобы полнее передать облик современников, использует весь спектр средств художественной публицистики, стремится к документальной точности изображения, хотя и не избегает некоторых форм условности.

Публицистическая условность – особая форма условности. В мемуарных портретных очерках Б.К. Зайцева господствует логическая условность – познание с определённой степенью достоверности. В то же время присутствует и художественная условность – автор реконструирует события, характеры, проблемы.

Концептуальная основа мемуарных портретных очерков отражает нравственно-эстетические идеалы мемуариста. Герои показаны сквозь призму авторского идеала. Ю.И. Айхенвальд, Л.Н. Андреев, М.А. Алданов, К.Д. Бальмонт, А. Белый, А.Н. Бенуа, И.А. Бунин, Н.С. Бутова, В.И. Иванов, М.А. Осоргин, Б.Л. Пастернак, И.С. Шмелёв, П.М. Ярцев и др. – не просто конкретные лица, представляющие собирательный образ русского интеллигента Серебряного века, а идеалы творца, созерцающего романтика, искателя гармонии и истины, в

⁴¹⁷ Зайцев Б.К. Бальмонт / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 480.

⁴¹⁸ Там же.

⁴¹⁹ Там же. – С. 479.

⁴²⁰ Там же.

понимании Б.К. Зайцева. Это «очищенные» образы, в которых соединяются понятийные (логические) и эстетические (фантазийные) компоненты.

Мемуарные портретные очерки Б.К. Зайцева тенденциозны. Так, при всей любви к С.С. Глаголю – как к дядюшке и к заступнику – Б.К. Зайцев критичен в оценках его деятельности: «Дилетантизм – вот слово, говорящее о несобранности души, о её некотором распылении. Сергеич всё умел делать, от гинекологии до гравюры, и всё делал даровито, замечательно же ничего сделать не мог, ибо безраздельно ничему не отдавался. Его след не начерчен в истории ни одной из тех деятельностей, коими он занимался»⁴²¹.

Ещё более резкие замечания Б.К. Зайцев отпускает в отношении М. Горького: «...В облике его было нечто глубоко плебейское, мне не нравилось»⁴²²; «...деляческая, грубая и беззастенчивая «линия» большевиков больше ему отвечает <...> Ленин, решительный и циничный (если надо, солжёт, если надо, предаст), – ему много ближе какого-нибудь Каляева»⁴²³.

Спокойно и твёрдо мемуарист пишет о своих принципиальных расхождениях с Н.А. Бердяевым после Второй мировой войны. В этот период в среде русских эмигрантов появились сторонники советской власти. В их числе был и Н.А. Бердяев. «И немолод он был, и революцию вместе с нами пережил, – вспоминает Б.К. Зайцев, – и вдруг этот седеющий благородный лев вообразил, что вот теперь-то, после победоносной войны, прежние волки обратятся в овечек. <...> В Союзе советских патриотов под портретом Сталина читал, в советской парижской газете печатался, эмигрантам брать советские паспорта советовал, вел разные переговоры с Богомоловым, – кажется, считался у «них» почти своим»⁴²⁴.

Для Б.К. Зайцева подобная позиция была категорически неприемлемой. Близко знавшая мемуариста З.А. Шаховская вспоминала: «Победа СССР в 1945 году была для Бориса Константиновича не русской победой, так как не могла

⁴²¹ Зайцев Б.К. Сергей Глаголь / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 368.

⁴²² Зайцев Б.К. О Горьком и о былом / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 9: Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. – С. 441.

⁴²³ Зайцев Б.К. Максим Горький (К юбилею) / Б.К. Зайцев // Братья-писатели. – М.: Мысль, 1991. – С. 17.

⁴²⁴ Зайцев Б.К. Бердяев / Б.К. Зайцев // Далёкое. – М., 1991. – С. 490-491.

послужить возрождению России и освобождению его народа, и всякое заигрывание или кокетничанье с советскими властями было не для него»⁴²⁵.

На этой почве Б.К. Зайцев расходится не только с Н.А. Бердяевым, но и с И.А. Буниным. Крепкие дружеские отношения и с одним, и с другим связывали мемуариста на протяжении нескольких десятилетий. Но он так и не смог им простить «некого смятения, неких увлечений, несбыточных надежд», которые эмиграция переживает после Второй мировой войны.

Тенденциозность мемуарных портретных очерков проявляется и в крайней благоговейности перед образами иерархов православной церкви. Они – истинные праведники. В каждом Б.К. Зайцев подчёркивает черты, отличающие его от других. О. Василий благосклонный, скромный, умный, серьёзный, смиренный, упорный, приветливый, «от слов его, от улыбки, всего существа исходило некое благоволение»⁴²⁶.

Ставший духовником семьи Зайцевых, архимандрит Киприан раскрывается мемуаристом всесторонне: «Сложная и глубокая натура. Характер сложный, противоречивый, с неожиданными вспышками. Колебаниями от высокого подъёма к меланхолии и тоске. Острое чувство красоты и отвращения к серединке. <...> И наука, книги!»⁴²⁷

Первое знакомство с архимандритом Киприаном на Съезде русских писателей и журналистов в Белграде в 1928 году Б.К. Зайцев вспоминает следующим образом: «Мне навстречу поднялся высокий, тонкий, с прекрасными большими глазами, изящными руками молодой монах. В руке у него была книжка <...> Он очень мне сразу понравился. Красотой и изяществом, особой утончённостью облика и манер <...> Очень молод, но уже архимандрит <...> Сразу выяснилось – не только архимандрит, но и любитель литературы и вообще искусства. Всё это вполне вяжется с обликом его...»⁴²⁸

⁴²⁵ Цит. по: Агеносов В.В. Литература русского зарубежья (1918-1996) / В.В. Агеносов. – М.: Терра. Спорт, 1998. – С. 118.

⁴²⁶ Зайцев Б.К. Ушедшему / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 9: Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. – С. 384.

⁴²⁷ Зайцев Б.К. Архимандрит Киприан / Б.К. Зайцев // Соч.: В 11 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 6: Братья-писатели. Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – С. 390.

⁴²⁸ Там же. – С. 389.

Таким образом, в мемуарных портретных очерках Б.К. Зайцева возникает ряд антиномий публицистического образа: понятийность и метафоричность, рациональность и эмоциональность, фактологичность и фантазийность.

Придерживаясь в своих воспоминаниях определённой точки зрения, уделяя особое внимание эволюции персонажей, подчёркивая их индивидуальные качества и черты, Б.К. Зайцев создаёт максимально зримые образы-характеры своих современников. Писатель наглядно показывает, на основе каких нравственных установок, жизненных ценностей они делали свой выбор в условиях революции и гражданской войны, сыгравших свою разрушительную роль не только в истории страны, но и в жизни каждого человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мемуаристика как составная часть литературного творчества всегда привлекала внимание не только аудитории, интересующейся прошлым, но и непосредственно тех, кто был участником событий, которые происходили и происходят в мире.

Мемуары – это, с одной стороны, «бабушкин сундук», бережно хранящий представления о былых временах, а с другой стороны – тот кладёзь опыта, который при умелом использовании годится и для настоящего существования человечества.

Мемуары – это не только хранилище памяти, но и в значительной степени предвосхищение будущего, своеобразное поучение для поколений, идущих вслед за теми, кто оставил о себе эту память.

Публицистический смысл мемуаров заключается в том, что, с одной стороны, они обогащают современного читателя полезной информацией о том, что было, а с другой – побуждают аудиторию к активному восприятию современной реальности (в чём, собственно, и заключается принцип сопереживания).

Мемуары Русского зарубежья в целом и Б.К. Зайцева в частности выглядят важной составляющей историко-литературного и культурного ландшафта России.

Мемуары Б.К. Зайцева – не просто являются составной частью его творчества, они выглядят вполне автономной частью творческого наследия художника, пережившего смутные времена в России рубежа XIX-XX веков и первой половины XX века и оставившего после себя большой корпус текстов, позволяющих представить жизнь российского общества того времени.

Неоспоримая ценность мемуарного наследия Б.К. Зайцева в том, что он, реконструируя картину российской действительности не только в её дореволюционном, но и эмигрантском изводе, даёт возможность осмыслить закономерность процессов, протекавших и протекающих в современном мире.

Акцентируя внимание на воспроизведении жизни русского общества указанного выше периода, мемуарист даёт возможность глубже понять те процессы, которые определили ход развития нашей страны в XX-XXI-м веках.

Мемуарные портретные очерки Б.К. Зайцева – это совокупный портрет русской интеллигенции конца XIX-начала XX веков. При создании этого коллективного портрета Б.К. Зайцев предстаёт перед аудиторией и как наблюдательный литератор-художник, и как здравомыслящий публицист, и как аккуратный реставратор событий.

Специфика творческой деятельности Зайцева-публициста как автора-мемуариста заключается в том, что он соединил в своей мемуаристике два важных профессиональных качества: с одной стороны, он выступает как профессионал, реконструирующий былое, стремящийся при воспроизведении прошлого соединить точность реконструкции с естественной для художника творческой фантазией. А с другой – автор выступает как реставратор, как мастер, аккуратно восстанавливающий прошлое в его исторической и бытовой достоверности.

Мемуары – всегда реконструкция прошлого, при чём реконструкция в достаточной степени субъективная: автор пишет о том, что было в реальности, но не скрывает при этом и того очевидного обстоятельства, что эта реальность подаётся под определённым углом зрения. Мемуары – это исторический документ не столько потому, что они воспроизводят истинную ситуацию некогда происходивших событий. Мемуары интересны, прежде всего, тем, что они позволяют аудитории увидеть прошлое, с одной стороны, как нечто случившееся однажды, а с другой – как это, нечто случившееся однажды, выглядит, благодаря искусству мемуариста, сегодня.

Мемуары открывают аудитории не только прошлое, они помогают понять и автора, рассказывающего об этом прошлом.

В этой связи мемуарные портретные очерки Б.К. Зайцева показательны с нескольких точек зрения.

Во-первых, они интересны самим выбором предмета разговора. Автор выбирает для повествования знаковые фигуры прошлого, которые, по его мнению, представляют современный ему мир отечественной интеллигенции (Л.Н. Андреев, А.А. Ахматова, К.Д. Бальмонт, А. Белый, А.Н. Бенуа, Н.А. Бердяев, А.А. Блок, И.А. Бунин, М. Горький, П.П. Муратов, Б.Л. Пастернак, М.И. Цветаева, М.О. Цетлин, И.С. Шмелёв, П.М. Ярцев и другие – не просто видные представители литературы, философии, живописи, театрального искусства Серебряного века русской культуры, но и личности, со своими индивидуальными судьбами и богатым внутренним миром).

Во-вторых, мемуарные портретные очерки интересны тем, как Б.К. Зайцев рассказывает о своих героях. Мемуариста интересует индивидуальная неповторимость характеров людей, о которых он рассказывает, их социальная вписанность в происходящее. При этом очерки Б.К. Зайцева – это, прежде всего, психологические характеристики людей, о которых он рассказывает. Зайцева-мемуариста интересует не только быт, но и бытие.

Мемуарные портретные очерки Б.К. Зайцева интересны тем, что мемуарист предлагает читателю не просто документальную реконструкцию прошлого (предметный мир в его деталях и подробностях), а скорее любопытную, эмоциональную картину переживаний человека, оторванного от Родины, но живущего памятью о ней и мечтающего хотя бы частичку этой памяти сохранить как то, что реально было.

В-третьих, мемуарные портретные очерки Б.К. Зайцева интересны как образец высокохудожественной литературы, предназначенной для широкой читательской публики. Писатель рассказывает в своих мемуарах о людях, чьи судьбы могут быть интересны достаточно широкому кругу читателей.

Мемуары писателя отличаются метаантропоцентризмом – высокой степенью отражения в тексте личности автора, своеобразной «глубиной резкости» – любой факт рассматривается с двух временных позиций: времени события и времени рассказа о нём.

В этом смысле мемуарные портретные очерки Б.К. Зайцева отражают общие тенденции как мемуаристики в целом, так и мемуаристики Русского зарубежья.

Мемуары – процесс демонстрации авторского самосознания и самотворения личности. Индикатор мемуарности произведения – степень этого самоосознания.

Авторское «Я» предстаёт в мемуарах в двух ипостасях как на структурном, так и на содержательном уровне: как объект изображения (один из персонажей-участников воспоминаний) и как субъект высказывания (предлагающий аудитории свой взгляд на действительность); как личность со своим сугубо индивидуальным видением мира и как органическая часть той группы людей, о которой он пишет.

Сам же текст мемуаров состоит из трёх пластов: информационного, аналитического и метафизического.

В мемуарах Русского зарубежья первой волны – прошлое предстаёт как желаемое настоящее. Прошлое зачастую свято, идеально, иллюзорно, а настоящее призрачно, нестабильно, враждебно. В ситуации инокультурного, инационального окружения возникает мемуарный миф «о потерянном рае», укрепляющий в сознании эмигрантов антитезу «Россия – Совдепия».

Мемуары русских эмигрантов – имитация возвращения на Родину. Доминанта мемуаристики Русского зарубежья – ностальгия. Опорные образы мемуаров – образы патриархальной России (церкви, берёзы, поля, народные гуляния и т.п.). Вспоминают русские эмигранты в меньшей степени о себе, а в большей о других.

Мемуаристика Русского зарубежья – форма поиска причин, повлёкших трагические события в российской истории, которые в свою очередь для многих авторов стали поводом к написанию мемуаров. Состояние изгойничества, желание покоя и стабильности актуализирует интерес русских эмигрантов к прошлому. Мемуаристика как нельзя лучше удовлетворяет данные душевные запросы. А поиски точки опоры в прошлом – это одновременно и способ сопротивления настоящему безвременью.

Мемуаристика Русского зарубежья носит во многом покаянный характер. Вину за то, что вспоминаемой родной, привычной и знакомой России в одночасье не стало, в той или иной мере ощущал каждый русский эмигрант.

Среди мемуаров Русского зарубежья первой волны следует различать следующие типы: портретные очерки, документально-исторические хроники, историко-литературные обзоры, социально-бытовые записки.

Доминирующие идеи практически всех мемуаров Русского зарубежья – неприятие новой России и убеждение, что только культура русской диаспоры есть подлинная русская культура.

Сохраняя вдали от Родины национальные традиции и культуру, эмигранты воссоздали за границей её аналог с образом жизни и устоями, взаимоотношениями и привязанностями, существовавшими в дореволюционной России. Свою роль в формировании «подлинной России» в условиях эмиграции во многом сыграли литература и публицистика в лице её лучших представителей.

Как и другие изгнанники Б.К. Зайцев, пройдя через общегражданские и личные беды, стремился в эмиграции не только сохранить и передать потомкам облик потерянной Родины, но и осмыслить события революционных лет, перевернувшие как отдельные человеческие судьбы, так и историю России в целом.

Тяготение Б.К. Зайцева в эмиграции к документализму, скрытому или эксплицированному автобиографизму вызвано особенностями его личности и социально-политическими изменениями, произошедшими в России. Сумятица настоящих событий актуализирует интерес к событиям спокойного прошлого. Личная и коллективная память о нём становится опорой для будущего.

Главной темой Б.К. Зайцева-публициста и мемуариста становится поиск духовного облика Родины, которая в изгнании остаётся для него главным источником вдохновения.

Анализ мемуарных портретных очерков Б.К. Зайцева эмигрантского периода творчества (1922-1972 гг.) позволяет прийти к следующим выводам об их

специфических особенностях как на содержательно-идейном уровне, так и на уровне поэтики.

Во-первых, господствующий образ всех мемуарных портретных очерков Б.К. Зайцева – Время. Дух эпохи отражён в действующих лицах воспоминаний, помогает понять их судьбы.

Господствующим образом мемуарных портретных очерков Б.К. Зайцева становится Россия – некий ключевой образ-символ, наполненный нравственно-философским содержанием. Образы России мирной, довоенной и России революционной – образы антагонисты в представлении Б.К. Зайцева.

Главным действующим лицом выступает человек начала XX века – интеллигентный, творческий, стойкий, верующий и одновременно – несчастный в своей судьбе, ломающейся в определённых обстоятельствах.

Во-вторых, в мемуарных портретных очерках Б.К. Зайцев создаёт образы не только своих современников, но свой собственный. Воспоминания – эгоцентричны, это воспоминания о других и одновременно способ самоидентификации, цепь самооценок. Б.К. Зайцев в воспоминаниях испытывает интерес к личностям свободным и независимым. Свобода для мемуариста – возможность жить и творить вне социального заказа, сообразно со своими внутренними установками и устремлениями.

В качестве основного метода воссоздания образов современников Б.К. Зайцев использует избирательную типизацию – в реальных единичных персонажах выявляет черты и свойства, закономерно присущие определённому типу людей – русским интеллигентам рубежа XIX-XX веков. Публицист создаёт не просто образы отдельных представителей Серебряного века русской культуры и свой собственный образ, а портрет целого поколения, взращённого определённым жизненным укладом, определёнными традициями, нормами и правилами.

Через череду разрозненных портретов своих современников Б.К. Зайцев создаёт лик многогранного и пёстрого поколения представителей Серебряного

века русской культуры, ставших не только для автора, но и для большинства русских эмигрантов символами целой эпохи.

В-третьих, публицистичность мемуарных портретных очерков Б.К. Зайцева воплощается как в целостных образах героев, так и в образах-понятиях. Образ в мемуарных портретах Б.К. Зайцева, как и в целом в художественной публицистике, – одновременно некий код и эмоционально просветлённая мысль, создающие определённую модель героя, интеллектуально обогащающие аудиторию и побуждающие её к сотворчеству.

В-четвёртых, блуждая в мемуарных портретных очерках между прошлым, настоящим и будущим, Б.К. Зайцев создаёт образную параллель «жизнь–путь». На её основе он развивает сквозной мотив движения жизни, познания себя и преодоления внешних обстоятельств.

Мемуарные портретные очерки Б.К. Зайцева – истории становления или разрушения личности под влиянием внешних обстоятельств. Современники, выдержавшие эти испытания достойно, обрисованы Б.К. Зайцевым с уважением, не выдержавшие, «побежденные» жизнью, - с сочувствием, но без осуждения.

В пределах одного небольшого портрета публицист проводит микроисследования личности. К списку скреп мемуарных портретных очерков Б.К. Зайцева относятся идеи: «человек и его дело», «возвращение из небытия», «поминовение».

Мемуарные портретные очерки Б.К. Зайцева тесно связаны с его беллетристическими произведениями. Лирические описания, культурные реминисценции, двойные эпитеты, этюдность – это отголоски эссеистической манеры письма Б.К. Зайцева-прозаика, его симпатий и склонностей к литературе XIX века.

В-пятых, форма адресации мемуарных портретных очерков Б.К. Зайцева двухуровневая. Все очерки рассчитаны на определённого адресата – того читателя, который воспринимает и интерпретирует воспоминания – и на адресата внутреннего, который соотносится с автором на уровне текста. Этот адресат представлен как абстрактный читатель – современник или потомок автора.

Наличие адресата, отделённого от автора значительной временной дистанцией, позволяет связать индивидуальные воспоминания с общими, внести их в коллективную память.

Мемуарные портретные очерки Б.К. Зайцева – синтез субъективных оценок и объективных фактов. Описательный нарратив в портретах свободно переходит в авторский анализ-комментарий жизни вспоминаемого, служащий средством аллюзии, отсылающий к субъективным авторским и общепринятым образам.

Для мемуарных портретных очерков Б.К. Зайцева характерен темпоральный план прошлого (совмещение различных точек зрения, соположение двух временных планов – времени-воспоминания и времени-повествования – на содержательном, а порой и на формальном уровне). Время (прошлое – настоящее – будущее) воспоминаний концептуально, субъективно сегментировано. Личное биографическое время в мемуарных портретных очерках Б.К. Зайцева соотносится с временем историческим, возникает так называемая авторская концепция времени. Часто воспоминания о фактах и событиях из жизни героев и самого автора сменяются размышлениями о судьбе России и Русского зарубежья.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеносов В.В. Литература русского зарубежья (1918-1996) / В.В. Агеносов. – М.: Terra. Спорт, 1998. – 543 с.
2. Адамович Г.В. Одиночество и свобода / Г.В. Адамович. – М.: Республика, 1996. – 447 с.
3. Адамович Г.В. Сомнения и надежды: Сборник / Г.В. Адамович. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. — 447 с.
4. Азаров Ю.А. Диалог поверх барьеров. Литературная жизнь русского зарубежья: центры эмиграции, периодические издания, взаимосвязи (1918-1940) / Ю.А. Азаров. – М.: Совпадение, 2005. – 235 с.
5. Азаров Ю.А. Литературные центры первой русской эмиграции: история, развитие и взаимодействие : автореф. дис. ... доктора филол. наук : 10.01.01 / Юрий Алексеевич Азаров. — М., 2006. — 40 с.
6. Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей / Ю.И. Айхенвальд // Соч.: В 2 т. – М.: Terra-Кн. клуб; Республика, 1998. – Т.1-2.
7. Алейникова О.Ю., Удодов А.Б. Облики русской усабицы: Комментированная антология / О.Ю. Алейникова, А.Б. Удодов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. пед. ин-та, 1993 . — 193 с.
8. Аллой В. Диаспора: Новые материалы / В. Аллой. — 2001. — 748 с.
9. Амурский В. Запечатленные голоса: Парижские беседы с русскими писателями и поэтами / В. Амурский. – М.: МИК, 1998. – 168 с.
10. Анненков Ю. Дневник моих встреч / Ю. Анненков. – М., 1993. – 344 с.
11. Антюхов А.В. Русская мемуарно-автобиографическая литература XVIII века (Генезис. Жанрово-видовое многообразие. Поэтика) : автореф. дис. ... доктора филол. наук : 10.01.01 / Андрей Викторович Антюхов. – Брянск, 2001. – 451 с.
12. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 363 с.

13. Ахматова А. «И снова осень валит Тамерланом...» // А. Ахматова // «Ты выдумал меня...» Анна Ахматова. URL: <http://www.akhmatova.org/verses/verses/277.htm> (дата обращения: 25.01.2014).
14. Бадью А. Манифест философии / А. Бадью. – Сост. и пер. с франц. В.Е. Лапицкий. – СПб.: Machina, 2012. – 190 с.
15. Базанов П.Н., Шомракова И.А. Книга русского зарубежья. Из истории книжной культуры XX века / П.Н. Базанов, И.А. Шомракова. — СПб.: Петерб. ин-т печати, 2003. — 110 с.
16. Барахов В.С. Литературный портрет (истоки, поэтика, жанр) / В.С. Барахов. – Л.: Наука, 1985. – 312 с.
17. Басинский П.В. Русская литература конца XIX-начала XX века и первой эмиграции / П.В. Басинский, 1998. – 524 с.
18. Бахрах А.В. Бунин в халате / А.В. Бахрах // По памяти, по записям. – М., 2005. – 592 с.
19. Бахтин М.М. Автор и герой: (К философским основам гуманитарных наук) / М.М. Бахтин. – М., 2000. – 332 с.
20. Бахтин М.М. Собрание сочинений / М.М. Бахтин // Соч.: В 7 т. – М., 1997. – Т. 5. – 731 с.
21. Белый А., Блок А.А. Переписка, 1903-1919 / А. Белый, А.А. Блок. – М.: Прогресс-Плеяда, 2001. – 606 с.
22. Белый А. «На рубеже двух столетий», «Начало века», «Между двух революций» Воспоминания / А. Белый // Соч.: В 3 кн. – М., 1990. – Т. 1-3.
23. Бельчиков Ю.А. Интимизация изложения / Ю.А. Бельчиков // Русская речь. – 1974. – № 6. – С. 38-43.
24. Бенуа А. Мои воспоминания / А. Бенуа // Соч.: В 5 кн. – М.: Наука, 1993. – Кн. 1-5.
25. Берберова Н.Н. Курсив мой: Автобиография / Н.Н. Берберова. — М.: Согласие, 1999. — 736 с.

26. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев // Философский портал. URL: <http://philosophy.ru/library/berd/comm.html> (дата обращения: 02.02.2014).
27. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда / Н.А. Бердяев // Вехи (Сборник статей о русской интеллигенции, 1909). URL: <http://lib.ru/POLITOLOG/XX/wehi.txt> (дата обращения: 24.12.2013).
28. Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования. Статьи. Рецензии / П.М. Бицилли. — М.: Русский путь, 2000. — 605 с.
29. Блок А.А. Возмездие / А.А. Блок // «Собрание классики». URL: http://az.lib.ru/b/blok_a_a/text_0040.shtml (дата обращения: 23.12.2013).
30. Блок А.А. Записные книжки / А.А. Блок. — М., 1965, — 663 с.
31. Блок А.А. «Я лучшей доли не искал». Из дневников и записных книжек / А.А. Блок. — М.: Правда, 1988. — 556 с.
32. Бойцов М. К чести России. Из частной переписки 1812 г. / М. Бойцов. — М., 1988. — 237 с.
33. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков / А.Т. Болотов // Соч.: В 3 т. — М.:Терра, 1993. — Т. 1: 1738-1759. — 543 с.
34. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков / А.Т. Болотов // Соч.: В 3 т. — М.:Терра, 1993. — Т. 3: 1771-1795. — 555 с.
35. Бражнин И. Обаяние таланта / И. Бражнин // Новый мир. — 1976. — № 12. — С. 235-244.
36. Брюсов В.Я. Избранные сочинения / В.Я. Брюсов // Соч.: В 2 т. — М.: Художественная литература, 1955. — Т. 1: Стихотворения. Поэмы. — 750 с.
37. БСЭ. — М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2001. — 1575 с.
38. Булдакова Ю.В. Дневник писателя как феномен литературы русского зарубежья 1920-1930-х гг.: типология и поэтика жанра : дис. ... кандидата филол. наук : 10.01.01 / Юлия Вячеславовна Булдакова. — Киров, 2010. — 189 с.

39. Бунин И.А. Ночь отречения / И.А. Бунин. – М., 2001. – 448 с.
40. Бунин И.А. Публицистика 1918-1953 годов / И.А. Бунин. – М., 1998. – 640 с.
41. Бунин И. Миссия русской эмиграции / И. Бунин // Слово. – 1990. – № 10. – С. 65-67.
42. Бунин И. Окаянные дни / И. Бунин. – М.: Эксмо, 2011. – 672 с.
43. Бурцев В.Л. Борьба за свободную Россию (Мои воспоминания) / В.Л. Бурцев. – М.: Издательство имени Новикова, 2012. – 494 с.
44. Буслакова Т.П. Литература русского зарубежья / Т.П. Буслакова. – М.: Высшая школа, 2003. – 365 с.
45. Буслакова Т.П. Русский Париж / Т.П. Буслакова. – М.: Изд-во Московского университета, 1998. – 526 с.
46. Варшавский В.С. Незамеченное поколение / В.С. Варшавский. — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. — 387 с.
47. Вейдле В. Б.Зайцев (85-летие) / В. Вейдле // Возрождение. – 1966. – № 174. – С. 8-14.
48. Велиев И.О. Литературный портрет: его функция и типология / И.О. Велиев. – Баку: Элм, 1986. – 161 с.
49. Венгеров С.А. Русская литература XX века. 1890-1910 / С.А. Венгеров. – М.: Республика, 2004. – 543 с.
50. Веретенникова Е.В. Новая экономическая политика в социалистической и либеральной периодике русского зарубежья двадцатых годов XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Елена Вячеславовна Веретенникова. — Ростов-на-Дону, 2005. — 26 с.
51. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. – М., 1989. – 406 с.
52. Волкогонова О.Д. Образ России в философии Русского Зарубежья / О.Д. Волкогонова. – М.: РОССПЭН, 1998. – 324 с.
53. Врангель М.Д. Моя жизнь в коммунистическом раю / М.Д. Врангель // Добровольческий корпус. URL:

http://www.dk1868.ru/history/igor/baronessa_vrangel.htm (дата обращения: 09.10.2013).

54. Врангель Н.Е. Воспоминания. От крепостного права до большевиков / Н.Е. Врангель. – М.: Новое лит. обозрение, 2003. – 505 с.
55. Врангель П.Н. Воспоминания / П.Н. Врангель // Соч.: В 2 т. – М., 1992. – Т.1-2.
56. Галанов Б.Е. Живопись словом. Портрет. Пейзаж. Вещь / Б.Е. Галанов. – М.: Сов. писатель, 1974. – 343 с.
57. Гаранин Л.Я. Мемуарный жанр советской литературы. Историко-теоретический очерк / Л.Я. Гаранин. – Минск: Наука и техника, 1986. – 223 с.
58. Герра Р. Они унесли с собой Россию... Русские эмигранты – писатели и художники во Франции (1920-1970) / Р. Герра. – СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2004. – 416 с.
59. Герцен А.И. Повести. Былое и думы. Статьи / А.И. Герцен. – М.: Олимп: АСТ, 1999. – 579 с.
60. Гинзбург Л.Я. Литература в поисках реальности: статьи, эссе, заметки / Л.Я. Гинзбург. — Л.: Сов. писатель, 1987. — 399 с.
61. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе / Л.Я. Гинзбург. – М., 1999. – 414 с.
62. Гинзбург Л.Я. Человек за письменным столом / Л.Я. Гинзбург. — Л.: Советский писатель, 1989. — 607 с.
63. Гиппиус З.Н. Живые лица: стихи, дневники / З.Н. Гиппиус. – Тбилиси, 1991. – 397 с.
64. Гладышева С.Н. Мемуаристика в прессе русского зарубежья 1920-1940-х гг. / С.Н. Гладышева // Жанры СМИ: история, теория, практика: материалы IV и V Всероссийских научно-практических конференций г. Самара 15-16 марта 2012 г. – Самара: Изд-во ООО «Порто-принт», 2012. – С. 39-50.
65. Глэд Д. Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье / Д. Глэд. – М.: Книжная палата, 1991. – 320 с.

66. Голенищев-Кутузов И.Н. От Рильке до Волошина. Журналистика и литературная критика эмигрантских лет / И.Н. Голенищев-Кутузов. — М.: Рус. путь, 2005. — 336 с.
67. Голицына И.Д. Воспоминания о России (1900-1932) / И.Д. Голицына. — Пер. с англ. Т.И. Голицыной, О.А. Несмеяновой. — М.: Айрис-пресс, 2005. — 224 с.
68. Голубцов В.С. Мемуары как источник по истории советского общества / В.С. Голубцов. — М., 1970. — 114 с.
69. Горбунова А.И. Литературная критика на страницах журналов и газет «Русского Парижа» 1920-1930-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Алла Ивановна Горбунова. — Самара, 2005. — 18 с.
70. Горький М. «Несвоевременные мысли» и рассуждения о революции и культуре (1917-1918 гг.) / М. Горький. — М., 1990. — 192 с.
71. Горячева Е.М. Государство и общество в воззрениях мыслителей русского зарубежья : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Елена Михайловна Горячева. — Тула, 2006. — 23 с.
72. Громова А.В. Жанровая система творчества Б.К. Зайцева: литературно-критические и художественно-документальные произведения : дис. ... доктора филол. наук : 10.01.01 / Алла Витальевна Громова. — Орёл, 2009. — 522 с.
73. Гуль Р. Моя биография / Р. Гуль // Новый журнал. — 1986. — № 164. — С. 14-82.
74. Гуль Р. Я унес Россию. Апология эмиграции / Р. Гуль // Соч.: В 3 т. — М.: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2001. — Т. 1-3.
75. Демидова О.Р. Метаморфозы в изгнании: литературный быт русского зарубежья / О.Р. Демидова. — СПб: Гиперион, 2003. — 293 с.
76. Деникин А.И. Очерки русской смуты / А.И. Деникин // Соч.: В 3 т. — Минск: Харвест, 2002. — Т. 1-3.
77. Довлатов С.Д. Ремесло / С.Д. Довлатов. — СПб.: Азбука-классика, 2009. — 254 с.
78. Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути / Дон-Аминадо. — М.: Вагриус, 2000. — 378 с.

79. Доронченков А.И. Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России / А.И. Доронченков. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. — 214 с.
80. Еремишин О. Афоризмы. Золотой фонд мудрости / О. Еремишин. — М.: Просвещение, 2006. — 182 с.
81. Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности / И.А. Есаулов. — М.: Кругъ, 2004. — 560 с.
82. Есин С.Н. Попутные мысли: (Опыт исследования о писательском труде) / С.Н. Есин. — М.: Лит. ин-тут им. А.М. Горького, 2002. — 175 с.
83. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. — М., 1997. — 492 с.
84. Журналистика русского зарубежья XIX-XX веков / А.Ф. Бережной, Н.Л. Волковский, Л.П. Громова, Г.В. Жирков. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2003. — 320 с.
85. Зайцев Б. Дни / Б. Зайцев. — Москва-Париж: YMCA-Press, Русский путь, 1995. — 480 с.
86. Зайцев Б.К. Братья писатели / Б.К. Зайцев. — М., 1991. — 214 с.
87. Зайцев Б.К. Далёкое / Б.К. Зайцев. — М.: Советский писатель, 1991. — 512 с.
88. Зайцев Б.К. Дальний край. Повести. Рассказы / Б.К. Зайцев. — М.: Дрофа: Вече, 2002. — 400 с.
89. Зайцев Б.К. Знак Креста / Б.К. Зайцев. — М.: ПаломникЪ, 1999. — 560 с.
90. Зайцев Б.К. Михайлову О.Н. / Б.К. Зайцев // Подъем. — 1989. — № 6. — С. 151-167.
91. Зайцев Б.К. Мои современники / Б.К. Зайцев. — London: OPI, 1988. — 167 с.
92. Зайцев Б.К. Преподобный Сергей Радонежский: рассказы. Повесть / Б.К. Зайцев. — М.: Современник, 1991. — 126 с.
93. Зайцев Б.К. Собрание сочинений / Б.К. Зайцев // В 11 т. — М.: Русская книга, 1999-2001. — Т. 1-11.
94. Зайцев Б.К. Сочинения / Б.К. Зайцев // В 3 т. — М.: Художественная литература: ТЕРРА, 1993. — Т. 1-3.
95. Зайцев Б. Москва / Б. Зайцев. — Мюнхен: Echo Press, 1973. — 160 с.

96. Зайцев Б. Рассказы. Книга четвёртая / Б. Зайцев. – М.: Издательство К.Ф. Некрасова, 1914. – 275 с.
97. Зайцев Б. Странное путешествие. Рассказы. Очерки. Письма / Б. Зайцев // Наше наследие. – 1990. – № 3. – С. 86-97.
98. Записки русской академической группы в США. Том XXVIII, кн. III. Русская эмиграция не в изгнании, а в послании, 1997. – 508 с.
99. Записные книжки Анны Ахматовой. – М., 1996. – 849 с.
100. Иванов Г.В. Петербургские зимы / Г.В. Иванов. – СПб.: Азбука, 2000. – 283 с.
101. Ипполитов С.С. Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс / С.С. Ипполитов. — М.: Изд-во Ипполитова, 2004. — 371 с.
102. Ирвинг Дж. Как мы спасали Хрюшу Снида / Дж. Ирвинг // Арена. – 1991. – 4 сент. – С. 5.
103. Каган М.С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа) / М.С. Каган. – М.: Политиздат, 1974. – 328 с.
104. Кантакузина Ю. Революционные дни. Воспоминания русской княгини, внучки президента США, 1876-1918 / Ю. Кантакузина. – М.: Центрполиграф, 2007. – 285 с.
105. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / Н.М. Карамзин. – Л.: Наука, 1984. – 717 с.
106. Карпович М., Чижевский Дж. Русский литературный архив / М. Карпович, Дж. Чижевский. – Нью-Йорк, 1956. – 240 с.
107. Кашпур О.А. Жанр литературного портрета в творчестве Бориса Зайцева : дис. ... кандидата филол. наук : 10.01.01 / Ольга Анатольевна Кашпур. – М., 1995. – 211 с.
108. Керенский А.Ф. Россия в поворотный момент истории / А.Ф. Керенский. – М.: Центрполиграф, 2006. – 523 с.
109. Кириллова Е.Л. Мемуаристика как метажанр и ее жанровые модификации (На материале мемуарной прозы русского зарубежья первой волны) : дис. ...

- кандидата филол. наук : 10.01.01 / Екатерина Леонидовна Кириллова. – Владивосток, 2004. – 221 с.
110. Кодзис Б. Литературные центры русского зарубежья, 1918-1939: Писатели. Творческие объединения. Периодика. Книгопечатание / Б. Кодзис. — München: Sagner, 2002. — 320 с.
111. Кознова Н.Н. Мемуары русских писателей-эмигрантов первой волны: концепции истории и типология форм повествования : автореф. дис. ... доктора филол. наук : 10.01.01 / Наталья Николаевна Кознова. – М., 2011. – 46 с.
112. Колядич Т.М. Воспоминания писателей: Проблемы поэтики жанра / Т.М. Колядич. – М.: Мегатрон, 1998. – 276 с.
113. Колядич Т.М. Русская проза конца XX века / Т.И. Колядич. – М., 2005. – 420 с.
114. Корман Б.О. Проблема автора в художественной литературе / Б.О. Корман. – Ижевск: Изд-во Удмур. ун-та, 1974 – 230 с.
115. Костиков В.В. Не будем проклинать изгнание / В.В. Костиков. — М.: Вагриус, 2004. — 463 с.
116. Крейд В. Дальние берега: Портреты писателей эмиграции: Мемуары / В. Крейд. — М.: Республика, 1994. — 383 с.
117. Кройчик Л.Е. Между литературами (дневник как документальный текст) / Л.Е. Кройчик // Акценты. – Воронеж, 1996. – № 2-3. – С. 65-70.
118. Кройчик Л.Е. Современный газетный фельетон / Л.Е. Кройчик. – Воронеж, 1976. – 230 с.
119. Кузнецова А.А. Идеиное и художественное своеобразие мемуарной прозы второстепенных писателей русской литературной эмиграции (Н. Берберова, И. Одоевцева, В. Яновский) : дис. ... кандидата филол. наук : 10.01.01 / Анна Александровна Кузнецова. – М., 2005. – 241 с.
120. Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад / Г.Н. Кузнецова. – М., 1995. – 412 с.
121. Культурная миссия российского зарубежья: История и современность: Сборник статей / Рос. ин-т культурологии. — М., 1999. — 197 с.

122. Куприн А.И. Хроника событий глазами белого офицера, писателя, журналиста / А.И. Куприн. – М.: Собрание, 2006. – 669 с.
123. Лавров В.В. Литература Русского зарубежья: Антология / В.В. Лавров. – 1998. – Т.4: 1936-1940 . – 559 с.
124. Ланин Б.А., Стрижекурова Ж.И. Русское зарубежье: новое открытие классики / Б.А. Ланин, Ж.И. Стрижекурова. — М.: Дрофа, 2008. — 223 с.
125. Лейкинд О.Л. Художники русского зарубежья. 1917-1939 / О.Л. Лейкинд. – СПб.: Нотабене, 1999. – 713 с.
126. Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918-1940) // В 4 т. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – Т. 1: Писатели русского зарубежья. – 512 с.
127. Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918-1940) // В 4 т. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – Т. 2: Периодика и литературные центры. – 640 с.
128. Литературное зарубежье России: энциклопедический справочник / РАН. — М.: Парад, 2006. — 677 с.
129. Литературный энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 750 с.
130. Лихачёв Д.С. Человек в литературе Древней Руси / Д.С. Лихачёв. – М.: Наука, 2006. – 201 с.
131. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю.М. Лотман. – СПб., 2001. – 412 с.
132. Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб, 2001. – 703 с.
133. Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцева, И.С. Шмелева / А.М. Любомудров. – СПб, 2003. – 272 с.
134. Любомудров А.М. Монастырские паломничества Бориса Зайцева / А.М. Любомудров // Русская литература. – 1995. – № 1. – С. 137-158.
135. Маковский С.К. На Парнасе Серебряного века / С.К. Маковский. – М.: Аграф, 2000. – 763 с.

136. Мамардашвили М.К. Эстетика Мышления / М.К. Мамардашвили. – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – 410 с.
137. Манн Т. Новеллы / Т. Манн. – М.: Московский рабочий, 1989. – 511 с.
138. Манн Ю.В. Автор и повествование // Историческая поэтика: Литературные эпохи и типы художественного сознания. – М., 1994. – С. 431-480.
139. Менегальдо Е. Русские в Париже, 1919-1939 / Е. Менегальдо. — М.: Наталья Попова: Кстати, 2007. — 287 с.
140. Мень А. Рецензия на «Воспоминания» Н.Я. Мандельштам / А. Мень // Литературное обозрение. – 1999. – № 5. – 67 с.
141. Местергази Е.Г. Художественная словесность и реальность (документальное начало в отечественной литературе XX века) : дис. ... доктора филол. наук : 10.01.08 / Елена Георгиевна Местергази. – М., 2008. – 246 с.
142. Милюков П. Воспоминания / П. Милюков. – М.: Вагриус, 2001. – 635 с.
143. Милюков П.Н. Живой Пушкин (1837-1937). Историко-биографический очерк / П.Н. Милюков. – М.: Эллис Лак, 1997. – 413 с.
144. Миронова М. Борис Зайцев. Странное путешествие: Рассказы, очерки, письма / М. Миронова // Наше наследие. – 1990. – № 3. – С. 84-95.
145. Митрохин В.А. Русское зарубежье: поиск идей и политическая практика (20-30-е годы XX века) / В.А. Митрохин. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2001. — 279 с.
146. Михайлов О.Н. Литература русского зарубежья. 1920-1940 / О.Н. Михайлов. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 592 с.
147. Михеев М.Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX-XX) / М.Ю. Михеев. – М.: Водолей Publishers, 2007. – 264 с.
148. Михеичева Е.А. О литературном портрете Б. Зайцева / Е.А. Михеичева // В поисках гармонии. – Орел, 1998. – С. 53-55.
149. Мишуков О.В. Русская мемуаристика первой половины XIX века: проблемы жанра и стиля / О.В. Мишуков. – Лодзь: Ibidem, 2007. – 247 с.

150. Млечко А.В. Мифосимволическая структура художественного дискурса журнала «Современные записки» (1920-1940) : автореф. дис. ... доктора филол. наук : 10.01.10 / Александр Владимирович Млечко. – Воронеж, 2009. – 40 с.
151. Муратов П. Б. Зайцев. Италия / П. Муратов // Современные записки. – 1923. – № 15. – С. 98-114.
152. Набоков В.В. Другие берега. Мемуары / В.В. Набоков. – М.: Захаров, 2004. – 445 с.
153. Нагибин Ю.М. Дневник / Ю.М. Нагибин. – М.: Книжный сад, 1996. – 698 с.
154. Новожилова А.М. Петербургские дневники Зинаиды Гиппиус («Синяя книга», «Чёрные тетради», «Чёрная книжка», «Серый блокнот»): проблемы поэтики жанра : дис. ... кандидата филол. наук : 10.01.01 / Алина Михайловна Новожилова. – СПб., 2005. – 215 с.
155. Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники / В.А. Оболенский. – Париж, 1988. – 754 с.
156. Общественная мысль Русского зарубежья: энциклопедия / Ин-т обществ. мысли. — М.: РОССПЭН, 2009. — 703 с.
157. Одоевцева И.В. На берегах Невы / И.В. Одоевцева. – М.: Эллис Лак, 2012. – 910 с.
158. Одоевцева И.В. На берегах Сены / И.В. Одоевцева. — М.: Захаров, 2005. — 448 с.
159. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 65 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов. – М.: ООО «Издательство Оникс», ООО «Издательство «Мир и Образование», 2008. – 736 с.
160. Основы творческой деятельности журналиста: Учебник для студентов вузов по специальности «Журналистика» / Под ред. С.Г. Корконосенко. – СПб.: Знание, 2000. – 272 с.
161. Осоргин М. О Борисе Зайцеве / М. Осоргин // ПН. – 1926. – 9 дек.
162. Пак Н.И. Древнерусская культура в художественном мире Б.К. Зайцева. Монография / Н.И. Пак. – Калуга: МГПУ, КГПУ, 2003. – 180 с.

163. Пастухова Е.В. Нарратив в контексте субъективности : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / Елена Валерьевна Пастухова. — Омск, 2005. — 18 с.
164. Пискунов В.М. Чистый ритм Мнемозины / В.М. Пискунов. — М.: Альфа-М, 2005. — 607 с.
165. Письма Б. Зайцева к И. и В. Буниным // Новый журнал. — Нью-Йорк, 1982. — № 149. — С. 140-141.
166. Пришвин М. Незабудки / М. Пришвин. — М., 2007. — 526 с.
167. Проблемы изучения жизни и творчества Б.К. Зайцева. — Калуга, 2001. — Вып. 3. — 328 с.
168. ПСРЛ // Соч.: В 135 т. — М., 2001. — Т. 1: Лаврентьевская летопись. — 632 с.
169. Пукшанский Б.Я. Обыденное знание. Опыт философского осмысления / Б.Я. Пукшанский. — Л., 1987. — 152 с.
170. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919-1939: Пер. с англ. / Предисл. О. Казниной. — М.: Прогресс-Академия, 1994. — 296 с.
171. Рахманинов С.В. Литературное наследие / С.В. Рахманинов // Соч.: В 3 т. — М.: Советский композитор, 1978. — Т. 1: Воспоминания. Статьи. Интервью. Письма. — 647 с.
172. Репин. Художественное наследство // Соч.: В 2 т. — М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. — Т. 2. — 468 с.
173. Рикер П. Память, история, забвение / П. Рикер. — М.: Изд. Гуманитарной литературы, 2004. — 728 с.
174. Русский и западноевропейский классицизм. Проза. — М.: Наука, 1982. — 391 с.
175. Русские писатели 20 века. Биографический словарь / П.А. Николаев. — М.: Научное издательство Большая Российская энциклопедия; Издательство Рандеву-АМ, 2000. — 808 с.
176. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. — М.: Российская политическая энциклопедия, 1997. — 748 с.

177. Савинков С.В. Творчество А.И. Герцена: философия и поэтика (1830-1840 гг.) / С.В. Савинков. – Воронеж: ВГПУ, 2005. – 119 с.
178. Сайн-Витгенштейн Е. «Мы выросли, любя Россию». Страницы дневника княгини Екатерина Сайн-Витгенштейн / Е. Сайн-Витгенштейн // Юность. – 1991. – № 12. – С. 87-92.
179. Северюхин Д.Я. Русская художественная эмиграция, 1917-1939 / Д.Я. Северюхин. — СПб: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2003. — 129 с.
180. Смирнова А.И. Литература русского зарубежья / А.И. Смирнова. – М.: Флинта, 2006. – 223 с.
181. Сорокин П. Дальняя дорога. Автобиография / П. Сорокин. – М.: Терра, 1992. – 302 с.
182. Степанова Т.М. Художественный мир публицистики русского зарубежья. Борис Зайцев / Т.М. Степанова. – М.: Издательство МГОУ, 2004. – 328 с.
183. Степун Ф. Бывшее и несбывшееся / Ф. Степун. – СПб, 2000. – 644 с.
184. Степун Ф. Встречи: Достоевский – Л. Толстой – Бунин – Зайцев – В. Иванов – Белый – Леонов / Ф. Степун. – Мюнхен: Творчество Зарубежных писателей, 1962. – 203 с.
185. Стоянова Т.Н. Книга А.М. Ремизова «Взвихрённая Русь»: формирование поэтики : дис. ... кандидата филол. наук : 10.01.01 / Тинна Николаевна Стоянова. – СПб., 2003. – 180 с.
186. Струве Г. Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы. – Париж-Москва, 1996. – 428 с.
187. Струве Н.А. Классика в неклассическую эпоху / Н.А. Струве // Филологические записки. – 2003. – Вып. 20. – С. 27-34.
188. Струве П.Б. Лига русской культуры / П.Б. Струве // Русская свобода. – 1917. – № 3. – С. 3-6.
189. Стюфляева М.И. Образные ресурсы публицистики / М.И. Стюфляева. – М.: Мысль, 1982. – 176 с.
190. Стюфляева М.И. Человек в публицистике (Методы и приемы изображения и исследования) / М.И. Стюфляева. – Воронеж, 1989. – 145 с.

191. Сумкина А.И. Памятники московской деловой письменности XVIII в. / А.И. Сумкина. – М., 1981. – 318 с.
192. Терапиано Ю.К. Встречи, 1926—1971 / Ю.К. Терапиано. — М.: Intrada, 2002. — 384 с.
193. Тарасов Б.Н. Паскаль / Б.Н. Тарасов. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 338 с.
194. Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика / А.Г. Тартаковский. – М.: Наука, 1980. – 312 с.
195. Тартаковский А.Г. Россия и Российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках / А.Г. Тартаковский // Соч.: В 4 т. – М., 2003. – Т. 1-4.
196. Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII-первой половины XIX в. От рукописи к книге / А.Г. Тартаковский. – М.: Наука, 1991. – 286 с.
197. Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века / А.Г. Тартаковский. – М.: Археографический центр, 1997. – 357 с.
198. Тертычный А.А. Жанры периодической печати: Учебное пособие / А.А. Тертычный. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 312 с.
199. Толстой А.Н. Зарубежные впечатления / А.Н. Толстой // Соч.: В 13 т. – М., 1949. – Т. 13: Статьи 1910-1941 г. – 676 с.
200. Толстой А.Н. Новый материк / А.Н. Толстой. – М.: Советская Россия, 1982. – 384 с.
201. Тургенев И.С. Стихотворения в прозе / И.С. Тургенев. – Томск, 2000. – 255 с.
202. Тынянов Ю. Как мы пишем / Ю. Тынянов // Как мы пишем. URL: <http://readr.ru/yuriy-tinyanov-kak-mi-pishem.html> (дата обращения: 11.11.2013).
203. Тэффи Н.А. Печальное вино / Н.А. Тэффи. – Воронеж, 2000. – 577 с.
204. Удодов А.Б. Литература русского зарубежья XX века (1918-1991) / А.Б. Удодов. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 1995. – 37 с.
205. Учёнова В.В., Шомова С.А. Полифония текстов в культуре / В.В. Учёнова, С.А. Шомова. – М., 2003. – 392 с.

206. Фенчук О.Н. Структура и функции памяти в поэзии И.А. Бунина : автореф. дис. ... кандидата филол. наук : 10.01.01 / Олег Николаевич Фенчук. – Воронеж, 2012. – 24 с.
207. Фёдоров Н.Ф. Избранные сочинения / Н.Ф. Фёдоров. – М.: РОССПЭН, 2010. – 759 с.
208. Филин М.Д. Первопрестольная: далёкая и близкая. Москва и москвичи в литературе русской эмиграции / М.Д. Филин // Соч.: В 2 т. – М., 2003. – Т. 1-2.
209. Хазанов Б. Допрос с пристрастием: Литература изгнания / Б. Хазанов. — М.: Захаров, 2001. — 269 с.
210. Ходасевич В.Ф. Некрополь / В.Ф. Ходасевич. — М.: Вагриус, 2001. — 244 с.
211. Хрестоматия по древнерусской литературе. – М.: Высш. шк., 1985. – 255 с.
212. Художественный текст: структура и поэтика: межвузовский сборник. — СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. — 293 с.
213. Цветаева М.И. «Спасибо за долгую память любви...»: Письма Марины Цветаевой к Анне Тесковой. 192-1939 / М.И. Цветаева. – М.: Русский путь, 2009. – 399 с.
214. Цветаева М. Письмо от 5 января 1937 года / М. Цветаева // Слово. – 1994. – № 15. – С. 97.
215. Чехов А.П. Собрание сочинений / А.П. Чехов // Соч.: В 12 т. – М., 1986. – Т. 12. – 512 с.
216. Чуковская Л. Сочинения / Л. Чуковская // Соч.: В 2 т. – М.: Гудьял-Пресс, 2000. – Т.1: Повести; Воспоминания. – 432 с.
217. Чуковский К.И. Дневник 1901-1969 / К.И. Чуковский // Соч.: В 2 т. – М.: Олма-Пресс, 2003. – Т. 1. – 638 с.
218. Шанель Коко. Жизнь, рассказанная ею самой / Коко Шанель. – М.: Яуза-пресс, 2012. – 288 с.
219. Шапорина Л.В. Дневник / Л.В. Шапорина // Соч.: В 2 т. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – Т. 2. – 640 с.
220. Шаховская З.А. В поисках Набокова. Отражения / З.А. Шаховская. – М.: Книга, 1991. – 316 с.

221. Шаховская З. Таков мой век / З. Шаховская. – М.: Русский путь, 2006. – 672 с.
222. Шиляева А.С. Жизненный и творческий путь Б.К. Зайцева / А.С. Шиляева // Записки русской академической группы в США. – 1970. – Т. 4. – С.136-147.
223. Шкловский В.Б. Гамбургский счёт: статьи–воспоминания–эссе (1914-1933) / В.Б. Шкловский. – М.: Советский писатель, 1990. – 544 с.
224. Шкловский В.Б. О теории прозы / В.Б. Шкловский. — М.: Советский писатель, 1983. — 383 с.
225. Шкловский В.Б. Тетива. О несходстве сходного / В.Б. Шкловский. — М.: Сов. писатель, 1970. — 275 с.
226. Шмаглит Р.Г. Русское зарубежье в XX веке. 800 биографий / Р.Г. Шмаглит. — М.: ZebraE: АСТ, 2007. — 255 с.
227. Шмелёв И.С. Собрание сочинений / И.С. Шмелёв // Соч.: В 5 т. – М.: Русская книга, 2001. – Т. 2: Въезд в Париж. Рассказы. Воспоминания. Публицистика. – 508 с.
228. Эйхенбаум Б. О прозе / Б. Эйхенбаум. — Л.: Художественная литература, 1969. – 501 с.
229. Янин В.Л. Берестяная почта столетий / В.Л. Янин. – М., 1979. – 128 с.
230. Яркова А.В. Жанровое своеобразие творчества Б.К. Зайцева 1922-1972 годов. Литературно-критические и художественно-документальные жанры. Монография / А.В. Яркова. – СПб.: ЛГОУ им. А.С. Пушкина, 2002. – 211 с.
231. Brodsky J. The Condition We Call Exile / J. Brodsky // Writing in Exile. Renaissance and Modern Studies. University of Nottingham. – 1991. – Vol. 34. – P. 1-8.
232. Lemigration russe Revues et recueils 1920-1980. – Paris, 1988. – 661 с.
233. Mierau F. Russen in Berlin. 1918-1933. Eine Kulturelle Begegnung / F. Mierau. – Berlin, 1988. – 615 s.